ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 10 (4452)

8 марта 1974 г. СРЕДА

Центральный Комитет КПСС уверен, что наши советские женщины, снискавшие своим самоотверженным трудом и повседневной заботой о воспитании детей высокую общественную признательность, внесут весомый вклад в общенародную борьбу за успешное выполнение планов четвертого года пятилетки.

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу)

Михаил ДУДИН

ПОКЛОН ТЕБЕ, ЖЕНЩИНА!

ЭТИ первые весенние дни, в канун 8 Марта, я думаю прежде всего о матери своей.

Ее звали Елена Васильевна. Она была лучшей матерью в мире, потому что была моей матерью.

И хотя ее давным-давно нет на свете, я ее помню, словно расстался с нею только вчера...

У нее были золотистые, с солнечным блеском волосы, прямые темные брови, ясные голубые глаза и тихая непропадающая улыбка на чуть припухших влажных губах.

У нее были руки, умеющие делать все. И они пахли полем, молоком и хлебом, ароматом желтого донника...

Женщина, я кланяюсь тебе всей сыновней любовью своей, всей памятью своей, идущей от тебя и к тебе.

Полк, в котором я служил, сразу же после окончания финской кампании перебросили на полуостров Гангут. На весь полк была только одна женщина — Зоя Коваленко, прачка и уборщица в полковом клубе. Росте ниже среднего, плотная, круглолицая, ее чуть вздернутый нос говорил о том, что она не даст себя в обиду.

И мы не обижали ее. Мы восхищались ею. Она была единственным отзвуком света и любви в нашей суровой жизни.

Когда началась война, Зоя ушла в санитарный взвод, надела гимнастерку, шинель — стала, как и мы, солдатом. Она оказалась на редкость старательной и смелой санитаркой.

Я видел сам, как во время нашего возвращения с полуострова в Ленинград, в промозглую, штормовую декабрьскую ночь, на тонущем корабле, попавшем под обстрел береговой артиллерии, будучи сама раненной, она помогала делать перевязки и эвакуировать пострадавших на подошедший тральщик.

А сколько она вытащила с поля боя своих однополчан под Ивановскими порогами, на левом берегу Невы под Марьиной рощей во время прорыва блокады, а торфяной жиже Синявинских болот, в траншеях Пулковских высот и Вороньей горы!

— Это было под Нарвой в феврале сорок четвертого, — рассказывает Я. Гибель, начальник медицинской службы нашего полка. — Мы с госпиталем перебрались на западный берег Наровы. Наступление шло полным ходом, мы разбили палатки и операционную. Бой был тяжелым, раненых много. Потом нас окружили, и мне пришлось прямо в халате лечь за пулемет. Я видел сам, как Зоя стаскивала тяжелораненых в воронку от бомбы. Стаскивала, отбирала у них автоматы и отстреливалась. А немцы наседали. Когда у меня кончилась лента, я увидел, как воронку окружили гитлеровцы и в упор били туда, в яму. Я не знаю, как долго продолжался этот бой. Нас выручили. И я кинулся к воронке. Зоя лежала сверху, прикрывая раненых, как крыльями, раскинутыми в стороны руками. Все были мертвыми. Немцы не пожалели очередей. Но все-таки один солдат остался жив.

Нарову подперли плотиной, и то место, где проходил этот бой, затопила вода. Но мы помним о тебе, Зоя. Да и, наверное, сама земля там, под водой, помнит о том, как ты прикрывала ее, будто птица крыльями...

Мы знаем, почему люди к слову «Родина» прибавляют в минуты высшей сосредоточенности полушепотом слово «мать».

А Зоя не успела быть матерью.

Но она была матерью Победы.

И мы, смолкая, склоняем головы.

Я кланяюсь тебе, женщина.

Ты всегда думаешь, что дети, рожденные тобой, будут прекрасными, ты не можешь думать по-другому, это было бы противоестественно. Тогда бы на земле окончательно исчезла вера и жизнь задохнулась бы от собственного бессилия.

Я кланяюсь тебе, женщина! Твоей бессмертной сути, Рассветному таинству твоей любви.

Ты несешь жизнь в жизнь, И тревога, и беспокойство твои благородны.

Мир тревожен и зыбок, но мужество твое, оставаясь в тени, держит в этом тревожном мире равновесие жизни.

Мне ничего не сделать без тебя.

Ты придаешь всем делам и размышлениям моим очарование и смысл.

Я видел сухие глаза вдовы убитого президента Сальвадора Альенде. Я смотрел в эти глаза и понял одно: человек победит в человеке, поэзия гармонии твоей души, твоей любви не дадут угаснуть этому вечному празднику жизни.

Женщина, я кланяюсь тебе! Мы сажаем вместе одно зерно...

Мы видим вместе одни звезды...

ЛЕНИНГРАД

ПОВЕЛЕВАТЬ ВРЕМЕНЕМ — профессия и призвание сборщицы Второго московского часового завода, Героя Социалистического Труда А. Похмельновой. Личное пятилетнее задание ей удалось выполнить за три года.

Фото А. УЗЛЯНА и В. КРОХИНА

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Стихи Майрамкан АБЫЛКАСЫМОВОЙ, Лии БРИДАКА, Ирины ВОЛОБУЕВОЙ, Риммы КАЗАКОВОЙ, Татьяны КУЗОВЛЕВОЙ, Маро МАРКАРЯН, Маргариты НОГТЕВОЙ, Эди ОГНЕЦВЕТ, Ирины СНЕГОВОЙ, Тоушан ЭСЕНОВОЙ

стр. 7

Ануар ААИМЖАНОВ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ЦЕЛИНА — НАША ГОРДОСТЬ

КАЖЕТСЯ, что все это было недавно. В памяти сохранились навечно холодные, вьюжные дни начала 1954 года. Мы были тогда студентами. Сорвав с головы шапки и веселым криком заглушая звуки оркестра да свист ветра, мы провожали друзей на целину, в мглистую даль необъятных степей Казахстана.

Кажется, что все это было вчера. Но время летит, незаметно оставляя нам все-таки зримые следы замечательных дел наших современников.

С той поры прошло двадцать лет, и дети первых целинников, и наши дети ныне стали такими же студентами, какими в те годы были мы. Но живут многие из них в городах и поселках, которых тогда еще не было в помине. А учатся они в новых вузах Целинограда, Кустаная и Кокчетава... И знают они о начале великого подвига по рассказам отцов.

...Шел всего лишь девятый год после окончания второй мировой войны. Еще не до конца было завершено восстановление разрушенных гитлеровцами городов и сел. Еще не до конца были излечены раны, нанесенные войной, когда партия Ленина обратилась к народу, к молодежи Советской страны с призывом освоить целинные и залежные земли Казахстана и Алтая, Кулунды и Урала...

Весна пятьдесят четвертого была на редкость затяжной, холодной. В марте то снег, то дождь, то лютый мороз. Не хватало корма для скота.

— Это «джут» — год дракона по древнему степному календарю. Он, этот год, чаще всех других приносит беду, — говорили чабаны тогда между собой. Но, встречая гостей из Москвы и Ленинграда, Минска и Киева, Алма-Аты и Ростова, они не вспоминали об этом. Они, как могли, старались согреть и накормить гостей. А их были тысячи.

Эшелон за эшелоном ехали в степь, открытую всем ветрам, молодые энтузиасты — русские и украинцы, латыши и литовцы, армяне и грузины, молдаване и эстонцы... Никогда там не слышалось такого разноязычного говора и песен, и, пожалуй, никогда история человечества не знала такого подвига, такой битвы со стихией, с природой.

Кем студент-практикант в те дни я колесил по степи, и в моих первых репортерских блокнотах по сей день остались записи о том, как парни из Подмосковья расчищали снег и под вой ветра обмороженными руками вбивали первые колышки на месте будущих совхозных поселков. Как в степи за Иемчатом, спасая трактор, проваливавшийся под лед, погиб русоголовый паренек; как однажды на Акмолинщине в степи полил холодный дождь, а потом мокрый снег засыпал пеленой все вокруг, и люди, потеряв дорогу, шли на огонек и провели ночь в тесной теплой комнатушке старика, оказавшегося первым трактористом этого края, Героем Социалистического Труда Нежмеденом Аппысбаевым, и нем его супруга Загипаплай до самого утра угощала едой и чаем всех, кто заходил в этот дом.

А потом были первые борозды, были первые цветы целины! И урожай был отменный!

Целина проверяла людей на стойкость, на дружбу. Она отсеивала шлак и закаляла характеры — характеры советских людей. Коммунисты, кадровые рабочие Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, люди, прошедшие закалку в войне и на стройках пятилеток, стали тогда вожаками молодежи. Что нужно сделать, чтобы с великих целинных полей получать устойчивые урожаи?

Это было вековой мечтой хлеборобов... Претворению мечты в явь посвящали свой труд, свою жизнь выдающиеся ученые П. Лукьяненко, А. Бараев, В. Кузьмин. На целинных землях создавались научные лаборатории и институты. Селекционеры работали над созданием новых сортов семян, улучшалась агротехника, возникали почвозащитные комплексы. Хлеборобы бесперебойно получали все больше удобрений, обновленную технику. Люди набирались опыта. Волею партии вся страна оказывала необходимую помощь целинникам. Ибо хлеб был основой богатства страны.

И вот сегодня, отмечая 20-летие освоения целинных и залежных земель, мы поздравляем друг друга с победой, удивленно смотрим на наших повзрослевших детей, на обновленную землю нашу, не новые города и села. И само собой рождается в нас спокойное, великое чувство гордости за дело нашей партии, за подвиг советского народа — тот великий подвиг, который отражен в полотнах многих выдающихся художников слова и кисти, подвиг, который обогатил наш духовный мир, украсил нашу дружбу и мощь нашей страны.

Мухтар Ауэзов и Илья Сельвинский, Николай Погодин и Сабит Муканов... В творчестве многих выдающихся деятелей нашей многонациональной советской литературы, творческая летопись отечественной литературы отображен небывалый в истории поход на целину. О нем писали и будут писать... Так же как и о великой победе в минувшей войне. Иткен сказал поэт Олжас Сулейменов в поэме «Хлебное небо»:

О, не бойтесь
Нахлынувших, смелых,
Внезапных гипербол —
Эту землю не трогала
Тень деревянной сохи.
Плуг знакомого парня
в тужурке
Считается первым.
Цифры — после.
Сейчас вы отдайте
блокнот под стихи.

Я горжусь тем, что этот подвиг совершен нашим поколением под руководством великой партии Ленина.

АЛМА-АТА

УРОЖАЙНОЕ ЛЕТО 1973 ГОДА. В дружном отряде целинников — посланцы всех союзных и автономных республик.

На снимке: *рабочие карагандинского совхоза «Каратурук».*

Фото Н. БУДНЕВИЧА и Ю. МАЛЬДИНА (АПН)

ВЕЛИКОМУ ПУШКИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

НА ДНЯХ под председательством первого секретаря правления СП СССР Г. Маркова состоялось заседание секретариата, в котором приняли участие писатели, партийные и советские работники, сотрудники центральных издательств, журналов, газет, радио и телевидения. На заседании был обсужден вопрос о подготовке и проведении литературного праздника, посвященного 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

— Предстоящий юбилей, — сказал Г. Марков, — событие поистине всенародного значения, которое явится смотром достижений нашей многонациональной советской литературы, творческим отчетом писателей перед трудящимися страны. Для нас, литераторов, Пушкинские праздники поэзии — своеобразная школа общения с читателями, позволяющая не только ощутить живую, трепетную любовь советских людей к литературе, но и почувствовать всю меру ответственности каждого из писателей за свой труд перед обществом. Нынешний VIII Пушкинский праздник поэзии, совпадающий со 175-летием со дня рождения великого русского поэта, надо провести на самом высоком уровне, привлечь для участия в нем представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции — правофланговых пятилетки.

В обсуждении вопросов подготовки и проведения VIII Пушкинского праздника поэзии приняли участие К. Айвазян, П. Андроников, Д. Благой, С. Баруздин, секретарь Горьковского обкома КПСС И. З. Борисова, Ю. Верченко, заместитель министра культуры СССР Г. И. Владыкин, Г. Гулиа, член коллегии Госкомиздата СССР С. С. Иванько, В. Ильин, А. Кешоков, председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров СССР С. Г. Лапин, М. Луконин, Б. Мейлах, В. Перцов, С. Сартаков, секретарь Калининского обкома КПСС В. И. Смирнов, секретарь Псковского обкома КПСС Л. В. Ульянов, Г. Холопов, сотрудник Московского Пушкинского музея Н. Нечаева.

В принятом постановлении намечена широкая программа мероприятий. Маршруты писательских бригад пройдут по городам и селам, чья история связана с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Юбилейные торжества, в которых примет участие широкий круг зарубежных писателей, состоятся в Москве, Ленинграде, Пскове, селе Михайловском Калининской области, селе Болдино Горьковской области, в Армении, Грузии, в Кишиневе и Одессе, в Крыму. В дни юбилея состоятся научно-теоретические и читательские конференции, посвященные творчеству великого русского поэта. К юбилею будет приурочен выход десятитомного собрания сочинений А. С. Пушкина. В 1974 году центральные издательства страны выпустят также трехтомник избранных произведений поэта, отдельные книги общим тиражом свыше 2500 тысяч экземпляров. Торжества завершатся 6 июня в Москве юбилейным вечером.

На заседании секретариата было заслушано также сообщение секретаря правления СП СССР К. Симонова об итогах Дней советской литературы в Рязанской области. Секретариат одобрил работу писательской делегации в Рязанской области и выразил сердечную благодарность Рязанскому областному комитету КПСС, облисполкому, областному совету профсоюзов, писательской организации области за большую помощь в проведении литературного праздника.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассказ о подвиге женщин подпольного колхоза в калужской деревне

стр. 10

МАЛЕНЬКИЙ ДИАЛОГ

ПРАЗДНИК В КРАЮ КАЛЕВАЛЫ

Почти полтора сотни лет прошло с тех пор, когда Элиас Леннрот совершил несколько поездок в глубины карельской земли в поисках старых рун — эпических песен, народных заговоров, сказаний. После кропотливейшей работы над собранным материалом Леннрот объединил руны в знаменитую «Калевалу». Полный текст «Калевалы» (в нем содержится 22 795 стихов) увидел свет в 1849 году.

Выдающимся исследователем «Калевалы» был академик О. В. Куусинен. Он же, кстати, и автор предисловия к многим изданиям эпоса.

В честь 125-летия со дня выхода в свет полного издания «Калевалы» в Карелии состоялись литературные торжества. Корреспондент «ЛГ» обратился к председателю правления Союза писателей Карелии Ульясу Виктрему с просьбой рассказать о том, как проходили эти торжества.

— Праздник начался в краю рун — Калевальском районе, в местах, где Элиас Леннрот когда-то ходил по деревням и записывал народные песни, сказания, заговоры. Писательские бригады встретились с потомками песнопевцев — нынешними рабочими, колхозниками — теми, у кого труд подобен песне, кто славит Карелию делами своими... Писатели выступали в домах культуры, клубах, библиотеках, школах...

— Были ли гости из других республик?

— Да. Писатели из Мари, Мордовии, Удмуртии, Чувашии, ученые из Ленинграда и Москвы. Кстати, посетили нас гости и из-за рубежа — финские ученые Вяйне Кауконпяя и Эртты Виртаранта.

— Ну, а «пик» торжества?

— «Пиком» торжества была научно-теоретическая конференция, с большим успехом прошедшая в Петрозаводске. Открыл конференцию первый секретарь обкома партии И. И. Сонькин. Основной доклад сделал Эйно Карху. Выступили также Антти Тимонен, наш гость Юван Шестилов и другие. Подвел итоги заместитель председателя Совета Министров Карелии И. П. Маньким.

Торжества на этом не закончились — они продолжатся и летом...

СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Очередная, одиннадцатая встреча руководителей союзов писателей социалистических стран открылась в столице Чехословакии — Праге. Здесь будут обсуждены важнейшие вопросы идейно-творческой жизни писательских организаций братских стран.

Для участия в этой встрече в Прагу выехала делегация Союза писателей СССР в составе первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. Маркова (глава делегации), секретаря правления Союза писателей СССР Ю. Верченко, председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР А. Косорукова.

Юлия ДРУНИНА

ПОЛЕМИКА

ТАЙНЫ ДАМСКОЙ СУМОЧКИ

СНОВА г-жа ГАСИОРОВСКАЯ...

Три года назад на страницах «Литературной газеты» (№ 1, 1971) была дана отповедь измышлениям Ксении Гасиоровской, автору книги «Женщины в советской художественной литературе», выпущенной издательством Висконсинского университета в США. В западногерманском журнале «Остэуропа» (№ 12, 1973) появилась очередная ее статья — «Новая женщина в советской литературе». Прокомментировать эту статью мы попросили Юлию Друнину.

В 1967 ГОДУ западноберлинская религиозно-общественная организация, именуемая Евангелической академией, пригласила нас, группу советских поэтов, на литературную дискуссию. Почти во всех печатных откликах западноберлинской прессы на этот диспут тогда подчеркивалось, что многим западным немцам придется теперь отказаться от шаблонных представлений о созетских писателях и о советской литературе.

Что подразумевалось под «шаблонными представлениями», я не [illegible], когда читаешь в [illegible]германском журнале «Остэуропа» (№ 12, 1973) опус некой К. Гасиоровской «Новая женщина в советской литературе». Шаблоны оказались весьма живучими. Беру наугад первую попавшуюся фразу: «Новая женщина не ищет поддержки в религии при преодолении своих душевных невзгод, но в известном смысле заменой этому служит коммунизм, либо в виде своевременного совета, поданного партийным организатором, либо просто благодаря здоровым основам, заложенным в нее воспитанием в советской жизни».

У нас подобное [illegible] вполне могло бы [illegible] за передним. Но, к с[illegible], весь этот юмор не [illegible] быть по достоинству [illegible] западногерманскими [illegible]лями, так как они, за [illegible] исключением (в этом я могла убедиться лично), не зна[illegible] с советс[illegible] [illegible] студенческие [illegible] [illegible] [illegible] лишь [illegible] двух-трех наших «[illegible]мых» — тот период — молодых авторов...

На первый взгляд, в опусе Гасиоровской все перемешано, как в дамской сумочке: таинственная сфера подсознания и менее таинственная сфера инкуляции, рассуждения о высоких материях и о проблемах, «связанных с предохранением от беременности, гомосексуализмом или несоответствием сексуального темперамента».

Вроде бы и никакой системы нет...

Однако я все-таки попыталась разобраться в этой «сумочке». Конечно, не как литературовед — я им не являюсь,— а как одна из тех самых «новых советских женщин»: с позиций собственного жизненного и профессионального опыта и в меру собственного разумения.

Так вот, система у критикессы есть. Не сразу, но понимаешь, почему вдруг «забыта» шолоховская Аксинья, а упоминается какая-то Лиза из какого-то канувшего в Лету рассказика.

Система здесь есть. И далеко не новая. Берется некое якобы «само собой разумеющееся» положение и иллюстрируется тенденциозно выдернутой цитатой.

Конечно, подобные операции можно было бы произвести более профессионально, чем Гасиоровская, но это уже вопрос способности автора — из кувшина, как известно, выливается только то, что в него налито.

Подробно в данной «системе» поговорим ниже. Но предварительно мне хочется упомянуть удивительную «осведомленность» критикессы в чисто литературных вопросах.

Оказывается, в частности, трагедия Анны Карениной заключалась в том, что она (по-видимому, в знак социального протеста!) «отказалась от обеспеченной жизни в каренинском доме». Ах, на какие бедствия осудила себя Анна, уйдя к «несчастному бедняку», то бишь к графу Вронскому!..

> А чего стоит одно только рассуждение Гасиоровской о том, что «не так-то легко ответить на вопрос, предпочла бы, например, публика, чтобы чеховские «Три сестры» были избавлены от ощущения безысходности: Маша, сведшая после двойного развода с Вершининым, Ирина, добившись чудес на своем телеграфе, Ольга, заинтересовавшись в конце концов своими ученицами»!
>
> На подобные дамские вопросы не только не нужно отвечать — их не следует задавать. Литературное произведение не платье, которое можно перешить согласно пожеланию заказчицы...

А безапелляционное обобщение, что (конечно, «в отличие от своих западных коллег») «советские писатели не раскрывают читателям сокровенных чувств своих героев»?

Ну, зачем же так лихо — всех в один общий котел? Кто «раскрывает», а кто и «не раскрывает» — это ведь прежде всего вопрос таланта. Так было, есть и будет во все века, у всех народов, в том числе и на Западе.

Впрочем, чисто литературных вопросов критикессу касается мимоходом, на бегу. А «бежит» она к одной заветной цели — к старому-престарому плакату, на котором выцветшими от времени буквами начертано, что героини советской литературы (а следовательно, и их прототипы) однозначны, пресны и похожи друг на друга, как близнецы: «У них у всех — одинаковые взгляды, идеалы и проблемы, и все они одинаково на все реагируют».

«Одинаковые»...

> Малограмотная деревенская девушка Шурютка из «Сероглазого первого» В. Лавренева, страстно ненавидящая «беляков» и страстно полюбившая племянника белого офицера...
>
> Женщина-комиссарша из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского — хрупкая, рафинированная интеллигентка, стиснув зубы и скрепя сердце, отдающая, несмотря на свою [illegible] матери...
>
> Красивая и гордая Ольга Петрова, машинистка «Гадюки» А. Толстого, бесстрашная «братишка» Конной армии, растерявшаяся и погибшая в мире, где стучат не пулеметы, а пишущие машинки...
>
> Это лишь несколько женских образов литературы эпохи гражданской войны.
>
> А вот — война Отечественная.
>
> Радистка Катюша из «Завтрашнего дня» Эм. Казакевича — обаятельная и [illegible]ышная добрая девушка, друг [illegible] ответственно полюбившая сурового лейтенанта Травкина и продолжающая упорно верить в его возвращение тогда, [illegible] да всем уже [illegible] ясно, что лейтенант [illegible] не вернется...
>
> Милая, очень земная, не сумевшая сохранить верность любимому, но оставшаяся верной самой себе Вероника В. Розова — Запад хорошо знает ее по фильму «Летят журавли».
>
> Целая галерея ярких женских образов — сестер и санинструкторов — из «Спутников» В. Пановой.
>
> «Одинаковые»...
>
> Кончилась Великая Отечественная. «С конца второй мировой войны и до смерти Сталина к советской литературной героине предъявлялись весьма суровые требования», — недаром сетует Гасиоровская. Как великая вина женщине этой эпохи вменяется, в частности, то, что она «почти не пользуется косметикой и тратит мало времени и денег на свои туалеты».

Эх, фрау, фрау!.. Неужели вам не приходило в голову, почему, по какой-такой причине в послевоенные годы нашим женщинам было не до косметики и туалетов? Вы не знаете, что по вине фашистов двадцать миллионов советских людей погибло на войне и половина страны лежала в развалинах? Вы не понимаете, какая тяжесть легла тогда на женские плечи?

Недаром женщины, которым порой приходилось и самим впрягаться в плуг, с горьким юмором распевали в те годы трагическую частушку:

Вот окончилась война,
И осталась я одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, я и мужик.

А в городах женщины поднимали из развалин разбомбленные здания, восстанавливали взорванные заводы и затопленные шахты.

До косметики ли им было, до туалетов?

Да и красоваться-то было не перед кем. Лежали наши женихи и мужья в земле, начиненной осколками, в братских могилах.

Эх, фрау, фрау...

Но время не стояло на месте. Залечивались раны — физические и душевные, вставали из руин города и села, подрастало новое поколение. Жизнь становилась легче. И женщины, представьте себе, стали-таки пользоваться косметикой (порой даже больше, чем нужно) и думать о туалетах. Впоследствии возникали волнующие проблемы узких и широких брюк, мини и макси. К 8 Марта мужчины получили возможность дарить своим подругам не одеколон (как ядовито замечает Гасиоровская), а французские духи.

> Эта изменившаяся атмосфера нашла, конечно, свое отражение и в литературе. Появился ряд повестей (пожалуй, одной из «первых ласточек» здесь был В. Аксенов), страницы которых сначала населили «модерновые» девочки и мальчики, а потом «стильные» молодые женщины и элегантные интеллектуалки средних лет.

Как это ухитрилась «не заметить» их столь наблюдательная дама, как Гасиоровская, с обычной своей безапелляционностью заявившая, что в советской прозе «образ как литературной героини, так и окружающего ее мира остается сравнительно неизменным»?

Еще в двадцатые годы в советской прозе короткое время («болезнь роста») было модно смаковать так называемые «вопросы пола». Вспомним хотя бы имена Б. Пильняка и П. Романова.

«Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления в любовную потребность так же просто... как выпить стакан воды?» — спрашивал Клару Цеткин В. И. Ленин.

И отвечал: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?»

Здесь, как говорится, «не прибавить, не убавить»...

Случайно ли на Западе так прогремела довольно посредственная мелодрама Э. Сигала «Love story» («История любви») и пролито столько слез на одноименном фильме?

Но и герой, и героиня романа — нормальные, хорошие молодые люди, любовь их чиста, они и не помышляют об этом самом «промискуитете». А западному читателю уже надоело «пить из лужи», поэтому так жадно набросился он на стакан с обычной водой...

Еще одно обвинение: «Советскую литературную героиню невозможно подвести под понятие «новая женщина» в том смысле, который придается ему на Западе, а именно — как женщина, борющаяся за равноправие с мужчиной...»

Виноваты, «не беремся».

А зачем же нам, действительно добившимся полного равноправия, ломиться в открытую дверь? Только для того, чтобы подходить под стандарты Запада?..

Иное дело, что теперь мы, женщины, столкнулись с другой проблемой: как совместить работу с домашними обязанностями? Да еще успеть следить за своей внешностью. И не пропустить интересную премьеру или нашумевший роман.

Над решением этой сложной проблемы ломают у нас головы и копья, спорят до хрипоты на собраниях, ай обсуждают в прессе, на радио и в телепередачах.

Конечно, увеличивается число яслей и детских садов, конечно, многие отцы и мужья «проявляют сознательность» — помогают своим женам, конечно, пылесосы, полотеры и стиральные машины несколько облегчают нашу жизнь. Но проблема эта не решена.

И вот тогда [illegible] начинает [illegible] выть только усмешку. Проза наша переполнена произведениями, повествующими о женщинах, отказывающих свое право на любовь и человеческое счастье. Вспомните хотя бы нежных и мужественных героинь Ч. Айтматова из его «Первого учителя», «Джамили», «Я — Тянь-Шань».

Теперь [illegible]ожу к одному из самых суровых обвинений [illegible]ссы. Она [illegible]ает, [illegible] «по западным [illegible] моральный кодекс в советских романах все еще слишком суров. Он исключает промискуитет...» Стоп! Листаю словарь иностранных слов: «Промискуитет — неупорядоченность половых отношений в первобытном человеческом обществе, предшествовавших возникновению брака и семьи».

Н-да-а... Почему-то [illegible] от обычая первобытного общества.

Но я должна несколько огорчить Гасиоровскую: «сексуальный бум» не является для нас новацией.

Еще в двадцатые годы в советской прозе короткое время («болезнь роста») было модно смаковать так называемые «вопросы пола». Вспомним хотя бы имена Б. Пильняка и П. Романова.

«Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления в любовную потребность так же просто... как выпить стакан воды?» — спрашивал Клару Цеткин В. И. Ленин.

И отвечал: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?»

Здесь, как говорится, «не прибавить, не убавить»...

Случайно ли на Западе так прогремела довольно посредственная мелодрама Э. Сигала «Love story» («История любви») и пролито столько слез на одноименном фильме?

Но и герой, и героиня романа — нормальные, хорошие молодые люди, любовь их чиста, они и не помышляют об этом самом «промискуитете». А западному читателю уже надоело «пить из лужи», поэтому так жадно набросился он на стакан с обычной водой...

Еще одно обвинение: «Советскую литературную героиню невозможно подвести под понятие «новая женщина» в том смысле, который придается ему на Западе, а именно — как женщина, борющаяся за равноправие с мужчиной...»

Виноваты, «не беремся».

А зачем же нам, действительно добившимся полного равноправия, ломиться в открытую дверь? Только для того, чтобы подходить под стандарты Запада?..

Иное дело, что теперь мы, женщины, столкнулись с другой проблемой: как совместить работу с домашними обязанностями? Да еще успеть следить за своей внешностью. И не пропустить интересную премьеру или нашумевший роман.

Над решением этой сложной проблемы ломают у нас головы и копья, спорят до хрипоты на собраниях, ай обсуждают в прессе, на радио и в телепередачах.

Конечно, увеличивается число яслей и детских садов, конечно, многие отцы и мужья «проявляют сознательность» — помогают своим женам, конечно, пылесосы, полотеры и стиральные машины несколько облегчают нашу жизнь. Но проблема эта не решена.

И вот тогда [illegible] начинает [illegible] выть только усмешку. Проза наша переполнена произведениями, повествующими о женщинах, отказывающих свое право на любовь и человеческое счастье. Вспомните хотя бы нежных и мужественных героинь Ч. Айтматова из его «Первого учителя», «Джамили», «Я — Тянь-Шань».

Теперь [illegible]ожу к одному из самых суровых обвинений [illegible]ссы. Она [illegible]ает, [illegible] «по западным [illegible] моральный кодекс в советских романах все еще слишком суров. Он исключает промискуитет...» Стоп! Листаю словарь иностранных слов: «Промискуитет — неупорядоченность половых отношений в первобытном человеческом обществе, предшествовавших возникновению брака и семьи».

Н-да-а... Почему-то [illegible] от обычая первобытного общества.

Но я должна несколько огорчить Гасиоровскую: «сексуальный бум» не является для нас новацией.

А заявление критикессы, что так называемая свободная любовь когда-то и на Востоке [illegible] [illegible]ает» у [illegible] вызвать только усмешку. Проза наша переполнена произведениями, повествующими о женщинах, отказывающих свое право на любовь и человеческое счастье. Вспомните хотя бы нежных и мужественных героинь Ч. Айтматова из его «Первого учителя», «Джамили», «Я — Тянь-Шань».

Теперь [illegible]ожу к одному из самых суровых обвинений [illegible]ссы. Она [illegible]ает, [illegible] «по западным [illegible] моральный кодекс в советских романах все еще слишком суров. Он исключает промискуитет...» Стоп! Листаю словарь иностранных слов: «Промискуитет — неупорядоченность половых отношений в первобытном человеческом обществе, предшествовавших возникновению брака и семьи».

Н-да-а... Почему-то [illegible] от обычая первобытного общества.

Но я должна несколько огорчить Гасиоровскую: «сексуальный бум» не является для нас новацией.

Этой же тактикой предписывается следующее откровение: «Ревность считается недостойной «советской новой женщины и не присуща ей». Опять — кем именно «считается» и почему «не присуща»? Это вполне естественное чувство может быть не присуще только тем, кто живет по законам промискуитета.

А вот замечательно, что моральный кодекс в советском романе «превращает супружескую измену в серьезный проступок», я не берусь оспаривать. Мне бы хотелось только задать Гасиоровской один вопрос. Ну, а как там у вас, на Западе? Там ли уж всегда спокойна относятся женщины (в жизни и в литературе) к неверности своих мужей?

С утверждением же, что «советская литературная героиня не Цирцея», я совершенно согласна. Конечно, не Цирцея. Ведь, как известно, эта злая волшебница прославилась тем, что превращала попавших к ней в плен мужчин в свиней. Почему же нам нужно ей подражать?

Критикессу [illegible] [illegible] также, что советская женщина «не порабощает и не разоряет мужчин силой своих чар».

«Разорять» и «порабощать»? Полно! Неужели в наше время нельзя найти себе хобби поинтереснее?..

«Всю дорогу» Гасиоровская пыталась доказать, что в отличие от западной советская литературная героиня (Запад для критикессы почему-то является втакним планетарным эталоном и художественности, и нравственности) — существо однозначное, лишенное эмоций, никогда и ни в чем не сомневающееся, никогда и никуда не стремящееся, кроме как к высоким производственным показателям.

И вдруг (о, женская логика!) она заканчивает свой опус неожиданным признанием: оказывается, и нам, советским, не чужда-таки «специфически женская слабость».

Ну что же, не стану спорить. Мы — женщины, и никто женское [illegible] нам не чужд.

И мы [illegible] [illegible], что вопреки своей [illegible] [illegible] [illegible] была [illegible] в руки [illegible] [illegible] [illegible]...

Тогда, в 1969 году, на дискуссии в Евангелической академии меня спросили: как женщина, прошедшая фронт, смогла не только остаться женщиной, но и стать поэтом?

Я ответила, что, научившись ненавидеть, мы вовсе не разучились любить, что после войны еще острее почувствовали [illegible] жить.

И, конечно, [illegible] [illegible] каждой нормальной женщины — [illegible] сильного, доброго [illegible], рядом с которым [illegible] позволить себе быть слабой:

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
мирный зимний белый,
Припомнить вместе
но кочу,
И женщиной —
растерянной,
нежной —
Я прикасаюсь к твоему
плечу.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Гравюра художника Карло Пачулия к очеркам Григола Чиковани.

Гравюра художника Анзора Тодрия к стихам Алеко Шенгелия (Из серии «Грузинские писатели на вахте девятой пятилетки», выпущенной издательством «Мерани» в 1973 г.).

ВЕРНОСТЬ КРИТЕРИЯ — ГЛУБИНА АНАЛИЗА

[illegible] [illegible] в Москве [illegible] [illegible] научная конференция [illegible] [illegible] [illegible]

ВЫСОКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТОРА

С ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

«Москва — пятилетка —, литература» — тема состоявшегося на днях пленума правления Московской писательской организации была вызвана самой жизнью, развернувшимся по всей стране широким социалистическим соревнованием, замечательными трудовыми свершениями народа, новыми победами передовых коллективов, «маяков» девятой пятилетки.

В зале Центрального Дома литераторов, где проходило заседание пленума, вместе с писателями столицы сидели рабочие, передовики, командиры промышленного производства. Месяц назад был подписан договор о содружестве московских литераторов с пятью крупнейшими предприятиями — заводами «Динамо», Вторым московским часовым, «Памяти революции 1905 года», заводом электровакуумных приборов, комбинатом «Трехгорная мануфактура». И вот теперь московские рабочие участвовали в творческом разговоре писателей. От их имени к литераторам столицы обратился генеральный директор объединения МЭЛЗ В. Виноградов.

— Московская писательская организация, — сказал в своем докладе на пленуме первый секретарь правления С. Наровчатов, — ставит своей целью выполнение главного горьковского завета о творческом единении писателей с рабочим классом, основной движущей силой советского общества.

Писательская организация Москвы заботится о том, чтобы связи литераторов со стройками, заводами, фабриками были все шире, многостороннее, глубже.

Размышляя о роли литературы в коммунистическом строительстве, о месте писателя в рядах бойцов девятой пятилетки, и докладчик, и выступавшие в прениях обращали особое внимание на произведения прозы, поэзии, драматургии, в которых поднимаются актуальные проблемы действительности, на страницах которых читатель видит портрет своего современника, нарисованный ярко и убедительно.

— В последнее время, — говорил С. Наровчатов в докладе, — творческое начало социалистического труда, преломленное в новых условиях технического прогресса, живо и сильно заявило о себе в романах о металлургах В. Попова «Обретешь в бою», «И это называется будни...», в «Скудном материке» А. Рекемчука, в «Праве выбора» и «Изотопах для Алтунина» М. Колесникова.

— Социалистическая личность рабочего человека, деятельного, сильного в своей творческой активности, показанная в динамике и развитии, в совокупности нравственных и этических проблем, несет в себе подлинную новизну, ее надо только увидеть. Мне кажется, — сказал А. Медников, — что неплохо ее увидели в своих произведениях о Москве Г. Березко, В. Зубавин, Ю. Яковлев, В. Андреев, Ю. Додолев. Недавно я с удовольствием прочитал в «Правде» статью известного строителя А. Вочкина о повести В. Чичкова «Эти непослушные сыновья». Хотелось бы отметить также небольшую повесть молодого писателя В. Поволяева «Двенадцатая буровая».

О том, как работает на пятилетку поэзия, о новых коллективных сборниках московских поэтов рассказал на пленуме В. Осинин.

Труд, одухотворенный великой идеей коммунизма, стал содержанием и смыслом жизни советского человека — созидателя и творца. И литература во всех своих родах и жанрах сделала тему труда, рабочую тему главной. Но обращение к этой главной, большой теме, по справедливому замечанию М. Алексеева, не предопределяет еще успеха произведения; ремесленническая рука может погубить, скомпрометировать любую тему.

В выступлениях Ф. Кузнецова, А. Мишарина, В. Чичкова и других шла речь о пьесах московских драматургов. Во многих пьесах, поставленных на сценах столичных театров, затрагиваются проблемы сегодняшнего дня, на материале злободневной действительности поднимаются первостепенные вопросы о роли передового рабочего в производственном коллективе, о нравственной атмосфере, о творческом подходе к своему делу. Но выступавшие говорили не только об успехах московских драматургов, они отмечали и ряд недостатков в пьесах о человеке труда.

Боевая публицистика, очерк — самые оперативные жанры литературы. С. Наровчатов, А. Медников, Ю. Яковлев и другие говорили о том, что в писательской организации вырос мощный отряд очеркистов. Вместе с писателями, периодически обращающимися к очерковой форме, работают мастера — профессионалы этого нужнейшего жанра. В. Кожевников, Г. Радов, братья Аграновские, В. Чивилихин, А. Приставкин, А. Борин, В. Попов, И. Осипов, В. Шапошникова, Е. Рябчиков, Н. Ирошникова, А. Стариков — это далеко не полный перечень литераторов, активно выступающих на страницах печати с проблемными, насущно полезными очерками с переднего края трудового фронта.

— Вместе с постоянной публикацией очерков о рабочем классе в периодике, — сказал С. Наровчатов, — надо помнить мудрое пожелание Горького о коллективных работах. Они сейчас занимают все более прочное место в нашей литературе. Одним из примеров может служить книга «Товарищ Москва». Это — безусловное достижение Московской писательской организации, но, конечно, лишь одна из первых ласточек, вылетевших из ее гнезда, — такие книги должны умножаться. Сейчас, например, стоит задача создать книгу очерков и стихов о московских рабочих — Героях Социалистического Труда.

В докладе отмечалось, что содружество рабочих и литераторов столицы, скрепленное недавно подписанным договором, будет проходить под знаком решений декабрьского Пленума ЦК КПСС, задач, поставленных в речи на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, и Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу. Московские писатели посвятили столичному рабочему классу и интеллигенции немало хороших книг. Столица предстает в них во всей своей многогранной и многообразной трудовой жизни. Вместе с тем еще не хватает произведений, выдвигающих таких героев, которые сконцентрировали бы в себе всю волю и целеустремленность партии и рабочего класса, таких героев, на которых могли бы равняться массы.

— Перед Московской писательской организацией стоят большие и сложные задачи. Их решение требует немалых усилий, но выполнять эти задачи было бы легче, если бы не приходилось бороться с попытками враждебной идеологической пропаганды. Советские писатели гневно осудили литературного власовца Солженицына. Вздох облегчения вырвался у всех советских людей, в том числе и у писателей, — сказал С. Наровчатов, — когда Солженицын был выдворен из Советского Союза. Озлобленный враг Советской власти, яростный противник социалистической системы, он давно потерял право называться советским гражданином.

Т. Кудрявцева подчеркнула, что многие видные деятели культуры на Западе разделяют отношение советских писателей к Солженицыну, осуждая его антисоветские писания, а буржуазная пропаганда всячески пытается скрыть это. Например, такой крупный французский писатель, как Эрве Базен, президент Гонкуровской академии, выступил недавно с публичным заявлением о том, что его фамилия под письмом в поддержку Солженицына была поставлена без его ведома и согласия и что он считает Солженицына бесчестным человеком.

В выступлениях участников пленума неоднократно отмечался общественный характер труда советского писателя. «И хотя жизнь наша общественная отрывает нас часто от стола, от рабочего места (так сложилась уж наша творческая индивидуальность, индивидуальность советского писателя новой формации), — говорил С. Михалков, — мы не можем без этого жить, потому что интересы народа — это наши кровные интересы».

Выступавшие в прениях поддержали работу секретариата правления Московской писательской организации, направленную на повышение требовательности в соблюдении Устава Союза писателей СССР.

Ответственность литератора перед народом, партией, временем — лейтмотив прозвучавших на пленуме речей. В них подчеркивалось, что писатель — боец идеологического фронта, и в условиях острой идеологической схватки он должен быть особенно взыскателен к себе, особенно ответствен за каждое свое слово, за каждый свой поступок.

В докладе С. Наровчатова, в выступлениях Ю. Яковлева и С. Михалкова содержалась критика поэта Е. Евтушенко. Не сумев разобраться в сложностях сегодняшней идеологической борьбы, он допустил опрометчивые действия, которые были использованы буржуазной пропагандой в спекулятивных целях.

— Не пора ли Евгению Александровичу, — заметил С. Наровчатов, — на пятом десятке лет остановить качели, на которых он порой раскачивается?

— Мне обидно, — сказал Ю. Яковлев, — что Евгений Евтушенко, который в лучших своих произведениях воспевает Родину, порой поступает столь легкомысленно. Советскому поэту негоже гоняться за скандальной популярностью.

— Е. Евтушенко должен, — отметил С. Михалков, — более требовательно подходить к самому себе, к своим поступкам, более внимательно прислушиваться к критике со стороны товарищей по перу и к их советам.

Московские писатели живут делами и думами своего народа, вдохновляются его героическими буднями, видят свой долг в том, чтобы создать художественную летопись современности, запечатлеть образ человека труда, героя наших дней, герои четвертого, определяющего года девятой пятилетки.

Пленум принял резолюцию, в которой говорится: «Московские писатели, верные ленинским принципам партийности и народности искусства, призваны быть идейными бойцами на фронте культуры. Как и прежде, мы будем утверждать высокий общественный авторитет социалистического реализма, будем стремиться создавать новые художественные ценности, обогащающие духовную жизнь советских людей».

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ВСЕСВІТ»

На днях под председательством секретаря правления Союза писателей СССР В. Озерова состоялось заседание секретариата, на котором был заслушан и обсужден отчет о работе редакции журнала «Всесвіт» (орган Союза писателей Украины и Украинского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами).

С сообщением о работе журнала выступил его главный редактор Д. Павлычко.

Работа всех разделов «Всесвіту» было широко и всесторонне обсуждена. На заседании выступили секретари правления СП СССР С. Баруздин, Ю. Верченко, В. Кожевников, С. Сартаков, Н. Федоренко, литературные критики А. Дымшиц, В. Огнев, Е. Книпович, Ю. Дешкевич, П. Топер, Е. Челышев.

Секретарь правления СП Украины А. Левада поблагодарил участников обсуждения за деловой и аналитический анализ материалов журнала и выразил уверенность, что состоявшийся разговор будет способствовать плодотворной работе издания.

Итоги обсуждения подвел секретарь правления СП СССР В. Озеров. Положительно оценив деятельность редакции, В. Озеров говорил о возросших современных требованиях, предъявляемых к литературной печати, о необходимости дальнейшего совершенствования уровня работы. Редакции следует проявлять больше требовательности и принципиальности в отборе произведений, более активно воздействовать на формирование эстетических вкусов читателя.

Секретариат правления СП СССР принял постановление, в котором отмечается, что редакция «Всесвіту» добилась определенных успехов в ознакомлении советского читателя с творчеством лучших зарубежных писателей. Выполняя задачи, поставленные XXIV съездом КПСС, заботясь о тематическом богатстве и разнообразии содержания, редакция уделяет преимущественное внимание произведениям, в которых дается социальный анализ действительности, отстаиваются идеи пролетарского интернационализма и классовой солидарности трудящихся, дружбы и сотрудничества между народами.

На страницах «Всесвіту» регулярно публикуются произведения писателей братских социалистических стран. За последние годы в журнале были опубликованы произведения, повествующие об идейно-нравственных проблемах современности, социалистическом переустройстве жизни, о формировании нового человека. С интересом были встречены читателем роман чешской писательницы Мирославы Томеновой «Серебряная долина», роман югославского писателя Славко Яневского «Село во семью всенями», документальная повесть болгарской писательницы Благи Димитровой «Подземное небо. Вьетнамский дневник, 72» и др.

«Всесвіт» знакомит читателей с творчеством прогрессивных писателей капиталистических стран. За минувшие три года в журнале были напечатаны произведения, раскрывающие остроту социальных, классовых противоречий в современном буржуазном обществе, проникнутые духом протеста против несправедливого общественного устройства: «Местами гололед» Мекса фон дер Грюне (ФРГ), «Остров» Сары Линдман (Швеция), «Ловушка» Анны Мерин Метуте (Исмения) и др.

Неряду с отдельными циклами стихов журнал публикует обширные подборки известных поэтов (Райнер Мария Рильке, Поль Элюар, Пабло Неруда, Лацо Новомеский, Шандор Верешмарти, Владислав Броневский, Иоганнес Бобровский, Константы Ильдефонс Галчинский, Гийом Аполлинер и др.).

Руководствуясь решениями XXIV съезда партии, выполняя постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», редакция «Всесвіту» стремится последовательно утверждать принципы коммунистической партийности и народности, отстаивать революционно-гуманистические идеалы литературы социалистического реализма, разоблачать реакционную сущность буржуазной «массовой культуры». Наряду с критиками и литературоведами братских республик Советского Союза на страницах «Всесвіту» выступают критики и писатели других социалистических стран — Ефрем Каранфилов (Болгария), Клаус Ярмач (ГДР), Станислав-Рышард Добровольский (Польша), Ян Козак (Чехословакия) и др.

Публицистические выступления журнала освещают важнейшие аспекты современной идеологической борьбы, рассказывают о трудовых буднях стран социализма, информируют читателей о зарубежных культурных связях Советской Украины. В материалах, публикуемых под рубрикой «Не рубежа огня», разоблачаются буржуазные теории «нового индустриального общества», реакционные концепции современной буржуазной эстетики, анализируются проблемы молодежного движения на Западе.

Отмечая общее верное направление журнала «Всесвіт», секретариат правления СП СССР обратил внимание редакции на ряд существенных недостатков.

Редакция на всегда продуманно относится к отбору публикуемых материалов. Недостаточно повышается высокохудожественных произведений, раскрывающих остроту политических, экономических, нравственных противоречий современного капитализма, переживающего глубокий кризис, крушение колониальной системы империализма, неотвратимое моральное банкротство политики насилия и принуждения. Вместе с тем в журнале печатались произведения невысокого социального звучания, например повесть П. Вене Акене «Спящие собаки» (Бельгия). Литературы некоторых континентов представлены именами случайными.

В ряде случаев редакция, обращаясь к детективному жанру, публиковала произведения, в которых критике буржуазных нравов носит внешний, поверхностный характер, не содержится истинного разоблачения социальных устоев капитализма (роман Марио Пьюзо «Крестный отец»).

На все публикуемые произведения получают в журнале глубокий и квалифицированный разбор, особенно в тех случаях, когда подобные комментарии насущно необходимы (роман А. Хейли «Отель»).

Материалам отдела критики и библиографии порой не хватает широты обобщений современного литературного процесса; недостаточно публикуется проблемных и тематических обзоров; иные рецензии на книги украинских советских критиков-«зарубежников» носят неглубокий, комплиментарный характер. Журнал не всегда оперативен в полемике с чуждыми идеологическими концепциями.

Секретариат правления СП СССР наметил предложения, направленные на повышение уровня работы редакции, усиление боевитости и наступательности в полемике с идеологически чуждыми взглядами и концепциями.

В публикуемых материалах редакции следует ярче показывать незыблемость принципов классовой солидарности трудящихся, пролетарского интернационализма, глубже вскрывать социальные корни национализма, его реакционную основу, разнообразнее освещать жизнь братских стран, раскрывать силу и мощь социалистического содружества, активно пропагандировать идеи социального прогресса, мира и дружбы между народами.

Редакции необходимо усилить внимание к литературам стран Азии, Африки и Латинской Америки, систематически публиковать произведения, в которых показана борьба народов за социальную независимость, против империализма и колониализма.

Особое внимание следует обратить на поиск новых форм в освещении литературного процесса, практиковать совместно с изданиями социалистических стран проведение творческих дискуссий, обсуждений, «круглых столов» по актуальным вопросам художественного творчества, современным проблемам теории и практики социалистического реализма.

Секретариат заслушал также отчет о поездке советской делегации в составе А. Алимжанова, Ю. Грибова, М. Салганика в Народную Республику Бангладеш для участия в Первом съезде писателей Народной Республики Бангладеш. Работа советской делегации была одобрена.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

Избран...

...почетным членом Флорентийской академии искусств секретарь правления СП СССР, член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко.

Присвоена...

...Бирмингемским университетом почетная степень доктора литературы А. А. Аниксту за его труды по истории английской литературы и театра и работы о Шекспире.

Состоялось...

...отчетно-выборное собрание писателей столицы Украины.

На первом заседании нового состава правления избран секретариат в составе: первый секретарь — Ю. Збанацкий, секретари — Ю. Бедзик, П. Гуриненко, В. Кочерский, М. Игнатенко.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Гаданова (Галантера) Б. Е. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Гаданова (Галантера) Бориса Ефимовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
27 февраля 1974 г.

Участники Дней советской литературы в Рязани — гости рабочих станкостроительного завода. Фото В. ШАГОВА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Борис ЛАСКИН

...В одном из цехов Рязанского завода электронных приборов имени Ленинского комсомола генеральный директор Н. А. Киреев, видя, как я то и дело поглядываю на пол, спросил: «Что-нибудь потеряли?» — «Нет, я просто смотрю, какая у вас чистота». — «А чего ж удивляться? Наш технологический процесс требует чистоты. Только тогда можно работать с полной нагрузкой. Да и цех в таком случае — родня дому».

Радия дому... Несколько лет назад я побывал на тяжелом заводе фирмы «Сонис». Я тогда обратил внимание не автоматизм движений девушек-работниц, «привязанных» к поточной линии, на размеренность их движений. Это было продиктовано жесткой властью конвейера. Конвейер был врагом этих девушек. Вот ведь как... На сравнишь с домом...

На рязанском заводе тоже хозяйничают девушки. Самое дорогое, что видишь и чувствуешь в цехах этого предприятия, — кровную заинтересованность любой из работниц в делах своего цеха, своего завода. Кстати, подобное отношение мы ощущали и в новом кузнечном цехе завода автоагрегатов, и в механическом цехе станкостроительного завода..

Вадим СЕМЕРНИН

В микроавтобусе по пути к новому заводу узнаю от В. Воробьева, вожака заводских комсомольцев, что мы одни на предприятие, а некотором роде особенное. Завод этот умещается в одном корпусе. Но только представьте: площадь этого одного корпуса — 7 тысяч га! Огромные цехи. Современные сложные машины. Молодые, красивые лица. Не покидает ощущение ритма, четкой, налаженной работы. Графику, плану подчинены усилия всего коллектива. Идем по цеховому прелату, на стене которого плакат. Читаем: «Используй каждую минуту на выполнение задач определяющего года девятой пятилетки». Этот лозунг воспринимается отнюдь не как наглядная агитация, нет... Это руководство к действию.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Каждый раз, когда приезжаю в Рязань, не устаю удивляться тому, как люди литературу в есенинском крае, как тонко ее понимают... У многих из моих новых знакомых — большие библиотеки. А сегодня мы получили, что называется, социальный заказ, который каждый из нас, естественно, постарается выполнить.

— Пишите побольше о людях сильных, волевых, смелых, жизнь которых могла бы стать примером, — сказали нам.

Что ж, разговор естественный, закономерный и необходимый для писателя.

Сергей КОШЕЧКИН

...О самом крупном и самом молодом районе Рязани я был наслышен еще в Москве. Приезжавшие в столицу знакомые рязанцы рассказывали о южной части родного города как о района новостроек, поднявшихся за последние десять—пятнадцать лет. Еще говорили, что прежде здесь был пустырь, голое место...

И вот я в Октябрьском районе Рязани. Непросто перечислить его новые предприятия, учреждения. Их много. Но главная его гордость — нефтеперерабатывающий завод имени 50-летия СССР. Разнообразна продукция этого оснащенного современной техникой предприятия, велик его вклад в развитие химической промышленности страны. Внуки и правнуки тех, кого когда-то богатеи называли голытьбой, встали у пультов управления сложнейших машин и ведут свое дело умно и уверенно...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Еще не уложился в памяти и сознании вчерашний день, такой емкий, вместительный, и вот — новый ворох впечатлений, знакомство с Рязанской ГРЭС. Не думал, не гадал, что после Ангары и Енисея меня ошеломит эта электростанция. Ни вечного водопада в кипящей пене, ни моря разливанного, безбрежного. Станция, так сказать, сухопутная, топки ее котлов не гнушаются бурым углем Подмосковья, мазутом.

Здесь тоже есть рукотворное водохранилище, но оно (сравнительно, конечно) невелико. У кромки его — деревня Бастужево. Когда-то молодой декабрист Бестужев стоял на берегу речки Прони, глядеться в ее прозрачные воды. Эта Проня — речка-невеличка, тезка той многоводной (вспомнить, как мы ее форсировали), которая течет через леса Белоруссии и брянские чащобы. Эта впадает в Оку, а та — в Десну. Слава богу, ГРЭС не загрязняет воду этой Прони. Пескари и карпы ниже по течению не узнают, что эта вода охлаждала могучие турбины. А как их не охлаждать, если пар бьет в лопатки турбин с силой в 250 атмосфер, а температура пара — больше пятисот градусов. Мы прошагали на плотину между опорами высоковольтной электропередачи. Какая птица подлетит к этим проводам? Ну-да, напряженьице — смажу я вам! — 500 тысяч вольт.

Рефлекс, который у меня возникает на каждой стройке: запрокидываю голову кверху. Ну и труба! Таких еще не видел. Рост — 321,6 метра. Диаметр макушки — 9,6 метра. Жаль, все верхолазы разъехались. Чаще и теплее всех вспоминают трубокладa Ионаса Мелнаускаса, рослого, светлоглазого литовца. Работали также латыши, эстонцы. (Узнать, нет ли моих знакомых по Останкинской телебашне...)

Николай СКРЕБОВ

Здесь крупно все: и уже пущенные блоки, давшие первый ток в начале декабря прошлого года, и котельное оборудование, которое мы увидели в стадии монтажа, и очистные сооружения, построенные на Проне заранее...

Но есть и проблема, взволновавшая Евгения Воробьева и меня: ГРЭС будет сжигать в своих форсунках огромное количество подмосковного угля, отличающегося, как известно, высокой зольностью. А как быть с золой, которая станет здесь накапливаться в столь же огромных массах? Ученые пока не предложили ничего обнадеживающего. Так наложили же и здесь предстоит расти терриконам, эстакадам, насыпям, дамбам? Кстати, Новочернакасская ГРЭС, работающая на более высокозольном угле — антрацита, с гораздо меньшей зольностью, тоже скоро окажется перед подобной трудностью. Нужно, по-видимому, шире и смелее вести поиск путей использования золы в производстве строительных материалов.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Дмитро ПАВЛЫЧКО

В Константинове я впервые. Говорят, здесь красиво летом. Но Воронежье рощи не смогу, непоминающие стан чарно-белых птиц, тоже Весконечно прарисны. Поражают величественная даль Оки, есенинские луга, простор. Но всего лучше зимой в Константинове — это дома. Летом их, наверное, закрывают деревья, а теперь они видны как на ладони — стройные, обязательно в три окна на передней стене, с резными наличниками под крышами, составляют удивительной красоты. Кем недавно все это было... Отсюда уходил мальчик, «шапку из кошки на лоб нахлобучив», а сюда, возвратившись в «соболином меху», сидел за чаем с матерью великий поэт. Вот в музее фотография Николая Коновалова, мыне здравствующего друга Сергея Есенина детских лет... Как же давно все это было!

Громадные индустриальные стройки, заводы. Ново-Мичуринская ГРЭС, оснащенные современной техникой колхозы и совхозы Рязанской области — все увиденное в поездке по этой самой русской земле заставляет задуматься у порога есенинской избы..

Леонид ХАУСТОВ

...А мне вспоминаются поездки по колхозам моей родной Кировской области, лесного вятского края, которые «имели место» лет 10—15 назад. Вспоминаются выступления в колхозных клубах. Сильно бросалось в глаза тогда то, что слушатели были очень почтенного возраста — попросту говоря, старики... Уходила в ту пору молодежь из деревни...

А сейчас? Сидим в чудесном зале нового здания правления колхоза имени Карла Маркса. Первые два ряда заняты белоголовой, в валеночках, ребятней. Дальше сидят парни и девчонки, еще чуть дальше — женщины и мужчины от 30 до 40 лет — отцы и матери этих ребятишек. Помолодела деревня.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Хамид ГУЛЯМ

Мне очень много дали беседы с ветеранами труда, на плечах которых лежат ответственнейшие задания девятой пятилетки. Например, с Сергеем Яковлевичем Штырняевым — начальником строительства Рязанской ГРЭС. Он, кстати, строил гидро- и теплоэлектростанции в Ашхабаде и Караганде, а его друзья теперь работают у нас, в Узбекистане, — на Ташкентской и Сырдарьинской ГРЭС...

Сергей ГРАХОВСКИЙ

Встречаясь с рабочими и учеными, колхозниками и студентами, я узнавал в их добрых взглядах мудрость великих сынов рязанской земли И. П. Павлова и И. В. Мичурина, С. А. Чаплыгина и П. А. Костычева, дерзновенный характер К. Э. Циолковского, нежную поэзию Сергея Есенина, несгибаемость Федора Полетаева.

А как в этом крае любят литературу!

После общения с прекрасными людьми земли рязанской, после знакомства с их делами хочется работать с предельным накалом.

В. ПОМАЗНЕВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РЯЗАНЬ

Секретариаты правления союзов писателей СССР, УССР в Киевской писательской организации с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине украинского писателя, члена КПСС

АВРАМЕНКО
Александра Ивановича

и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

ПОЭЗИЯ

ЧИТАЯ ЯНВАРСКИЕ И ФЕВРАЛЬСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

● «ЗНАМЯ», «НАШ СОВРЕМЕННИК», «ДРУЖБА НАРОДОВ»: РЕЦЕНЗИРУЕМ ЦИКЛЫ СТИХОВ НИКОЛАЯ ГРИБАЧЕВА И АНАТОЛИЯ ЖИГУЛИНА

● «СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН»: ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ НАЧИНАЮЩИМ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ КРИТИКА

О ТВОРЧЕСТВЕ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ АННЫ КАЛАНДАДЗЕ

СТР. 5

ВЫСШАЯ ПРОВЕРКА...

У КАЖДОГО, любящего поэтическое слово, свои литературные привязанности и пристрастия. Иные стихи равнодушно пробегаешь глазами, иные прочитываешь мимоходом, встреч с другими ожидаешь, радуешься им...

Среди поэтов, общением с которыми я дорожу, — Николай Грибачев. Я с интересом встречаю, давно знаю и ценю его стихи. Мне близка их правдивая прямота, лирическая целеустремленность.

Грибачев всегда говорит «открытым текстом», ему чужды уклончивость, нечеткость, обнаруживающие отсутствие серьезной мысли, выверенного мастерства. Строка его, сдержанно-темпераментная, всегда несет значительную внутреннюю и общественную нагрузку.

Совсем не случайно в дни потрясших весь мир трагических событий в Чили среди сотен стихотворных откликов наиболее страстным, исполненным большого пророческого смысла явилось гневное стихотворение Грибачева, опубликованное на страницах «Правды».

Поэт Грибачев работает напряженно. Газета, журнал никогда надолго не разлучаются с его новыми произведениями. Вот и сейчас, в начале года в первом номере «Знамени» и во втором — «Нашего современника» опубликованы циклы его стихов — «Из дорожных страниц», «Размышления».

Названия циклов верно выражают основную их суть: раздумья в пути. Поэт как бы всматривается в обозримое пространство прожитых годов, вспоминает минуты счастья, радости и утрат. Погрузимся же в атмосферу его воспоминаний, раздумий и тревог. Многое поэта тревожит в нашем беспокойном мире.

В циклах есть два стиха, которые роднит общность замысла и настроения. Автор всматривается в лица ушедших друзей, и перед его взором предстают они, прошедшие по дороге истории, по дорогам войны и мира, несдавшиеся и не сломленные смертью.

Их нет. Ушли. И все же
день за днем,
На стыка с поколеньями
другими,
Мы все еще как будто
встречи ждем,
Все слышим их.
все видим
их живыми!

Этим стихам вторят строгие строки обращения к «Друзьям, которых нет меж нас»:

Нет, нет, единому
не разделиться
Ни делями,
ни скорбью похорон,
Вас нет уже, а наш союз
все длится
Среди других событий
и времен.

Пройдут года, и вместе
станем все мы
Одной главой
эпической поэмы!

Это очень характерно для Грибачева — утверждение неразрывности людских судеб с эпическими судьбами страны, народа.

Есть поэты, в продолжение своей творческой жизни не раз менявшие «поэтические костюмы» в зависимости от облаяния очередной литературной моды. Они легко становятся то «интеллектуаламн», то бытописателями сельской жизни.

Путь других обозначен цельностью. Творчество их как бы высечено из единого куска. Тверже становится рука, острее и зорче мысль, но устремленность, верность эстетическим и общественным позициям остается неизменной.

Главное, что связывает новые стихи Грибачева с его творческим материком — всем тем, что он до этого сделал, — это чувство нерасторжимой цельности бытия, неделимости, нерасщепимости человеческой личности. Он спрашивает:

А для чего мне
мир двоймой,
Когда и одного
в достатке!

И утверждает:

Да будет все,
что мной любимо,
От вещных обликов
до чувств —
Едино и неповторимо!

Даже в глубоко лирических стихах Грибачев умеет говорить «по крупному счету», мерить чувства мерою высоких человеческих категорий:

Есть — молочи. Есть —
высшая проверка
Или как хочешь это назови:
Там, где теряет
веру в человека,

Не хватается
за лом
И начинаешь проникаться обаянием этого прямого мужского разговора. Прямотой художнической и общественной позиции. Грибачев не терпит приблизительности в стихах. Для него

мертвое слово,
бескрылая мысль...
...мухлый камыш на болоте!

Он признается:

Дайте жилой
И строгий стих
В союзе мысли,
ритма, слова!

И подтверждает это своей поэтической практикой. Он, умеющий тонко и нежно живописать природу, чувствовать затаенные движения души, владеет даром выражать свою душу предельно обнаженно, с гражданственной и публицистической заостренностью. И в этом его сила.

На все времена,
что были и есть,
Нам быт не сбивайся с пути.
Превыше всего
берегу я честь
Строителя и солдата.

Юрий ПАНКРАТОВ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Дружеские шаржи И. ИГИНА и А. КОНТРИМАВИЧЮСА

Пайсын КУЛИЕВ

Ольга ФОНИНА

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ДАР «ДОЛГОЙ» ПАМЯТИ

У ПОЭТОВ, как и у художников, разное зрение: один лучше видит сиюминутное, другие — давно прошедшее. Анатолий Жигулин относится к последним — у него «дальнее» зрение. Даже тогда, когда он, казалось бы, пишет с натуры, натура дает ему лишь контур, а картину и окрашивает, и озвучивает память.

Земля, поросшая травой,—
Какое это чудо!
И запах мяты луговой
Неведомо откуда.

И этот ромот спелой ржи,
Звенящие косилки.
И эти вечные стрижи
Над лужей у развилки.

Видит все это Жигулин или вспоминает? Вроде бы видит, и все-таки описывает так, как пишут воспоминания: без той детализации, без тех тонких подробностей, что даются напряженной работой наблюдения. Отсюда какая-то сухость, почти бедность рисунка. Она убила бы стихи, если бы поэт не осветил их внезапно ярким светом «дней первоначальных». Свет этот так ярок, что даже легкая примесь литературной (осенней) грусти не гасит его, а усиливает...

Когда же Жигулин пишет по памяти, в стихах появляются тщательно прописанные, словно бы увиденные в лупу времени детали!

...Вряд ли даже в местном краеведческом музее сохранились подшивки воронежской «Коммуны» военных лет, а если и сохранялись, то пожелтели, истрепались... Но в памяти поэта они по-прежнему свежи, как в «год великой беды и отваги»: «Синим шрифтом на серой бумаге в четверть прежде большого листа...»

...Давно отзвучал «послевоенный майский праздник», а воспоминание о нем не только живо, но и четко окрашено: «веселый трепет кумача» — чистый, теплый, «довоенный», красный, и, не смешиваясь с ним, сумрачно пылает «цвет другого, трудного времени»: «И от развалин дымно-красных холодный отсвет кирпича...»

По всей вероятности, той же особенностью поэтического зрения объясняется и своеобразие исторических стихов А. Жигулина. Поэт словно бы чутьем угадывает «обремененные» долгой памятью народа пейзажи... И вот что интересно: для того, чтобы угадать верное (только здесь и стóит «копать»!), богатое исторической жизнью «место», ему вовсе не нужны одетые камнем «приметы времени». Традиционные исторические реликвии (дворцы, музеи, храмы) оставляют его, как правило, холодным — чуда реконструкции не происходит. Об этом — одно из лучших стихотворений подборки — «Каменка» (из суздальского цикла). Поэт вроде бы тщательно, по крохам собрал все материально достоверные «останки» былого, и все-таки вместо «иконной доски» получилась жанровая картина.

И все-таки чудо возможно. Вчитайтесь в стихотворение «Суздаль». Полуразрушенные валы и соборы здесь словно бы сдвинуты к краю — поэт смотрит не на них, а с них, и даже — от них:

С полуразрушенных
валов—
Пространство для сердца
И для взора —
От синезвездных куполов,
От белозубых стен собора.

И как только мы окунаемся в этот вечный «простор» — история оживает. И Каменка-река вновь течет по своему древнему руслу, и озябшие березы такие же, как я десять столетий назад... А мы, следя за движением оторвавшегося «от ветки родимой» кленового листа, радуемся чуду победы над временем и повторяем вслед за поэтом: «И этот с клена желтый лист — не из десятого ли века?»

«Историческая тетрадь» еще и не собрана, и не «сшита», страницы ее разбросаны по газетным и журнальным подборкам (я, в частности, вела речь о подборке во втором номере «Дружбы народов» за этот год). Но и теперь уже ясно, что эти «вариации на темы русской истории» (я так определила бы тот необычный жанр, в котором работает А. Жигулин) — не случайные отступления от главной темы, сочиненные в «промежутке», в ожидании нового лирического циклона, но продолжение ее, и притом органичное для художника, от природы наделенного даром «долгой» памяти.

Алло МАРЧЕНКО

ПРОХОДЯТ, НЕ КАСАЯСЬ, МИМО...

Вл. ЗААЕЩУК

НЕ ОДНУ, не две и не пять стихотворных книжек, изданных в разных городах нашей страны, прочитал я, прежде чем взялся за эту статью. Множество самых разных сборников. Но во всех них ощутимо некое общее явление...

Заранее оговариваюсь: не хочу ничего обобщать. Вернее — говоря об этом явлении, я не собираюсь утверждать, что оно свойственно всей нашей поэзии. Конечно, нет! Но с другой стороны — явление это достаточно распространенное, и не замечать его было бы нерезонно.

Многозначительный и характерно начинается стихотворение Л. Бендер из сборника, изданного в Иркутске, «Барьер высоты»:

Напоследника — финиш.
Опасное — не исполнено.
Спокойствие, дыхание
Приемлю, не оказать, мимо.

Несут эти строки какое-то предупреждение, тревогу, сигнал опасности (так ведь и сказано — «опасное»), действующий заворожительно. И поначалу на фоне абстрактной туманности фраз о «финишах» и «спокойствии» и загадочного — «приемлю, не оказать, мимо». Ведь в стихотворении две строфы, и уж вторая-то, верно, снимет все вопросы, возникающие в первой:

И радуясь и гордясь
гордясь своей духовной
силой,
на расстоянии шагов,
Чтоб не подкосило.

Не знаю, как у вас, а у меня эта последняя строфа недоумений лишь прибавила. Правда, волнения моя она развеяла — да и чего беспокоиться, если те, о ком нам рассказывают, идут, «гордясь своей духовной силой». Вот только отчего бы им «шалеть»? И как эти, столь противоположные, взаимоисключающие чувства уживаются в них одновременно: скажем, «шалеют» они расчетливо — «на расстоянии» и тут же ухитряются гордиться своей «духовной силой»? А рядом с этой гордостью — чувство страха: «проходим, чтоб не подкосило». Так и видишь напряженные лица, торопливые шаги... Какая-то неведомая опасность удерживает этих людей на расстоянии. Опасность? А ведь с этого и начиналось стихотворение.

Итак — конец, как бумеранг, вернул нас к началу. А стал ли яснее смысл туманного афоризма? Сознаюсь, я не в силах объяснить, с чем, почему и что происходит в этом стихотворении...

Что же это? Частная неудача одного поэта — в данном случае Л. Бендер? К сожалению, нет.

Вот А. Корнеев в книжке «Тихая глубина», названной «Москвичам рабочим», пишет: «Ртуть мерила судьбу [illegible], а белый шар на простыни спешил. В палате тихой солнце алело и океан до капли высыхал».

О чем это? Что это за «светлая линейка», измеряющая судьбу? Зачем вообще ее измерять, или, как пишет автор, «мерить»? И как это «жар стекает» на простыни? И что это за океан, который высыхает, как какая-нибудь заурядная лужа, высыхать от этого стекающего жара (ведь не от солнца же: оно-то ослепло!) «до капли»?

О чем говорится в этом стихотворении? Впрочем, если не обращать внимания (хотя это и трудно сделать) на все очевидные нелепости, можно догадаться, что А. Корнеев сообщает нам о больном человеке, о больнице — недаром, наверное, сказано «палата тихая».

И правда, дальше в стихотворении появляется врач, который «спешит со скальпелем в палату». Зачем бы, вы думали? Спасать человека? Не угадали. Оказывается, он спешит «спасать весну, что бредила от ран, усталых птиц, блуждающих в закате, слепое солнце, робкий океан».

Мы бы ничего не имели против, если бы речь шла о метафоризации, об одушевлении природы. Тогда, конечно, даже этот появляющийся дальше образ «живого, чистого лица весны», выглядывающего из снега, как из ваты, не вызывал бы у нас возражений. Но ведь и об этом образе автор говорит не так, как я сейчас написал. У него лицо весны глядит не из снега, как из ваты, а «из ваты, как из снега». А это — большая разница. И если следовать такой образности, то ее реальный океан или реальное солнце должны были появляться в стихотворении, а нечто, что сравнивается с океаном (например — больничная ванна), с солнцем (может быть — яркая лампа).

Это если следовать законам метафоризации. Но у А. Корнеева, по-видимому, как и у Л. Бендер, свои законы. Как пишет белгородский поэт Н. Перовский в сборнике «Август»: «Лишь ветер пробежится по листве, да по трамвайным рельсам что-то звякнет, а то (?) в твоей бессонной голове сладчайшим бредом вспыхнет и исчезнет...» Оставим бред на совесть автора (мало ли что «вспыхнет и исчезнет» «в бессонной голове»), но суть, как ни странно, тут выражена точно: стихи эти ни о чем.

В пестром калейдоскопе романтизированно-гиперболических образов и деталей обыденной жизни, в их эклектической мешанине растворяется смысл стихов. Погоня за образной и словесной красивостью, обращость «во что бы то ни стало», не подкрепленные чувством меры и такта, развитым поэтическим вкусом, лишают стихи не то что подлинной — элементарной силы.

Кстати — о Н. Перовском. Его лирический герой любит по ночам смотреть на звезды. То стоит «сторожко», то «задравши голову высоко», «как дерево» и «даже тише».

И я могу свободно
придумывать, что звезды —
ато люди
и что они глядят сюда,
на землю,
где каждый человек
для них — звезда...

Даже брюзгливо трезвенная супруга («привычно пробормочет: «Полуночник... что пользы без конца смотреть на звезды?») видится нашему романтику «усталой планетой».

Как все это знакомо, как напоминает такие в свое время известные строки:

В сфере радужного света
Сквозь хаос и огнь и дым
Мчится мрачная планета
С ясным спутником своим.

Это из стихотворения «Вальс» Владимира Бенедиктова, в котором изображен обычный петербургский бал. Там все эти «сферы», «плайеты», «огнь и дым» должны были, по замыслу поэта, символизировать, возвышать то, что в действительности имело куда более прозаичные черты, запечатленные как бы мимоходом в том же стихотворении, — «люстры», «кудри», «эполеты» и т. п.

Впрочем, уже тогда, более ста тридцати лет назад, Белинский писал о подобных стихах: «...неужели эти выражения вылились в вдохновенную минуту души взволнованной, потрясенной, а не прибраны и не придуманы в напряженном и неестественном состоянии духа: неужели это... излияние чувства, а не набор фраз, написанных на тему, заданную умом?..»

Неужели, спросим и мы, эти, скажем, стихи ленинградца Виктора Сосноры из книги «Аист» вылились «в вдохновенную минуту»?

Гори, звезда моя, гори!
И полыхай притом.
Сто Сцилл и столько же
Харибд
хромает за хребтом.

Конечно, В. Соснора, не в пример цитированным здесь стихотворцам, куда более профессионален. Но выспренность, ложную многозначительность никаким профессионализмом замаскировать невозможно. Лжа сейчас же обнаружит себя. Выдает ее не только эта причудливость: «хромает за хребтом» (?).

Вот еще три строфы того же стихотворения:

Там сто стоических пещер,
там стонее красота,
за тем хребтом,
где вечер-чарва
мне душу разъедал.
Он разъедал, да не разъел,
он грыз, да не загрыз.
Ни сам я и ни мой размер
не вышли из игры.
Не обрели обратных нот,
не хлынули под нож,
и если проклевался ночь,
то — ненавидя ночь.

Все эти «пещеры», «хребты», «грызущие черви», как и велеречивые (и не очень грамотные) фразы градца Виктора Сосноры из книги «Аист» вылились «в вдохновенную минуту»?

Конечно, В. Соснора, не в пример цитированным здесь стихотворцам, куда более профессионален. Но выспренность, ложную многозначительность никаким профессионализмом замаскировать невозможно. Ложь сейчас же обнаружит себя. Выдает ее не только эта причудливость: «хромает за хребтом» (?).

Вот еще три строфы того же стихотворения:

Там сто стоических пещер,
там стонее красота,
за тем хребтом,
где вечер-чарва
мне душу разъедал.
Он разъедал, да не разъел,
он грыз, да не загрыз.
Ни сам я и ни мой размер
не вышли из игры.
Не обрели обратных нот,
не хлынули под нож,
и если проклевался ночь,
то — ненавидя ночь.

Все эти «пещеры», «хребты», «грызущие черви». Как и велеречивые (и не очень грамотные) фразы поэзии, разумеется!

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ПУСТЬ ИХ ПУТЬ БУДЕТ ДОБРЫМ!

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» уже сообщала читателям о рождении нового журнала «Студенческий меридиан». Мне хочется, чтобы читатели обратили внимание на подборку стихов поэтов-студентов, опубликованную в первом номере.

Профессиональные ли это стихи? Разумеется. Иначе их бы не напечатали. Но они профессиональны не в том смысле, что каждый из этих поэтов обязательно в будущем сделает поэзию своей профессией. Как правильно сказано в коротком предисловии к подборке: «Не исключено, что то или иные из... авторов смогут стать настоящими поэтами. Но стихи эти интересны и вне зависимости от каких-либо прогнозов».

И не в том смысле профессиональны эти стихи, что их авторы овладели секретами поэтического ремесла. Это-то совсем натурально. Нет, в данном случае профессиональность проявляется в умении авторов выразить себя.

Разумеется, я покривил бы душой, сказав, что все эти поэты (их девять) одинаково отличаются подобным умением. Но трех из них мне бы хотелось отметить особенно. Виктора Коркия, Игоря Тарасевича и Леонида Гурченко.

Конечно, хочется цитировать. Хотелось бы привести здесь стихи Виктора Коркия о «сухой осени». Или превосходное историческое стихотворение Леонида Гурченко «Грибоедов». Да вот беда — стихи эти велики, в просто вырвать из них строчки жаль: пропадет обаяние.

Одна надежда: читатели не поленятся и семи заглянут в журнал, прочитают этих поэтов. А для того, чтобы случилось это наверняка, не удержусь все-таки и процитирую целиком такое стихотворение юного поэта Игоря Тарасевича:

Вы жили зной не согрел
нас вначале,
да не думал никто о тепле.
Ветры пахли шинелей
овчали,
поезда проходили во мгле.
Мы стучали, стучали,
стучали
сапогами по жесткой земле.

За нагревшийся к вечеру
ствол—
степь, полынь и земля
на губах.
Мы считали, считали,
считали
километры на серых
столбах.

Было ясно, что участь
простая—
жить, что дождь или сушь—
все равно.
Мы шептали, шептали,
шептали
только женское имя одно.

Мы по-честному тем
воевали,
мы учебные дзоты
взрывали,
настоящей отваги полны.
Но тогда это знали едва ли,
просто делали то, что
должны.

Мы в ночь тридцать
третью тревожно оставали,
обрывая поспешные сны.
Нам дневальные в руки
совали
шесть патронов на месяц
войны.

Вот такое это стихотворение. На мой взгляд, настоящее.

Эта заметка — не традиционное пожелание «доброго пути». Хотя, конечно, мне хочется, чтобы путь этих ребят в поэзии был добрым, счастливым. Но взялся я за перо для того прежде всего, чтобы сказать «спасибо» им за их стихи, доставившие мне как читателю искреннее удовольствие.

Владимир СОКОЛОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

М. К. АГАШИНОЙ — 50 лет

В связи с 50-летием Маргариты Константиновны Агашиной секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известную советскую поэтессу, с днем рождения. Ваши стихи и поэмы, изданные в Москве и Волгограде, нашли путь к сердцам читателей. Сегодня мы знаем Вас как поэта всесоюзного звучания. В своей лирике с предельной простотой и большой искренностью Вы сумели выразить мысли и чувства советских женщин, запечатлеть облик своего поколения. Ваши литературные заслуги отмечены орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Поздравляя Вас с юбилейной датой, желаем доброго здоровья, новых успехов в творческой и общественной деятельности.

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЧИТАТЕЛЬ НЕДОУМЕВАЕТ

«ПО КОЛЕСА В ОВСЕ...»

Получив первый номер «Волги» за этот год, читаю подборку стихов Александра Хромова. Кончил и думаю: уважаем те люди, через чьи руки проходит поэтическая продукция, будут уверять меня, читателя, что эти стихи если не прекрасны, если не хороши, то хотя бы сносны?

Стихотворение «Марья». «...облака она (репа. — Е. З.) полощет, отбеляя от дождей» — образ по меньшей мере странный: представить репу, «отбеливающую» отражение облаков «от дождей», можно, лишь заранее условившись, что точность образа вовсе не обязательна для поэзии. Река течет «на двенадцатого веке». А разве в одиннадцатом, о девятом она не текла? Человек «хотел»... выпить руки... и не мог стоит без звука...» Какого же «звука» ожидал поэт? И почему именно отсутствие звука его поражает?

В следующем стихотворении «рыжело яблоко, а краснее, как известно, не рыжеет — она и высохшая остается зеленой.

Еще стихотворение. Начинается «За столом, как за престолом...». Через несколько строк — «да «столом, как на престоле». Оказывается, по автору, «за престолом» и «на престоле» одинаково «всю страну, всю жизнь видеть». Престол, по словарям, в одном случае — царский трон, а другом — столик, стоящий а алтаре царем. Сидя «за» царским троном, едва ли что-либо можно видеть, а «на» церковном престоле никто не сижывал, и если ато случилось бы, то видеть опять-таки ничего нельзя было бы. «Чернь на рамках пообвыкла — стала лунная, как ночью — ато сравнение без риска можно назвать поэтическим протезом!

А такие строки — «по колеса в овсе спят за оледнцей дороги». Когда мы говорим «по колено», «по горло», наконец, «по ступицу», то ясно представляем, что это значит, а сказать «по колеса» там не мелено, или ато подешевые. Хороши же овес, когда он от рамки не видел!

Все эти длевавиты «изячной словесности» и многое-многое другое, о чем уж и охоты нет говорить, меня достаточно сильно «потрясли». Это — все вместе взятое — не что иное, на мой взгляд, как оскорбление русского языка.

Вл. ЗАМЯТИН

гор. УРЖУМ
Кировской области

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР объявляет творческий конкурс для поступления на дневное и заочное отделения по жанрам: поэзия, проза, драматургия и литературная критика. В институт принимаются лица не старше 35 лет, имеющие законченное среднее образование и стаж практической работы не менее двух лет.

На конкурс представляются опубликованные и неопубликованные произведения — рассказы, повести, пьесы, стихи, поэмы, литературно-критические статьи в объеме: проза и драматургия — 1,5—2 авторских листа (35—50 машинописных страниц), поэзия — не менее 0,5 авторского листа (350—400 строк), критика — не менее одного авторского листа (25 страниц). Неопубликованные произведения должны быть напечатаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, сопровождаются подстрочным переводом.

Автор сообщает фамилию, имя, отчество, год и место рождения, национальность, стаж трудовой деятельности, место работы, профессию, образование, домашний адрес, с какого времени пишет, на какое отделение (дневное или заочное) хочет поступить.

Произведения на конкурс принимаются до 15 мая 1974 года.

О решении конкурсной комиссии абитуриенты уведомляются до 1 июля 1974 года. Отзывы на творческие работы не высылаются, и рукописи авторам не возвращаются.

Уведомление об успешном прохождении конкурса является одновременно вызовом на вступительные экзамены, которые проводятся: на дневное отделение — с 1 августа, на заочное — с 15 августа.

По вопросам о поступлении в институт обращаться по адресу: 103104, Москва К-104, Тверской бульвар, 25, конкурсная комиссия.

МИР, ПРИЧАСТНЫЙ ВЕСНЕ...

Штрихи к портрету Анны Каландадзе

АННУ КАЛАНДАДЗЕ русскому читателю открыла Велла Ахмадулина. Не забудется волнение, испытанное при чтении тоненькой книжечки под названием «Летите, листья!», волнение, которое сопутствовало первому полету стихов поэта к миллионам новых сердец.

После этого дебюта выходят поэтические сборники на русском языке — «Зеленая свирель», «Стихи» и наиболее широко отражающий творчество поэтессы — «Мраваљжамиер», где представлены наряду с первыми и новые значительные переводы, большинство из которых мастерски сделаны Еленой Николаевской.

Но что значит имя Анны Каландадзе для грузинского читателя? Об этом я и хочу сказать несколько слов.

...Случилось это первой мирной весной. В маленьком зале Союза писателей Грузии сидели люди с изменившимися за четыре военных года лицами. В зале было тихо, и в этой тишине, к которой многие начали привыкать заново, раздался девичий голос.

Девушка пела?

Нет, просто слабым, почти невыразительным, лишенным всякого пафоса голосом она читала свои стихи. Стихи были о самых простых вещах: о траве, о звездах, о свирели, о том, что еще вчера было резко отодвинуто в сторону отчаянием и яростью, — о нежности, о благоухании диких роз, о том, на что эти люди еще вчера смотрели с ужасом или, наоборот, с угрозой, — о небе...

Какое ты глубокое,
глубокое,
о небо Грузии!..

Что-то светлое рождалось в грузинской поэзии, что-то очень близкое, знакомое и все-таки новое. Слова песни о собой самое нужное, утоляющее жажду, о которой почти забыли, напоминающее о тех простых истинах, которые человек твердо знает лишь в детстве.

В зале было сумрачно.

«И каждый из мрака смотрел и слушал...»

Да, было почти как у Блока, потому что именно эта девушка, а тот день, той первой мирной весной, смогла внушить всем, что «радость будет...»

Я помню лица людей, вышедших из этого зала. Среди них были маститые литераторы, видевшие Акакия Церетели, помнившие дебют Георгия Леонидзе, поэтические импровизации Паоло Яшвили. Одни говорили о «новом трепете» грузинской поэзии, другие молча жали друг другу руки. А через несколько дней вся молодежь моего города переписывала, знала наизусть и в три голоса пела «Колыбельную, изначальную...»

Максим Горький, вспоминая свою единственную встречу с Есениным, писал о том, что ему тогда «подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в миро и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

Эти слова особенно часто вспоминаются при чтении Анны Каландадзе.

Это вывести овсы...
Не рвало и плачу?
Ветер вздохнет —
зелою я
самроли
ты слышишь ли звук?..

(Перевела
В. НИКОЛАЕВСКАЯ)

Поэзия нужна людям в как оружие, и как хлеб. Народ Анны Каландадзе хорошо знает это. Но поэзия нужна людям и как мечта, красота и музыка, к когда они об этом забывают, то она тихо покидает их края.

Айна Каландадзе первой после весьма продолжительной паузы решилась приоткрыть дверь в почти позабытый грузинской поэзией мир — в страну изначальных, непреходящих поэтических ценностей. Она вновь приобщила нас к чувству вечности, без которого любое вдохновение обречено на скорое увядание. Все в ее лирике согрето глубоким сочувствием — и человек, и тучи, и беззащитная чинарика, и высокие стены древней Нарикалы. Вечность в ее стихах выступает отнюдь не в метафизическом обличье. Анна Каландадзе в послевоенной грузинской поэзии возродила и по-своему развила чувство историзма — свойство, подмеченное многими выдающимися русскими поэтами еще в 20-х годах у лучших поэтов Советской Грузии. Она смогла с неподражаемой простотой и естественностью восстановить «связь времен», раскрыть в явлениях заложенный в них на тысячелетия заряд, в силу чего все в ее лирике — почти каждый предмет, каждый образ — обрело захватывающую дух внутреннюю перспективу.

Историзм в стихах поэтессы отнюдь не средство уйти от действительности, скрыться от современной жизни под сенью вечных тем и проблем. Наоборот, благодаря чувству истории поэзия А. Каландадзе обретает особую углубленность и масштабность во взгляде на сегодняшнюю жизнь нашего народа, советской Родины. Так появляются стихи «Мраваљжамиер», «Первомай», «Родной Кашук», где возрождены к жизни образы молодогвардейцев, «Разговор с чинарией в День Победы», строки о Юлиусе Фучике, о сегодняшней Гурии и другие. Жизнь врывается в стих, преображенная и претворенная сердцем поэта в высокую лирику образов, метафор, в чарующую мелодию музыкальных строк.

Язык Анны Каландадзе предельно лаконичен. Но она не из тех поэтов, которые стремятся к имитации «простонародной», разговорной речи. В этой связи следует заметить, что, несмотря на глубокое влияние ее творческого примера на современную грузинскую лирику, многие сознательно не приемлют ее поэтики.

Иной раз говорят о книжности, которую усматривают в языке и поэтических ассоциациях Анны Каландадзе. В самом деле, в отдельных ее строках сохранены осколки древнегрузинской речи, а некоторые образы восходят к чисто литературным источникам. И все-таки «книжность» — не то слово. Ибо оно совершенно несоотносимо с тем ощущением абсолютной подлинности выражаемого, которая составляет одно из главных свойств ее лирики.

Другое дело, что Анна Каландадзе — поэт большой, уходящей в глубь веков духовной культуры, что главное в ней именно духовность, а не обычная задушевность или трогательное простодушие. Простота и естественность ее поэзии — та самая высокая простота, о которой писал Симон Чиковани, имея в виду мастерство поэтов ее склада.

Я уже сказал о светлой струе, которой лирика А. Каландадзе влилась в послевоенную грузинскую поэзию. Так именно было воспринято тогда ее появление. Это не значит, что в ее творчестве преобладают розовые краски. Прозрачность, незамутненность ее образов таит в себе не наивный взгляд ребенка, а большую сердечную мудрость любящей женщины. В сплаве, из которого отлиты эти образы, принимают участие и проницательность, и предчувствие, и предельная обнаженность и внешним впечатлениям (отсюда подмеченный Ю. Суровцевым в его предисловии к книге Анны Каландадзе «Мраваљжамиер» «крупный план» и глубокая внутренняя рефлексия).

В прошлом году в ходе дискуссии о поэзии, которая проходила на страницах «Литературной газеты», одним из ее участников (кстати, тоже женщиной) была высказана мысль о том, что истинный поэт тот, чье сердце вмещает чувства, одновременно волнующие большое число людей. Да, счастлив поэт, сумевший вобрать в свое сердце любовь «сорока тысяч братьев»! Но дорого нам и то движение души, которое свой приют нашло в груди поэта, — конечно же, для того, чтобы, терзая и обжигая ее, именно оттуда снять его собратьям!

Было бы неточным утверждать, что лирика А. Каландадзе составляет в этом смысле «золотую середину». Она предельно искренна, легче других проникает в чужие сердца, как бы воочию подтверждая кровное родство человеческих душ, но никогда не впадает в тривиальность. Слог ее неповторим, почти все образы выделяются «лица необщим выраженьем», но во всем этом нет ни одной капли холодной манерности или искусственного отмежевания от настоящих людских страстей.

Быть поэтом жизни — значит верить в жизнь. Верить в смысл любви, памяти, надежд, а также страдания. Страдание ей причиняет не только смерть или неверность любимого человека, не только «кровавый рубец» в душе бывших пленников Освенцима, но и незаживающие «раны скал», невысказанная «скорбь ветра» и даже «таинственная грусть змеиных очей». Именно этой редчайшей способностью внимать, проникаться и страдать (за все сущее), а не элементарным жизнелюбием добыто ощущение внутренней просветленности, именно катарсисом такого рода предопределен зовущий на подвиг и самоотверженность, окрыляющий пафос ее поэзии.

Начало 1974 года было отмечено знаменательным для грузинской поэзии событием. После затянувшегося молчания А. Каландадзе опубликовала в журнале «Цискари» свыше сорока новых стихотворений. И снова все убедились, какой напряженной и углубленной работой жила она — работой ума, работой души. В новом цикле А. Каландадзе мы вновь увидели поэзию большой искренности, глубоких раздумий о жизни, обо всем том, чем живет наша страна, во что верит советский народ сегодня, что волнует его в республике, в стране, во всем мире. Достаточно вспомнить такие стихи, как «Что ты сулишь мне, побег осины», «Не скажу я Марсу слова укоризны», «Душа гудит проарезьем новым» и др. Великолепное мастерство и абсолютный поэтический слух в сочетании с историчностью взгляда на происходящие события и умением обобщать факты жизни поставили этот большой цикл в ряд лучших достижений грузинской поэзии этих лет, когда с новой силой зазвучала в ней высокая нота гражданственности.

Анна Каландадзе, как немногие, воспела небо Грузии, поведав нам об удивительной глубине и всезрячести его чистых очей.

Какое ты глубокое,
глубокое,
о небо Грузии!..
Под тобой приюта
нашло — с враждой
пришедший —
не обрел:
ни перс надменный,
и ни турок лютый,
и ни монгол...

(Перевела
Е. НИКОЛАЕВСКАЯ)

Небо для нее — неделимая часть человеческого мира. Оно с участьем смотрит вниз. Много страшного видели его глаза, и все-таки это «родное, милосердное» небо Руставели — небо людей. Его чистый взор проникает в сердце земли, в самую гущу земных дел человека. Не об отрешении от их бремени оно говорит нам, а о том, чтобы быть такими же глубокими и чистыми, творя свои дела и свою жизнь на земле.

Будь «соединеньем неба и земля», — обращается поэт к хрупкой чинаре. «Двух миров я граница...» — говорит о самой себе. Риторично, не правда ли, и несколько старомодно? Другой на ее месте сказал бы острее, современнее, наверное, упомянул бы о космических ракетодромах или о радиосигнализации между двумя галактиками... Другой!

А вот как просто порою (и в наши дни!) соединяются эти «два начала»:

О, сколько музыки!
Как радует она!
Мы заворожены и
неподвижные астанем.
Шуршать листва
внимания нарастает
под нашими ногами...
Тишина...
Давай прислушаемся
и тому, что шепчет
Задеванский лес,
в нем вселенная поет,
чьей песне мир
земной причастен...

(Перевел В. СЕРЕБРЯКОВ)

Гурам АСАТИАНИ
Тбилиси

ОБСУЖДЕНИЕ современных производственных проблем на рабочую тему — дело хорошее, я хотелось бы думать, что оно принесет пользу. Однако прав Б. Анашенков, замечающий с горьким, как мне показалось, иронией в самом начале своей статьи «Грани рабочей темы»: слишком много ведется общих рассуждений на эту тему, голого теоретизирования и крайне мало случаев толкового критического анализа конкретных произведений.

Б. Анашенкова, как я понимаю, волнуют прежде всего характеры, социальная их принадлежность. Критик справедливо указывает на то важное обстоятельство, что, раскрытые в наиболее естественных условиях, в бытовой среде (а это и производство тоже, отнюдь не только семья, собственный дом или коммунальная квартира), характеры эти обладают силой обратного воздействия, проявляют и сферу трудовой деятельности, и специфику самой работы (психологию той или иной профессии), и, что самое главное, основополагающие тенденции всего нашего общественного движения.

Критик считает, что успешные поиски полнокровного, жизненно достоверного характера возможны на пересечении бытового и производственного начал, в обстоятельствах, при которых выбивается, как в квантовом генераторе, та особая нравственная сила рабочего человека, которая-то и привлекает писателя. Эта позиция предельно ясна.

Но вот здесь-то, как мне кажется, Б. Анашенков переходит от диалектического анализа современного литературного развития и постижения характера героя к субъективным построениям. «Надо!» — горячо восклицает он, имея в виду вовсе не обязательное разграничение художественной литературы по тематической «кастовости». Надо, мол, для пользы «формирования общественного сознания» причислять к рабочей теме и такие произведения, «которые и материалом, и художественной плотью, и героями не только не отвечают привычным представлениям о теме, но как бы и противостоят им». И в один список со «Сталеварами» Г. Бокарева попадает даже такое произведение, как «Живые деньги» А. Скалона.

Увы, одной социальной принадлежности мало, чтобы читатель мог представить — домыслить — психологию рабочего человека. Арканя из «Живых денег» — слесарь лишь по анкете. «Золотые руки» рабочего? Не знаю. «Золотые руки» и психология браконьера — да, это показано. И очень талантливо. Только при чем здесь рабочий? Арканя выступает в повести совсем в другой ипостаси.

Два лета подряд на Алтае мне приходилось участвовать в рейдах инспекторов рыбнадзора. Однажды нас обстреляли из обреза. Стрелял заместитель начальника цеха одного из крупных заводов, браконьер, «моторизованный» по последнему слову техники.

Ребята с одного алтайского комбината рассказывали о своем инженере, который каждую осень привозит с «охоты» несколько сотен ондатровых шкурок, причем множество «некондиционного» молодняка, угодившего в капканы, гибнет и вовсе зря — остается тухнуть по берегам проток.

Чем же эти «охотники», хотел бы я знать, отличаются от Аркани из «Живых денег» А. Скалона? Как видим, у них совершенно одинаковая психология — браконьера, а социальная принадлежность — уже как бы формальная.

Словом, задача А. Скалона была, судя по всему, далека от той, какую хотел бы ему приписать В. Анашенков. Задача была строго локальная: повесть о браконьере. Как о сформировавшемся социальном типе, но без анализа обстоятельств, делающих такой тип. Это уже была бы вся картина. Скалон же написал ее лишь частично, как этюд, показав Арканю в готовом виде. Поэтому ссылка на «принадлежность» героя и рабочему сословию вызывает недоумение.

В связи с этим не могу не упомянуть про хорошего парня с того же комбината, внештатного инспектора, принимавшего участие в трех рейдах рыбнадзора. Представьте себе, тоже слесарь, как и Арканя. И тоже не какой-нибудь захудалый — высшего разряда, мастер своего дела. И вот уж доподлинно известно — лично свидетельствую, — что зарплата у него была не ахти какая. Средняя. Как говорится, не шибко на такие деньги разбежишься... Но стоял он, этот парень, совсем на иной общественно-социальной платформе, с развитием нашего общества. Надо исследовать социальный тип современного рабочего во всех его взаимосвязях с жизнью. Психология рабочего человека — это не тушь. Причем психология не вообще, а в конкретной ипостаси — слесаря, скажем. Это ли не самое главное для писателя, по зову крови и души своей живущего рабочей темой, а не идущего к ней по конъюнктурным соображениям?!

Кажется, все тут ясно, и тем не менее порой раздается глас критика: про труд, про духовность не забывайте! Раздается иногда как раз в тех случаях, когда писатель именно об этом и сам думал, и не просто думал, а в меру своих творческих возможностей старался выразить в своем произведении и труд, и духовность рабочего человека — выразить, может быть, не совсем так, как требует того привычный шаблон...

Я сетовал в начале моих заметок на неконкретность иных критических дискуссий. Хотелось бы еще заметить, что порой в нашей критике при оценке произведений не хватает мудрости и дальнозоркости, готовности без оглядки на день вчерашний разобраться в сложном современном литературном процессе, особенно когда речь заходит (цитирую Б. Анашенкова) «о метаморфозах нынешней «производственной» прозы, о ее поисках и находках, потерях».

Приведу пример из своей практики, не из личных, разумеется, побуждений, а в конкретное подтверждение вышесказанного.

Вот как писал о моей повести «Живые корни» критик Н. Мотяшов (журнал «Москва», № 6, 1972): автора, «умеющего дать и психологически точный портрет, и пластически выразительное описание, следует упрекнуть в нарочитой заземленности изображения, в том, что он «вынес за скобки», по существу, самую главную часть жизни своих героев — их труд... Эти люди уже не могут быть названы передовыми в силу своей определенной общественной инертности и недостаточно высокой по нынешним временам духовной культуры».

Не со времен ли «производственного романа» осталась эта терминология: «заземленность», «бытовые описания»?.. Современному автору, пытающемуся осмыслить и бесконечно многообразную действительность, чрезвычайно изменившуюся структуру производственных отношений, и внутренний мир человека-труженика, чье общественное сознание порой не «поспевает» за временем, а иногда и обгоняет его своеобразно, — такому писателю впору и руки сложить после подобных выводов критики.

Но, оказывается, есть и другое мнение. Молодой критик Ю. Дюжев пишет: «...Образ индустриального гиганта незримо присутствует в каждой новелле. О работе вспоминают и за праздничным столом, и в случайной беседе в кругу близких и родных, вспоминают заинтересованно и озабоченно. И это сформированное всем укладом социалистического строя чувство хозяина производства выступает одним из важнейших качеств семьи Комраковых, подчеркивает новое в социально-психологическом облике советского рабочего... Обстоятельность и достоверность чувствуются в описании рабочего быта. Но повествование не замыкается в этих рамках. Внимание к будничным мелочам жизни не заслоняет правды характеров».

Все это хорошо, но как быть автору? Каких критериев придерживаться? Где же истина в конце концов?

НИ ДЛЯ КОГО не секрет, что художественный уровень «деревенской» прозы ныне у нас значительно выше, нежели прозы на рабочую тему. Трудно выделить из «обоймы» писателей-«производственников», не в обиду кому-то будь сказано, хотя бы одно имя, которое можно было бы поставить рядом с именами В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина,... Конечно, с полным правом можно назвать не одно, а сразу два имени — Г. Коновалов и А. Иванов, но эти романисты, во-первых, высоко котировались и среди «деревенщиков», а во-вторых, речь-то идет о «производственной» прозе самой современной, самой «свежей» — об отражении сегодняшнего дня рабочего человека.

Может быть, это сопоставление «деревенщиков» и «производственников» наивно, в нем есть какая-то предосудительность? По-моему, ничего подобного. Речь идет не только о профессиональном мастерстве и опыте, но и, вольно или невольно, о тех языковых средствах, коими наши «деревенщики» добиваются удивительной выразительности своего письма, живости образов, доносят до читателя глубину мысли и чувства.

Странно, нелепо, но с каких-то пор критика, по сути дела, перестала замечать такой «пустяк», как язык, стиль произведения. И вот уже густо пошли книги, исполненные «индустриальным» языком. Пора бы и тревогу забить, а критика все толкует о проблемах, которые несет научно-техническая революция, о соотнесении этих проблем с характером героя НТР... Но героя-то, живой души его как раз и нет. Проблемы есть, а художественно-достоверных, полнокровных характеров в таких произведениях порой не сыщешь. Такая неудача, на мой взгляд, постигла А. Черноусова («Практикант»), Р. Шумилова («Сдаем автоматику»), некоторых других авторов.

Мы говорим о народе, но, когда создаем прозу о рабочем человеке, забываем почему-то, что это и есть народ. Ведь народные истоки дают себя знать даже тогда, когда речь идет о молодом современном рабочем человеке. Нужно увидеть эти истоки. И тогда это будет проявляться первонаперво в языке произведения. Он должен быть в своей основе народным, а не «суконным» — каким-то условно модовым, вневременным, антинациональным, за который ратует, в частности, писатель А. Проханов в споре с критиком Вл. Гусевым (диалог опубликован в «Литературной газете», № 2, 1974).

Как же можно оппозитизировать индустриальный труд, к чему призывают иные критики, сделать прозу о рабочем человеке не менее высокой по художественному уровню, чем проза «деревенская», ежели мы будем забывать об основе основ — языковой культуре? А она, между прочим, эта культура, дается не чем иным, как духовной связью с народом, «пожизненной выучкой».

Представьте себе выпускника сельскохозяйственного института, до мозга костей городского человека, который, прожив в деревне с годик, вознамерился «опоэтизировать» труд и быт крестьянина — создать, одним словом, «деревенскую» прозу... Не так ли и кое-кто из нынешних авторов рабочей темы знает своего героя — производственную и бытовую среду, сам дух, своеобразие рабочей современной слободки (есть, есть такие — типично рабочие, есть в каждом городе!), в которых развивается характер, формируется и проявляется психология его? Что треха тянуть, рабочая тема стала «модной», и вот потянулись косяки литераторов за цею в «глубинку» — едут по командировкам «изучать» рабочего человека, его жизнь... Какие-то проблемы, нет спора, ухватить можно и за один день. Понять, осмыслить, написать очерк. Но не художественную прозу! Человек — вот что главное в художественной литературе. А проблемы — это уже как бы «орнаментовка» той или иной темы произведения, но отнюдь не единственное его содержание.

Но это, как говорится, ало «творческое», а вот гораздо хуже, когда мы согласимся еще и с тем, что, дескать, и Арканя — типичный современный рабочий человек... По Сеньке ли шапка?..

Не так давно нам предлагали целую теорию «потомственной косточки» (И. Абрамов, дискуссия в «Литературной России»). Все это тоже от лукавого, от попытки идеализации того, что всегда было, есть и будет многомерным, подчас противоречивым, не укладывающимся в кабинетные представления, книжные схемы.

Происходит парадоксальное явление: книг на рабочую тему много, а «производственной» прозы, настоящей, большой, мало... А между тем в советской литературе мы можем найти множество замечательных книг о рабочем человеке, о рабочем классе.

Прозу надо печатать качественную и по главному ее показателю — идейно-художественному уровню. Ибо общая наша нетребовательность в этом плане никак не ускорит появления писателей, которым под силу воспеть рабочего человека в подлинном его духовном величии.

Ю. АНТРОПОВ

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ПО СЕНЬКЕ ШАПКА?..

В обсуждении проблем рабочей темы, магистральной темы советской литературы, начатом Б. Анашенковым в новогоднем номере «ЛГ», приняли участие М. Ковешников, А. Медников, В. Шапошников (№№ 6, 7, 9).

Сегодня мы публикуем статью прозаика Ю. Антропова.

ЗАМЕТКИ КРОХОБОРА

Прочел недавно детские стишки:

На свой скворечник
Сел скворец:
— Кто поселился
В мой дворец?

(Василий Морозов. «Птичьи восторги». «Дальний Восток», № 12, 1973).

Языком скворцов специально никогда не занимался, но думаю, что и у них во дворец полагается вселяться, а поселиться можно только во дворце.

В том же журнале обнаружил фразу:

«И перепугалась Маринка, увидев дядьку с испитым опухшим лицом, зарделе, в угол за шкаф забилась» (Б. Лапин. «Разноцветье, разнотравье»). Неужели автор считает, что «испитое лицо» — то же, что «иропитое»? «Испитой — малокровный, худосочный, как бы лишившийся крови...» (Даль).

***

«Бронзовый человек подошел совсем рядом и в «вездеходу». Это из повести В. Колупаева «Качели Отшельника» («Фантастика-72»). Ну скажи автор: «совсем близко к вездеходу», — и не было бы никакой фантастики! Достаточно фантастична и такая фраза: «Они растянулись кольцом по периметру Отшельника через каждые две тысячи километров» (стр. 13). На нашей планете мы не очень-то привыкли к тому, что можно «растянуться кольцом», а самое главное, что у нас шары (а Отшельник, как явствует из контекста, — шар) не имеют периметров.

***

«Конечно, условна города отличны от села», — читаю я в одной статье («Наука и религия», № 1, 1974), и в которой раз вспыхивает желание поселиться в деревне. Но, боже, что узнаю я в следующей фразе! «Да и психология человека не похожа на характер деревенского жителя». Подумайте, а с виду совсем как люди!..

***

Ах, как иной раз хочется блеснуть иностранным словом!

«Баллотировка пар состоится сегодня. Но уже накануне утром на Медео мы видели много интересных пар» («Советский спорт», № 27, 1974). Баллотировка — это голосование на выборах. А тут следовало сказать «жеребьевка».

***

«Ведь если холодильники Минторга прекращают принимать мясо, то это аукнется убытками не в его, а в «чужих карманах» — мясокомбинатов, колхозов, совхозов», — читаю в одной газете.

Может, все-таки «откликнется»?

ИЗ ПОЧТЫ

«26 декабря впервые после капитального возобновления на сцену выйдут некоторые бессменные исполнители и первые участники спектакля...» — обещает «Театральный Ленинград» (№ 45, 1973). Хотелось бы знать, насколько перспективен способ капитального возобновления актеров.

В. ЛЕБЕДЕВ,
учитель
ЛЕНИНГРАД

***

«Участие в реконструкции молодежи породило новый вид соревнования», — читаю в свердловской молодежной газете. А нуждается ли молодежь в реконструкции?

М. ГВОЗДЮКЕВИЧ
СЫСЕРТЬ
Свердловской обл.

***

Дорогой Крохобор! А не возникает ли у тебя желания поискать «крохи» на страницах самой «ЛГ»? Вот, к примеру, в «ЛГ» (№ 7, 1974) неписано: «впервые дебютировала в кино». Вторичного дебюта ведь как будто и не бывает?

На той же странице я прочла: «К двадцатилетней годовщине революции 1905 года был создан «Броненосец «Потемкин». Очевидно, годовщина была двадцатая (или же просто — двадцатилетие).

Э. ЯРИНА.
МОСКВА врач

***

Хочу поделиться с читателями несколькими экспонатами из моей коллекции.

Как-то в Благовещенске мне довелось прочесть в магазине: «Обезглавленный морской окунь. Цена...». А позже в Мурманске я увидел огромную жестяную банку «скумбрии обезглавленной». Не появятся ли четвертование акулы и распятые щуки?

А вот еще из области рыбной кулинарии. «Дальрыба» предлагает «филе хека необескишеренное». Приставка «без» здесь явно лишняя. И вообще: ошкуривают бревна, а с животных снимают кожу или шкуру.

А. Н. ШУСТОВ
ЛЕНИНГРАД

А. П. ЧЕХОВ. ПОЛНОЕ, АКАДЕМИЧЕСКОЕ

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР заканчивается под руководством члена-корреспондента АН СССР Н. Ф. Бельчикова подготовка нового, академического издания сочинений и писем А. П. Чехова.

После выхода наиболее полного до сих пор, двадцатитомного собрания его сочинений (Госиздат, 1944—1951) было обнаружено значительное количество новых материалов.

В томе 68-м «Литературного наследства», вышедшем к 100-летнему юбилею писателя, уже были опубликованы две ранние редакции пьесы «Три сестры», великие рукописи рассказов «Невеста», «Попрыгунья», пьесы-шутки «Юбилей», страница из черновой рукописи «Дамы с собачкой», несколько неизвестных фельетонов.

Ряд новых документов, связанных с именем Чехова, — письма, неизвестные рукописи, записные книжки и т. п. удалось найти в самое последнее время. Все они войдут в 30-томное академическое собрание сочинений, и выпуску этого пристулает издательство «Наука» в 1974 году. (Тома художественных произведений и писем будут выходить параллельно.)

Сегодня мы предоставляем слово руководителю чеховской группы ИМЛИ, старшему научному сотруднику, кандидату филологических наук Л. Д. ОПУЛЬСКОЙ, которая рассказывает об этом издании.

ОТ ИЗБРАННОГО — К ПОЛНОМУ

В 1899—1902 годах Чехов готовил для издательства А. Ф. Маркса первое собрание своих сочинений. Оно же с дополнительным томом было переиздано в 1903 году. Таким образом, Чехов имел возможность только один раз собрать и сгруппировать свои сочинения, и рассматривать это издание как основу для последующих совершенно невозможно. Ведь тогда пришлось бы отказаться от более чем трехсот повестей, рассказов, очерков, юморесок, от всей сатиры молодого Чехова. Иначе говоря — более чем от половины его творческого наследия. Чехов подготовил фактически избранное собрание своих сочинений, и его отбор был чересчур взыскательным и строгим.

Уже современники приходили в недоумение оттого, что некоторые прекрасные рассказы, еще в 90-е годы переведенные на европейские языки, в собрание сочинений все-таки не попали. Вне марксовского издания оказались: «Письмо к ученому соседу», «Петров день», «В вагоне», «Суд», «Забыл!!», «На гвозде», «Благодарный», «Размазня», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 28 рублей пропало», «Разговор человека с собакой», «Дипломат», «Из воспоминаний идеалиста», «Не судьба!», «Сапоги простота», «Глупый француз» и многое, многое другое.

Брать на себя смелость в академическом, то есть исчерпывающе полном, собрании сочинений членить произведения великого писателя по сортам представлялось нам немыслимым кощунством. Принято решение, единственно, как нам кажется, возможное в данном случае: произведения располагаются в хронологической последовательности, отражая творческий путь писателя. Разделение идет лишь по литературным родам и жанрам: художественная проза (1—11 тт.), драматургия (12—14 тт.), публицистика (15—16 тт.), записные книжки (17 т.), коллективные, приписываемые Чехову и тому подобные сочинения (18 т.); двенадцать томов составит письма.

НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ...

Чехов, пожалуй, более других русских классиков обещает литературоведам удачу в их поисках: совершенно очевидно, что немало ранних рассказов, юморесок, фельетонов Чехова до сих пор остаются ненайденными. Сам он сказал как-то, что, «кроме стихов и доносов», писал все. Он, конечно, известно, что стихи — остроумно изящные юморески — Чехов писал (сохранились автографы), и не исключено, что именно шуточные стихотворения были среди первых его выступлений в печати. Во всяком случае, недавно обнаружен целый ряд стихов, всесторонний анализ которых позволяет с очень большой долей вероятности приписать их авторство Чехову. Это так называемые «дубинальные» тексты.

В отдела Dubia может быть опубликован и фельетон «Постоянное московского товарального рынка», и юмористическое объявление о подписке на журнал «Зритель», 1883 г., и юморесна «Моя семья».

Обследование периодических изданий конца 70—80-х годов прошлого века мы вели фронтально, без каких бы то ни было исключений. Изучались на только те газеты и журналы, которые привычно связывались с именем Чехова, но и те, где он мог случайно печататься под нерасскрытыми псевдонимами или анонимно. Несколько таких анонимных фельетонов, бесспорно принадлежащих Чехову, обнаружено М. А. Соколовой в журнале «Будильник» (1885). А в газете «Мимута» М. Л. Семеновой найдена первая публикация рассказа «Жены артистов» под заглавием «Португальская легенда на русский манер о монах артистов» (1880). Рассказ был подписан: «Дон Антонио Чехонте». В разные отделы нашего издания войдут рассказы и юморески, обнаруженные в журналах «Осколки», «Мирской толк», «Стрекоза», «Будильник», «Свет и тени», «Развлечение», а газете «Новое время».

Из писем издателя «Осколков» Н. А. Лейкина было известно, что цензура весной 1885 года запретила юмористический рассказ Чехова — остросатирическую зарисовку нравов военной среды. Недавно он был найден в цензурном архиве («ЛГ», № 26, 1987).

Это одна из тех находок, которые колебали устоявшееся мнение, что в цензурных архивах чеховедам делать нечего. Слишком долго принималась на веру легенда о Чехове — безобидном юмористе, политически индифферентном писателе. Однако именно обращение к цензурным документам прояснило судьбу первого сборника Чехова. Исследование, проведенное М. П. Громовым, внесло принципиально важные коррективы в первый том сочинений.

Существовала версия, будто книга не вышла потому, что у автора не хватило денег на ее издание. Между тем она была почти сделана — сохранились отпечатанные листы семи ранних рассказов, прекрасно иллюстрированные Н. П. Чеховым. В бумагах Московского цензурного ведомства сохранился автограф Чехова: молодой автор испрашивал «билет», то есть право на представление в цензуру корректурных листов. 30 июня 1882 года был назначен цензор Федоров — цербер, ставший вскоре председателем Московского цензурного комитета. Именно его стараниями летом 1882 года (а не в 1883 году, как думали раньше) не появилась первая книга Чехова «Шалопаи и благодушные», имевшая и другой вариант названия — «Шалость» (раньше считалось — «На досуге»). Сохранившиеся листы этого сборника говорят о том, что и в тексте некоторых рассказов было либо вмешательство цензуры, либо попытка автора избежать этого вмешательства. В «Письме к ученому соседу» невежественный «отец Герасим» заменен «соседом Герасимовым», упоминание о «дне св. Пасхи» заменено нейтральным «раз в год». В юморески «Темпераменты» целиком снят такой пассаж:

«Читал когда-то «Московские ведомости», но чувствуя при чтении этой газеты тяжесть под ложечкой, сердцебиение и муть в глазах, он бросил ее». И дальше — вся характеристика «холерико - меланхолика», прозрачно намекавшая на издателя реакционной газеты М. Н. Каткова [illegible] был снят. Первая цензурная верстка дорогу, черт ударил по затылку, и сделался он холерико-меланхоликом. Я говорю об известном мне [illegible] Расстанного садовника»

девять процентов славянофилов — холерико-меланхолики. Непризнанный поэт, непризнанный отец отечества, непризнанный Юпитер и Демосфен... и т. д. Рогатый муж, вообще всякий крикливый, но не сильный».

К несчастью, не всегда доступны источники, где можно найти авторский подлинник. Известно, например, что, когда француз Жюль Легра хотел приняться за перевод, Чехов писал ему: «Дело в том, что редакция «Русских ведомостей» из трусости и целомудрия многое выпустила из этого рассказа. Я пришлю Вам рассказ in toto. Непременно пришлю».

Если рукопись была послана, то она может храниться в личном архиве Ж. Легра, в университете Дижона, где Легра был профессором. Там же нужно искать и подлинники писем Чехова к Легра. Архив этот пока не разобран.

ТРУДНОСТИ ТЕКСТОЛОГИИ

Как ни увлекательны поиски нового, самой серьезной и трудоемкой была другая задача — текстологическая.

Существует, например, легенда, что тот «ранний» Чехов, которого мы знаем, далеко не «ранний»: тот якобы был писателем весьма посредственным, даже низкопробным и только благодаря редактуре «маститого» Чехова приобрел известный нам вид.

Восстанавливая картину творческой работы над текстом по всем сохранившимся рукописям и прижизненным изданиям, мы увидели, что только несколько рассказов переделано столь значительно, что следует говорить о новой редакции. Нередко ранние рассказы входили в сборники и собрания сочинений с самой ничтожной авторской правкой.

Выяснилось, кроме того, что многие рассказы, на которые ссылаются обычно как на образцы кардинальной переделки («Тратник», «Толстый и тонкий»), были отредактированы Чеховым не для марксовского издания, а задолго до него, при составлении первых сборников («Сказки Мельпомены», «Пестрые рассказы»).

Проведена сверка текста со всеми рукописями и прижизненными изданиями. Я приведу лишь несколько примеров, характерных, однако, для всей текстологической работы.

Повесть «Степь» при жизни автора печаталась 16 раз. Потом повесть входила во все собрания сочинений Чехова и в отдельно изданные книги. И ни разу не было сделано даже попытки сопоставить источники и устранить бессмысленные, грубые погрешности.

Одно из самых поэтических мест «Степи» — описание в главе IV лунной ночи: «А когда восходит луна, ночь становится бледной и темной. Мягче живет бывало. Воздух прозрачен, свеж и тепел, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдельные стебли бурьяна». Этот верный текст — лишь в первой публикации, то есть в журнале «Северный вестник». Затем все время печаталось явно несообразное: «...ночь становится бледной и темной». А рядом говорится о «светлом фоне ночи», «бледно-зеленом, усыпанном звездами небе», «необъятной глубине и безграничности неба». Вдруг опять неожиданность: «...в голубом небе, в лунном свете». Почему же «голубое», если только что оно было «бледно-зеленое»? Оказывается, и здесь ошибка набора: нужно — «...в глубоком небе».

Рассказывая о кучере Дениске, увлеченно избивавшем слепней и мух, Чехов написал: «Он аппетитно, издавая горлом какой-то особенный, ехидно-победный звук, хлопал по своим жертвам...» В 10-м издании сборника «Рассказы» появилась опечатка «аппетмуно», следующий набор [illegible] «апатичн[illegible]» и [illegible] до наших дней.

Сверка текста с корректурами, корректурными листами и прижизненными изданиями позволяет иной раз [illegible] существенно [illegible] смыслу [illegible] утонченного [illegible] Рассказа «Печенег».

8400 ПИСЕМ

Когда в 1912—1916 годах М. П. Чехова издала шеститомник писем брата, он был справедливо назван «вторым собранием сочинений» Чехова. Даже у великих мастеров искусства редко бывает столь значительным, интересным, блестяще остроумным эпистолярное наследие. Письма Чехова — это не только ценнейший материал для биографии писателя, но и самостоятельное художественное произведение, которое, как и все, что вышло из-под пера Чехова, требует внимательного изучения.

М. П. Чехова собрала и напечатала 1017 писем. Эта цифра была более чем удвоена, когда вышло новое издание — восемь томов в составе 30-томного Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова. В 1966 году «Литературное наследство» увеличило эту цифру, напечатав еще 96 новых писем и собрав еще 90, рассыпанных по разным публикациям. Отдельные письма и даже коллекции писем появились в самые последние годы — у нас и за рубежом.

Недавно министр культуры СССР Е. А. Фурцева получила в дар из ФРГ автограф письма Чехова к А. В. Амфитеатрову (1902). Драгоценный документ передан Литературному музею в Москве.

Профессор П. Ковалевский, живущий сейчас в Париже, прислал редакции издания подлинники трех писем Чехова к М. М. Ковалевскому, а доктор Г. И. Альтшуллер, сын И. И. Альтшуллера — лечащего врача и Л. Толстого, и Чехова, передал несколько писем М. П. Чеховой и О. Л. Книппер, которые содержат всегда дорогие для нас сведения о Чехове.

В архиве Чехова (ГБЛ) сохранились письма Н. О. Меньшикова: «В Берлине, шатаясь по улицам, встретил Вашей книги и портрет в окне книжного магазина. Оказалось «Duell» в издании Küchenbeck Bücherschatz. Там воспроизведено и письмо Ваше к издателю». Несмотря на точно известные выходные данные, немецкое издание повести «Дуэль» до сих пор оставалось неизвестным. Только недавно Н. И. Гитович констатировала найти эту книгу... в Ленинграде.

На отдельном листе, вероятно текстом повести, воспроизведен автограф Чехова — письмо, правда, не издателю, а переводчику Кларе Бергер, просившей прислать ей биографические данные и портрет. Биография была взята из Энциклопедического словаря, о портрете Чехов писал:

«Фотографии моей в настоящее время у меня нет и не будет ранее осени. Портрет мой, довольно оригинальный, можно найти в Германии, а именно в Мюнхене или Лейпциге.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего.

Уважающий Вас А. Чехов.

Лопасня Моск. губ.».

В музей на Садово-Кудринской [illegible] поступил [illegible] этот текст назад тому [illegible] шитца — дочь В. М. Дорошевича. Чехов был хорошо знаком с Дорошевичем в молодые годы и увековечил его фамилию в рассказе «Шведская спичка». Музей получил и два автографа писем Чехова к Дорошевичу и подлинную рукопись «Шведской спички». Неизвестные ранее письма к Дорошевичу появятся у нас в первом томе писем. Число известных писем Чехова достигнет сейчас внушительной цифры — около 4400. Ныне снесено десятое ранее сокращенных читателю писем и включено в наше издание.

Публикация писем почти всегда представляет известные трудности. Не предназначенные для печати, они содержат порой слишком вольные выражения и неудобные в печати интимные признания. Купюры в этих случаях неизбежны — будут они и в нашем издании.

Но письма Чехова в предыдущих публикациях сильно пострадали от другого — правого редакторского вмешательства по субъективным и, в сущности, произвольным соображениям.

М. П. Чехова не всегда получала от адресата полные и достоверные комментарии и купюры оказались неизбежны. Кое-что она сократила сама (главным образом по часть домашних дел Чеховых, отзывы об отце и матери). Когда надвинулся 20-тилетие, была жива О. Л. Книппер; на письмах к ней были удалены малые, нежные слова — вероятно, их не хотела публиковать сама Ольга Леонардовна.

Редакторы же, руководствуясь самыми соображениями, вымарывали из писем Чехова целые пассажи.

Тщательно сверяя тексты писем Чехова с подлинниками, мы намерены, конечно, восстановить многие купюры.

Заново уточнены даты писем и первые считали [illegible] стоятельный комментарий с привлечением громадного числа писем к Чехову, собранных в его архиве и в большой своей части еще не опубликованных.

ЗА СТРОКОЙ РАССКАЗА

Конечно, вашей Шекспир, а не примечания к нему. Однако составить научный, краткий, но в то же время интересный, полезный комментарий к произведениям Чехова необходимо. Эта сторона работы оказалась делом чрезвычайно благодарным.

Ранняя юмористика, понятая на исторических и литературных фонах того времени, отлилась в подлинном [illegible] содержание

Стало ясно, что в великом образе дуэлянта нет ничего одного, определенного прототипа, но в каждом образе выявлены, сконцентрированы отдельные элементы натуры.

Сюжет, жизнь этого материала — в записных книжках Чехова, в его письмах и письмах к нему, в мемуарах, воспоминаниях, в разных документах эпохи.

Здесь я приведу лишь один пример. Он касается открытия Е. М. Сахаровой, сделанного при комментировании «Рассказа неизвестного человека».

В самом начале повести герой, «неизвестный человек», говорит, что в прошлом он был лейтенантом флота.

Для современников Чехова это упоминание значило многое — в 80-е годы прошлого века происходило несколько процессов над революционерами, в том числе — над группой военных, разделявших программу «Народной воли». Среди морских офицеров, входивших в военно-революционную организацию, особый интерес в связи с творческой историей «Рассказа неизвестного человека» представляет личность И. П. Ювачева. (Литературный псевдоним Миролюбов, автор книг «Восемь лет на Сахалине», «Шлиссельбургская крепость».) По окончании технического училища морского инженера Ювачев был в 1880 году направлен на Черноморский флот, в город Николаев, где вступил в 1882 году в военную организацию «Народной воли». В Николаеве, а затем в морской академии Петербурга мичман Ювачев проявил себя как талантливый пропагандист и организатор подпольных кружков морских офицеров. После предательства провокатора Дегаева военно-революционная организация была разгромлена и многие ее члены арестованы. 13 августа 1883 года Ювачев был арестован и затем судим по «Процессу 14-ти», или «Процессу В. Н. Фигнер».

Его приговорили к смертной казни через повешение, которая затем, после его выдающегося в царе, была заменена ссылкой в каторжные работы сроком на 15 лет. Во время пребывания в Шлиссельбургской крепости и мировоззрении Ювачева произошла коренная перемена.

По словам В. Н. Фигнер, находившейся в крепости одновременно с Ювачевым, «политические убеждения Ювачева за год заточения сверженной «приверженец из борца, завоевателя свободы насильственным путем, он превратился в миролюба с душой Толстого». В это же время Ювачев нарисовал и увлекательно рассказал, что затем использовать тюремное начальство, предложило ему инструктировать в морском, на что осужденный ответил отказом, сославшись на отсутствие «призвания в монашеству». (Сравните в повести: «Ты мог затем уйти в монастырь...».)

В сентябре 1887 года Ювачев был отправлен в селение Рыковское, где находился в сравнительно сносных условиях — он заведовал метеостанцией в Рыковском, занимался обследованием берегов Татарского пролива, составил морскую карту западного берега Сахалина.

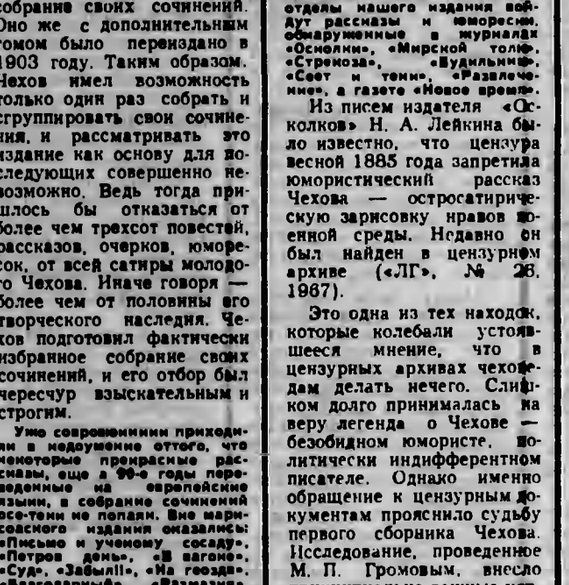
Привлекательная биография Ювачева, очевидно, способствовала тому, что на него не распространялось секретное предписание Главного тюремного управления, поступившее на Сахалин в связи с приездом А. П. Чехова: начальнику острова и начальникам округов вменялось в обязанность наблюдать, чтобы «Чехов не имел деловых сношений с ссыльно-каторжными, составляющими государственные преступления». Чехов, находясь в Рыковском, не только встретился с Ювачевым, но и имел возможность довольно хорошо узнать его. В книге «Остров Сахалин» (гл. X) Чехов писал: «В Рыковском есть школа, телеграф, больница и метеорологическая станция, где служит М. П. Галкино-Врасской, которую неофициально заведует привилегированный ссыльный, бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый; он исправляет еще такую должность церковного старосты».

При встрече с Чеховым Ювачев мог коснуться судьбы и других народовольцев, находившихся в Рыковском, например А. П. Александрина, участника «Долгого процесса» 1887 года, члена нелегальной таганрогской организации.

Возможно, Чехов во время пребывания на Сахалине слышал и о других революционерах-террористах, которые могли представлять интерес для автора «Рассказа неизвестного человека».

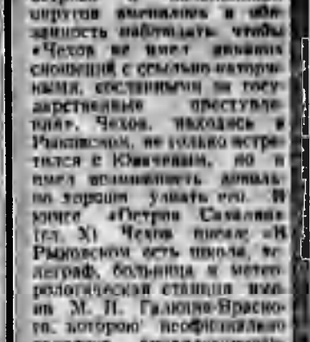
Новое академическое издание Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова, несомненно, является значительным событием в культурной жизни нашей страны, большим праздником для всех любителей художественного слова, которые с нетерпением ждут выхода в свет первого тома.

Л. ОПУЛЬСКАЯ

Н. П. Чехов. Рисунки к рассказу А. П. Чехова «Жены артистов».

(Из иллюстраций Н. П. Чехова к первому сборнику рассказов А. П. Чехова, не увидевшему свет)

Н. П. Чехов. Рисунок к рассказу А. П. Чехова «Летающие острова».

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. И. МАЦУЕВУ — 80 лет

[illegible] [illegible] [illegible] [

Майрамкан АБЫАКАСЫМОВА

Пути-дороги

О, сколько раз вверялась я дороге,
Всегда с душой открытой, налегке,
Теряясь, словно камушек в потоке,
В людской неиссякаемой реке.
О, сколько раз вставала я до света,
Дороге новой радуясь своей,
Спешила вновь лицо подставить ветру,
Ища дорожных спутников — друзей.
Была в гостях я у земли венгерской,
Вдыхала аромат болгарских роз,
Дунай встречал меня приватным плеском,
Поля венчали радугами рос.
Как искристо их чистое сверканье,
Алмазами горящее вдали!
...Пути-дороги — ато испытанье
Любви друг к другу путников земли.
Я видела поселки и селенья,
И города, где шпили меж ветвей.
...Пути-дороги — ато обновленье
Святого чувства родины твоей.
И, воротясь опять в края родные,
К своим заботам и к своим делам,
Так радуюсь, как будто бы впервые
Я счастье на земле своей нашла.
Отчизны мир... Его лучи и тени,
Журчанье рек и тихий шепот трав,
Тот мир, что ты ни за какие деньги
Нигде купить не сможешь, потеряв.
И мне всегда бывает видеть отрадно,
Как с путь-дороги, звездной, травяной,
Распухшие, тугие чемоданы
Иные тащит, радуясь, домой.
А я несу в своей душе дорожный ветер,
Ширь[illegible] трав, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Что не смогла тебе сказать я прочный,
Хрустальный и разборчивый ручей.
Как вовремя при солнечной погоде,
Вхожу в сад на тихий твой скрип,
И жаль, что дней [illegible]
[illegible]
Путей-дорог я буду [illegible]
Покуда жизнь, дана [illegible]
Как солнце — на [illegible]
За поколенья наши не забудет.

* * *

...Ну, а пока в разгаре знойном лето,
В нем, таком, и, как и голубом глазах,
Цветы, спасаясь от степного ветра,
В озерной отражаются воде.
И облака градой проходит мимо,
Зной нагружают щедро небеса.
Мир кроется в густых цветах и траве
От солнца, крепко бьющего в глаза.
И все идет своим путем на свете
Встает рассвет, шумит листва ветвей,
Колосья зреют, в люльках плачут дети,
В домах хлопочут руки матерей.
О, матери, храните верность долгу,
Растя детей средь мира и тепла.
Собой загородите к ним дорогу
Бесчестью и ошибкам — корням зла.
Чтобы глядеть счастливыми глазами
На дело рук своих бы вечно вам,
Сердца лепите чистые и сами
Дарите вашим добрым малышам.
Ты вред свершая родиной в ответе,
Жизнь давшая ребенку, слышишь, мать,
Что б ни было, ты равнодушья детям
Ни дня, ни часа не должна прощать!
Ведь тот, кто не захочет взять на плечи
Тот груз, что на себя несет народ,
Тому гордиться в жизни будет нечем,
Ни мать, ни родину в беде он не спасет.
С народом быть — отчизне дать опору,
Что на нее ничем не бросишь тень.
О люди, будьте добрыми!

Друг другу

Сияйте так, как этот ясный день.
Пусть ваши будут искренни стремленья
И добрыми, чтоб было жить светлей.
Земля моя, спасибо за дары —
Заботливым заботою твоей.
У сердца самого проходишь ты.
И слово
Сроднилось с ней я, мир родной земли.
Как бесстрашно, будь тоска огромна,
Когда бы знать мне от тебя вдали.

Перевод с киргизского

Лия БРИДАКА

■

На стану звать к бревенчатой избе,
покрытою соломанною крышей,
путь от свечи до лампочки, в судьба
богача сделал нас и поднял выше.

Вода водопроводной далеко
до той колодезной, студеной, драгней;
но жизни колесо уже легко
по-городскому крутится в деревне.

Не надо только выдумке такой
позволить обмануть нам сердце наше,
что вечно ждет целительный покой
на листиных крыльях среди пашен.

Легко нам с шумной улицею слиться,
в машинном мире миг затишья редок,
но кто из нас транзистору молиться
способен, как березе в роще предок?

Но только лишь в музеях на виду,
в глазах детей считаю вечным долгом,
важечь любовь к крестьянскому труду,
любовь, что словно яблонь цвет над домом.

Ту ясную, ту цельную любовь,
завещанную и землей, и небом,
что нам в сирени расцветает вновь,
что поле нам рождает вместе с хлебом.

Зеркало женственности

Женственности зеркало положено,
чтобы — хороша ли я? — спросить,
чтобы локон, ветром потревоженный,
аккуратнее переложить.
Не всегда мы ждем иного зеркала,
где бы наша красота не меркнула.
С теми бы глазами повстречаться,
с властной и зовущей глубиной,
чтобы в них единственных качаться,
как над омутом черемуха весной.
Мало нам объятий крепких рук,
ту любовь мы ждем, что может вдруг
силой грома где-то вдалеке
разбудить, как землю после сна,
водорослей письмена в реке
[illegible] [illegible] сна.
Яблоко же из чужого сада
женственности вовсе не усладд.
Женственности зеркало положено.
О доверье высшем говорю,
говорю я, что всего дороже нам
окна глаз, впустившие зарю.

Перевела с литовского С. КУЗЬМИЧЕВА

Мери МАРКАРЯН

Мотивы

■

В [illegible]
По [illegible]
По [illegible]
На [illegible]
Девочка [illegible]
С [illegible]

■

И в [illegible]
Где [illegible]
Стоит [illegible]
Бумага хрупкая должна хранить
Горячие сердца,
Не [illegible]

■

Сырое [illegible]
Холодный [illegible]
Защелкает малина быстрой иглой,
Тянет сад
Желтую нить —
Желтую нить над черною иглой.
Что и ты тоскуешь?
Забудь, отрини!
С хлебом не надо
Мешать полынь.
Сын твой рисует солнце и синь,
Солнце и синь рисует твой сын.

Перевел с армянского
Д. САМОЙЛОВ

■

Растаял лед
От чего-то родного дыханья,
От чего-то существованья
Неизмеримо дорогого,
От чего-то участья немого.
Что [illegible] это проходит, как луч,
[illegible] печаль мою, не сказав ни слова?

■

И [illegible] лист,
Грустящий над водой,
И пустота дорог
[illegible] [illegible] мгле,
[illegible] [illegible]
Желта,
Желте,
Желта,
И одинокий дрозд,
Стоящий на скале,
И магия имен,
Презревших тлен времен,
Гранитною плитой
Приникнувших к земле...

Перевела М. ПЕТРОВЫХ

Римма КАЗАКОВА

В гостях

Вспоминаю совхоз Рахманкулова.
Бил фонтан возле самых столов.
И мешал нам торжественный гул его
в изреченье торжественных слов.

Миндалем самаркандским измазаны,
мы вмещали уже кое-как
все, что съедено было и сказано,
и шурпу, и шашлык, и каймак.

В нервном деле своем твердокаменный,
нас снимал, заслонив с хитрецой
яркозубую молодость камерой,
оператор по имени Цой.

И душой, и обличьем не местные,
в чем-то местными стали уже,
восхищались поэты немецкие
местной жизнью и вслух, и в душе.

Золотило закатное зарево
золотистую роскошь стола,
И, как девочка, гостья из Загреба
прямо горстью клубнику брала.

Не прослыв едоками бывалыми,
плов отвергли мы, как ни грешно.
Стали наши движения вялыми...
Только Цой был фанатик кино —

он твердил с упоением: «Кушайте!»
«Ешьте! — он повторял, как приказ.
— Понимаете? Этим сослужите
вы великую службу для нас...

Мы снимаем работу кипящую,
свадьбы, тон, рожденье детей,
все, как есть: просто жизнь настоящую
новоселов — без всяких затей.

И когда-нибудь тот, кто в пеленочке
нынче что-то лопочет с трудом,
благодарно увидит на плёночке,
как родной его строился дом.

И про то, что в труде показатели
у отцов были, скажем, вполне...
И как к нам приезжали писатели,
чтоб прославить совхоз по стране...»

...Солнце красило щедрыми красками
все, к чему прикасалось перстом.
И, [illegible] [illegible],
Я в раздумье была [illegible].

Я по части чудес не [illegible] —
да и нет их, [illegible] —
Но возникла недавно [illegible]
на почти бесконечную жизнь.

Нет, не просто залетною птицею,
обозревшею все, что вокруг:
стану прошлым совхоза, частицею
этих дней, этих лиц, этих рук.

Скажут люди: «Ребята потрясные!
Вспомним, что привело нас сюда...
И мгновенное это прекрасное
будет длиться и длиться всегда.

Эди ОГНЕЦВЕТ

Шопен

Я иду за музыкой Шопена,
Открываюсь радости сама:
Пляшут искры Вислы белопенной,
И мазуркой вспенхрена корчма.

В черно-белых клавишах рояля
Есть волынки, скрипки, контрабас.
Разом задудели, заиграли —
И кого же не подхватит пляс!

Только слышу рокот барабана,
И уже ни публики, ни стен!
Из тревожной музыки нежданно
Вырастает молодой Шопен.

И не буря лист срывает ржавый,
И не громы с молниями бьют, —
Это [illegible] над осенью Варшавы
Грозный героический этюд.

Он каноны музыки степенной
Рвал накалом горя и тревог.
Там звучала музыка Шопена,
Где Мицкевич говорить не мог.

Царские сатрапы а ус не дули
И не знали, что ноктюрн — мираж,
Что а мазурке, как а обойме, пули,
В полонезе — гневный зов фанфар.

...И в Парижне шумном, и в Нохне
Снилась Полыма, звон ее лугов:
Он бы вереты отсчитал ногами
До родных зеленых берегов.

Только бы крестьянскую, простую
Песенку влюбленных подстеречь,
Только бы услышать дорогую
Польскую взволнованную речь.

Потому печальными глазами
Он тревожно вглядывался вдаль,
Потому бессонными ночами
Морем бушевал его рояль.

Перевел с белорусского
Федор ЕФИМОВ

Ирина ВОЛОБУЕВА

Речка Мама

Есть речка Мама. Так ее зовут.
А почему,
не помнят старожилы.
Наверное, за хлеботливый труд
Она названье это заслужила.
Или за то, что речки этой дно
Прозрачнее, без единого ила.
А речка Мама, так уже давно
Я слово «мама» не произносила...
Наверно, у воды твоей трава,
Березоньки растут светло и прямо.
Как хорошо, что будешь ты жива
Всегда, для всех,
на радость — речка Мама!

Верховой

Я помню, в клубе обыденном,
В детстве моем, давно,
Войну я гражданскую видела
В немом, черно-белом кино.
Беззвучно рушились здания,
Строчил пулеметами бой
И мчался вперед со знаменем
В буденовке верховой.
Равнинами шла я и кручами
И ширился, ширился свет,
Окрашенный и озвученный
Эпохой мне выпавших лет.
Я в ней вся делами занята,
Мечтаю, печалюсь, пою,
А тот верховой со знаменем
Все мчится сквозь жизнь мою.

Маргарита НОГТЕВА

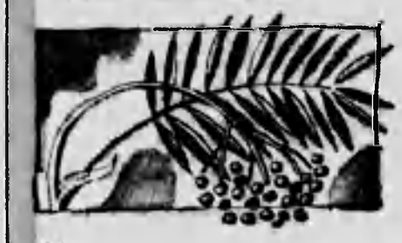
■

Я видела, как цвел Тянь-Шань.
Я видела: с ветвей могучих
Весенний цвет его шагал
Туда, в заоблачные кручи.

Я видела: цвела сирень,
И ранний цвет ее лиловый
Переходил из тени в тень
Гор снеговых, зари багровой.

Я видела, как цвел каштан,
И дым свечей его высоких
Распространялся, как Тянь-Шань,
Прозрачным утром на востоке.

Несло такой прохладой с гор,
С такой неотразимой силой,
Что легче в степь врасти, но взор
На отвести от этой сини...

■

Все было вызволено мной,
Как свет — из пустоты и мрака, —
И снег лилово-голубой
Уже бульдозером распахан.
Дверь распахнул бульдозерист —
Зарей обрызгало машину,
Как будто делят снегири
Большие ягоды рябины,
Как будто этот гул и рев
Не от охрипшего мотора —
От дружных мартовских снегов,
От громких птичьих разговоров.
В войну играют снегири,
И переводит дух машина,
И вьется ленточка зари,
Как будто веточка крушины...

Ирина СНЕГОВА

■

По январю, по январю,
По сыпкому снежку,
По сахарному творожку —
Иду и говорю:

Благодарю, благодарю
За этот встречный свет,
За хруст, как зуб по сухарю,
Когда вам десять лет...

Я говорю: мой белый день,
Вовек благодарю
За красный луч по снегирю,
За синий, в шапке, пень...

Я говорю: подольше б нам —
Сквозь полный календарь —
По январям, по январям,
Из января в январь!

■

Мне снилось—смешно!—будто я... вышиваю.
На пальцах, сама и — во сне.
И веточка гладью дрожит, как живая,
На тонком льняном полотне.

Мне снилось—неспешно вокруг, и движенья
Без резкости, взгляды легки...
И лето в окне, и ни в ком раздраженья,
И нитка не ранит руки.

И час оплывает, и я вышиваю,
Блюду старомодный помой.
Мне снилось — смешно! — будто я оживаю,
Как ветка, под тихой рукой.

Тоушан ЭСЕНОВА

Эти маленькие руки

Как облако, в руке он невесом.
Держу его и думаю о том,
Что все-таки сродни углю Донбасса,
Хлебам целинным этот белый ком.

У сборщиц руки — как моя рука,
Вся скроется в мужской наверняка,
Но хлопок, что собрали эти руки, —
Могучая и белая река.

А сколько в них сокрыто волшебства!..
Всё скажут, где бессильны и слова.
И как легки, когда дитя купают,
Всплеснутся в танце — кругом голова.

Всё, что затеют, всё исполнят в срок.
Как чутки к голосам земных тревог!
А если надо — пишут и законы.
Где Труд и Мир — в строю заглавных строк.

Когда же гневный прозвучал набат
И встала на врага стране-солдат,
Они умели наравне с мужскими
Держать, не зная страха, автомат.

Но лучше — хлопок в солнечном огне,
Купать дитя, цветы нести по маю...
Я женщина — и это понимаю.
Я женщина — и это все во мне.

Перевел с туркменского
Валентин ПРОТАЛИН

Татьяна КУЗОВАЕВА

■

Все утро береза стремилась
Застыть на мгновенье в окне,
И ветра случайная милость
Ее обращала ко мне.

Метели, меняя кочевье,
Вздымали волну за волной.
Белели снега и деревья,
И воздух слепил белизной.

И мне, торопящей недели
В заснеженной робкой глуши,
Хотелось коснуться метели,
Ее обнаженной души.

И птицу спугнуть ненароком,
Зверька меж стволов упустить,
Неловко рассыпать у окон
Рябины горчайшую нить.

И было и страшно, и сладко
Дышать посредине земли.
И я замирала украдкой
На гул самолета вдали.

Окно растворяла березе,
Глядела на беличий бег
И слушала в позднем морозе
Рассеянный, сбивчивый снег.

И небо спешила увидеть,
И, праздно вбирая покой,
Боялась бумагу обидеть
Случайной, поспешной строкой.

■

Избушка та
Спиной к лесам прижалась.
Снег у крыльца — к ступенькам не пройти.
Благодарю, о лыжная усталость,
За остановку краткую в пути.

Благодарю за счастье мчать по снегу
Под воспаленным солнечным кольцом,
И вдруг вот так, нечаянно, с разбегу,
Ошеломленно встать перед крыльцом.

Презрев полночный наговор гадалки,
Чтобы в него не верилось и впредь,
На легкие бамбуковые палки
Две вязаные варежки надеть.

Вот за стеной под медленной рукою
Щеколды звон — и отперта изба.
Не спрашивай, откуда я и кто я, —
Я шла сюда, пока вела судьба.

Был весел бег по утреннему снегу.
Была узка и праведна лыжня.
И жизнь была проста, как скорость бега,
Естественна, как продолженье дня.

Избушка та
Спиной к лесам прижалась.
Едва глядит из-под оплывших век.
Благодарю, о лыжная усталость,
За остановку, за крыльцо, за снег.

И за лыжню, что вечно будет к свету,
За скорости, влекущие меня,
За звон щеколды,
За слова привета,
За неизбежность,
За начало дня.

Рис. Е. ЗОЛОТАРЕВА

Павел НИЛИН

МОГУТ ЛИ ДВОЕ УВИДЕТЬ ОДИН СОН?

ДИАЛОГ

Иосиф ХЕЙФИЦ

Недавно кинорежиссер Иосиф Хейфиц и писатель Павел Нилин встретились для работы над сценарием нового фильма.

Наш корреспондент побывал у них и записал состоявшийся разговор.

П. НИЛИН. XX век на западе часто считают веком не читателя, а зрителя. Говорят и пишут о вытеснении книги кинематографом и телевидением. Лично я считаю, что книга никогда не умрет и никогда не умрет человек, пишущий пером, а не на машинке. Мне думается, что только строка, отепленная человеческим сердцем непосредственно через руку, только эта строка может быть сильной.

И. ХЕЙФИЦ. Все вто так, и тем не менее хочу обратить ваше внимание на то, что — хотите или не хотите — искусством века стал кинематограф, оказывающий колоссальное воздействие на умы, как положительное, так и отрицательное.

Весьма уважаемый крупный хозяйственник рассказал мне историю про своего сына, который не любил читать и, видимо, мало читал даже Пушкина. Но когда его на экзамене в школе попросили рассказать содержание «Евгения Онегина», он не растерялся. «Да, помню,— сказал он.— Поэма начинается с того, что на балконе усадьбы Лариных варят варенье...» И стало ясно, что свое представление о романе он взял из фильма-оперы.

Можно привести много примеров, когда удачная киноэкранизация вновь пробуждает интерес к книге. Но это довольно печальный пример вытеснения кинематографом книги, чтения.

Сейчас, как никогда, велика и ответственна работа для кино.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» отмечалось возросшее значение кино в деле формирования мировоззрения, нравственных убеждений и эстетических вкусов советских людей.

Я это говорю потому, что многие писатели высокомерно относятся к кинематографу. Один мой друг литератор обычно рассуждает так: я очень люблю кинематограф, с удовольствием работаю для него, и все-таки это всегда отхожий промысел, второстепенное дело хотя бы потому, что фильм живет короткое время, его забывают. А книга имеет долгий век.

П. НИЛИН. Я не согласен. Есть книги, которые живут совсем недолго. И есть кинокартины, которые живут много дольше книг. Однако истинный мастер, мне кажется, не должен думать о бессмертии. Есть наслаждение в самом процессе изготовления вещи. Смешно было бы поставить себе целью написать бессмертную книгу или поставить бессмертный фильм. Надо стараться максимально хорошо делать свое дело. А хорошо сделанное дело будет жить долго.

Я думаю, что высокомерно относятся к кинематографу в первую очередь слабые литераторы.

А наиболее способные писатели, как мне кажется, идут работать в кино не очень охотно, потому что там много консультантов, которые пытаются учить мастерового человека строить, допустим, аэропланы, хотя сами никогда их не строили. Это отпугивает умеющих работать.

И. ХЕЙФИЦ. Писатели убеждены, что они все знают, а это далеко не так.

Приведу один пример. В свое время, когда я читал «Старика и море» Хемингуэя в первый, потом во второй раз, повесть производила на меня большое впечатление своей суровой правдой, скупой и высокой образностью. Но вот по книге был снят фильм. Он оказался слабым, несмотря на то, что главного героя играл такой талантливый актер, как Спенсер Треси. С большим сожалением я узнал, что в съемках фильма участие принимал сам Хемингуэй. Он, видимо, настаивал на том, чтобы режиссер следовал его произведению до последней буквы, и в результате получилось чтение повести и иллюстрации в картинках под закадровый голос.

Писатель зачастую не хочет познавать законы драмы, считая это ненужным. Но тогда он должен довериться режиссеру — человеку, живущему в кинематографе.

П. НИЛИН. Я уважаю профессию режиссера, представляю всю многотрудность его деятельности, всю сложность его ответственности за создание картины. И все-таки я не перестаю сердиться на режиссеров.

Один мой знакомый, теперь уже старый литератор, 40 лет доказывает, что сценарий — особый и отдельный вид искусства и что сценарист выше режиссера. Я не исповедую такого убеждения. Сценарий входит в фильм в качестве компонента. Но нельзя не учитывать, что это важная его половина, первооснова. Хороший фильм по плохому сценарию поставить нельзя, а плохой фильм по хорошему — можно. Я не утверждаю, что мои сценарии были совершенны. Но после того, как их принимали, я всегда чувствовал себя человеком отчужденным, не имеющим к работе над фильмом никакого отношения. Никто не считался с моим мнением. Не было возможности хотя бы поспорить. Один из благороднейших людей, которых я когда-либо встречал, талантливый и так рано ушедший из жизни Владимир Скуйбин ставил «Жестокость», когда был очень болен. Если бы не это — картина, безусловно, получилась бы лучше, хотя ее и так приняли хорошо. Но есть кинокартина, поставленная по моему сценарию и не имевшая никакого успеха. Однако не только этот несчастливый фильм, но и «Жестокость» не принесла мне удовлетворения. Даже в «Жестокости» было сужено то, что я условно называю диапазоном...

С большинством режиссеров у меня не совпадали ни точки отсчета, ни точки зрения, ни вкусы. Вероятно, вообще очень трудно добиться единодушия в плане художественном...

Как правило, встречаются люди разных взглядов, разных характеров. Но может быть, именно это несходство и должно было привести к взаимообогащению? В моей кинематографической жизни этого не произошло.

Не могут двое увидеть один сон.

И. ХЕЙФИЦ. Павел Филиппович, какую разницу вы видите между писателем и сценаристом?

П. НИЛИН. Я думаю, что у режиссера и писателя в какой-то степени разные системы мышления. Сценарист же отличается от писателя-неспенариста тем, что знает специфику кинематографа так же, как и режиссер.

Иные режиссеры самовлюбленно говорят: «Я могу поставить хоть телефонную книгу!» Но телефонная книга — одно, а сюжет — другое. Сюжет чаще всего не дается режиссерам, когда они сами берутся писать сценарии. Таких примеров в нашем кино множество.

И. ХЕЙФИЦ. На только я нашем, Павел Филиппович. Фамилия режиссера часто стоит рядом с фамилией автора в кинофильмах, выпущенных в разных странах, хотя, как вы понимаете, все разное: опыт, знания, оценка социальных явлений. Не может ведь быть, чтобы режиссеры всего мира сговорились!

Дело здесь в том, что литературный замысел должен быть воплощен языком другого искусства.

Вы были недовольны работой режиссеров, которые ставили фильмы по вашим книгам, потому что вы, вероятно, хотели увидеть свое произведение, только раскадрированное. А увидели пронаведение, внешне на ваше не похожее, но похожее по духу...

Писатели сердятся на только на кинорежиссеров, но и на режиссеров театральных. Даже первое время Чехов сердился на Станиславского, считая, что он что-то выдумывает, а надо ставить так, как написано у Чехова.

Незнание прозаиком законов драмы часто приводит к тому, что самое гениальное литературное произведение может стать на экране бедным отражением оригинала.

П. НИЛИН. Так бывает нередко, и все-таки... Тут я должен сделать комплимент кинематографу. Несмотря на то, что я неудовлетворен результатами своей работы в кино, когда вы меня недавно снова поманили в кинематограф, я откликнулся с большим удовольствием. Почему? Я благодарен всем режиссерам (даже тем, с кем не было единства), потому что кинематограф если не подарил мне умение делать сюжет, то во всяком случае привел в страстному стремлению добиваться сюжетности. Кроме твердого стержня сюжета, кинематограф учил меня отбору материала. Теперь, когда я пишу даже без расчета на кино, я думаю: это не снимается — значит, и писать не надо.

Те двенадцать дней, которые мы с вами работали сейчас над сценарием, я прежде всего добивался совершенства в сюжете. И его доставляло мне истинное наслаждение.

И. ХЕЙФИЦ. Но вот что самое парадоксальное. Это время у меня ушло на то, чтобы возвращать вас к вашему рассказу, потому что, перелагая это произведение на язык кино, вы собственный рассказ подвергали варварской...

П. НИЛИН. Передельке?

И. ХЕЙФИЦ. Не совсем так... Скорее — упрощению. Я все время возвращал вас к глубине рассказа, его интонации. Нужно было найти кинематографическую форму. Я стоял на страже того, что стихия драмы есть действие, и поэтому во всех описательных кусках надо искать действие и противодействие, особый ритм. Моя попытка защитить рассказ от его автора была небезуспешной. Надеюсь, у меня был тот самый кинематографический опыт, который, наверно, помог...

П. НИЛИН. Правильно! Вы, действительно, очень «соблюдали» мое сочинение. Я хотел бы вас похвалить, но не получится ли, что «кумушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»? Впрочем, не очень-то вы меня и хвалили...

И. ХЕЙФИЦ. Возможно, это впереди — ведь нам предстоит большая работа! А сейчас я хочу сказать вообще о спорах с авторами, раз мы коснулись этого интересного вопроса.

Один ученый со страниц уважаемой всесоюзной газеты обвинил меня в том, что картина «В городе С.» не спорит с Чеховым. А я и не хочу с ним спорить!

Ученый муж приводил в пример Мейерхольда, который спорил с Островским. Но тот же Мейерхольд в переписке с Чеховым нежно и чутко спрашивал о том, как ему играть свою роль.

Пафос спора с автором иногда рождает совершенно уродливые явления. На спорить нужно, а открывать для себя мир автора. Эту задачу я и ставлю, когда обращаюсь к классикам литературы. В этом — дань величайшего к ним уважения. Поэтому самое горькое письмо, которое я когда-либо получал, было от группы студентов, посмотревших «Даму с собачкой». Они спрашивали: «Как вам удалось из такого малозначительного рассказа сделать интересный фильм?»

Дело не в споре с автором, а в том, чтобы найти у него то, что нас волнует сегодня.

П. НИЛИН. А что, собственно, нам интересно сегодня? Что сейчас самое главное? Я для себя отвечаю на этот вопрос так: важно, чтобы произведение искусства помогало человеку думать самостоятельно. И в этом умении мыслить человек мог бы черпать наслаждение жизнью. Произведение должно помогать ему активно участвовать в общественной жизни, воспитывать чувство ответственности.

И. ХЕЙФИЦ. Если бы я, отвечая на ваш вопрос, сказал, что искусство призвано учить гуманизму, — это было бы общеизвестно и банально. Интеллигентности? Пожалуй, мелко.

Очень важно воспитывать не только любовь к человеку, но — учить глубине отношения к людям и событиям.

С этой целью я и делал фильм по «Дузли» Чехова «Плохой хороший человек». Мне кажется, что пора отвыкать делить людей на плохих и хороших — и только. В отношении к человеку должен быть вовсе не гуманизм как всепрощение и вовсе не острота зрения как всенепрощение. В любом человеке, разумеется, за исключением отпетых врагов, есть резерв хорошего. Надо учить современного зрителя видеть этот резерв. Ваш рассказ, Павел Филиппович, этим и привлек меня.

Всю мою жизнь я провел в теснейшем содружестве с писателями. На первой серьезной картине «Депутат Балтики» я вместе с Александром Зархи работал с очень талантливым Леонидом Николаевичем Рахмановым. Влияние его творчества на судьбу этой картины несомненно. Именно Рахманову принадлежала идея создания образа старого ученого, у которого даже не возникает вопроса: принимать ему революцию или не принимать? Эту проблему он уже для себя решил: не только принять, но и стать ее активным деятелем.

У меня была длительная и большая дружба с Юрием Павловичем Германом. Он очень любил кинематограф, отдавал ему много сил. Он старался, как мог, защитить литературный первоисточник, но делел это не свысока, а любя киноискусство.

Я учился у Германа терпению. Хотя он писал быстро, я знал случаи, когда ему приходилось переписывать сценарий по четыре раза. Он злился, посылал кинематограф ко всем чертям и все-таки — любил его!

П. НИЛИН. Иосиф Ефимович, если это намек на то, что мне тоже придется писать четыре варианта, то я могу сказать, что с другими режиссерами так не было...

И. ХЕЙФИЦ. Может быть, они были непритязательны?

...Содружеству с Германом я обязан такими картинами, как «Дело Румянцева», «Дорогой мой человек». Более того, он во многом направлял меня в плане поисков, все время адресовал к Чехову, которого очень любил и всегда, бесконечно его перечитывая, перечитывал. Он говорил мне: «Вы должны поставить фильм об Ионыче. Это великое произведение». Я, как видите, послушался его совета и сделал картину «В городе С.».

Хорошие воспоминания связаны у меня с Григорием Яковлевичем Баклановым. Наше знакомство произошло после того, как я влюбился в его суровую военную прозу. Бакланов внес свой опыт войны в мое понимание искусства. Мы с ним сделали фильм «Горизонт», потом — «Салют, Мария!», на который потратили много времени, духовных и душевных сил. И вот теперь работаем с вами, Павел Филиппович...

Как видите, вся моя биография — биография режиссера, работавшего с писателями. Все вы разные по литературным вкусам, взглядам на жизнь, но всех вас объединяет любовь к человеку. Вы спросили: что сейчас самое главное? Воспитывать любовь к человеку, показывая его сложность, разность, неоднозначность.

П. НИЛИН. Все, о ком вы сейчас рассказали, занимались очень непростым делом. Шутка ли — в течение полутора часов разыграть целую жизнь на экране! Для этого требуется серьезное дарование.

Я склонен думать, что каждый литератор, который хочет научиться писать интересно, держать читателя в напряжении, обязан попробовать свои силы в кинематографе.

...Чтобы поднять большую тяжелую бочку на телегу или грузовик — ставят слеги. И тогда бочку закатывают без особых усилий. Чтобы донести большие идеи до широкого зрителя, надо прилагать «слеги» в сюжете, то есть прежде всего увлекать кинематографическим рассказом. Практика показывает, что без умения строить сюжет и увлечь зрителя не обойтись.

И. ХЕЙФИЦ. Кинематограф учится у литературы исследованию жизни, характеров, постановке проблем. Литература имеет в этом тысячелетний опыт.

Впрочем, и кинематограф влияет на литературу. Он учил и учит ее «зрительной стихии». Человечество благодаря кинематографу научилось видеть мир, явления пристально, крупным планом, понимать движения человеческой души, выраженные актером через «зрительную стихию».

Так и существуют, обогащая друг друга, литература и кинематограф.

Я считаю, что настоящее кино всегда рождается на основе настоящей книги. Экранизируя произведение, имеешь дело с добротным материалом. Повесть или роман написаны не спеша. Писатель отдал им всю свою душу.

Многие лучшие наши картины — экранизации. Были ими и «Чапаев», и «Гамлет».

Но у нас, к сожалению, не разработана научная теория экранизаций, хотя статей на эту тему написано много. На практике я чувствую, мы идем вслепую...

П. НИЛИН. А я вывел из практики, что сценарий надо писать за двенадцать — четырнадцать дней. Правда, те, кто определяет гонорар за сценарий, могут наивно подумать, что это, как говорится, — жуй да плюй. Один из величайших художников мира — Тициан говорил, что он истратил на картину целую жизнь и еще один час. Вот это тот самый случай. О сценарии можно думать или, как вы говорите, «разминать» будущую тему бесконечно долго. Но писать надо в кратчайший срок, чтобы сюжет не «провис» и не «прокис». И такой срок — две недели.

И. ХЕЙФИЦ. Когда вы мне по телефону сказали о двух неделях — я понаначалу испугался. Но потом вспомнил, как, по-моему, Чехов давал совет Горькому: «Изучите условия сцены и... в 5—8 дней напишете пьесу...» Главное — не сколько потрачено времени, а каков результат. В хорошем фильме должен быть такой запас художественной глубины, чтобы каждый зритель — от самого неподготовленного до самого подготовленного — нашел в нем свое. Один — меньше, другой — больше. Словом, фильм следует делать с большим запасом.

П. НИЛИН. Совершенно с вами согласен. Вы сказали это за себя и за меня!

И. ХЕЙФИЦ. Как пишут в ремарках пьес: оба сразу.

Запись диалога Ганны СИЛИНОЙ

СЕМЬЯ КЛОУНА

Сегодня в цирке вся семья Поповых.

С карандаш выступает народный артист СССР Олег Попов. Музыкальный эквилибрист — его жена Александра. На проволоке работает дочь Ольга. «Ну, как?» — спросит она отца в антракте...

А первыми на представление сегодня пришли мать и отец Олега — Мария Михайловна и Георгий Алексеевич.

Фотоочерк А. УЗЛИНА и В. КРОХИНА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

И. И. НАЗАРОВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Игната Ивановича Назарова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского драматурга, с днем семидесятилетия. На профессиональной сцене поставлены десятки Ваших пьес, некоторые издавны отдельными книгами или напечатаны в сборниках и альманахах. Написанные Вами несколько лет назад героические драмы «Панфиловцы» и «Сергей Лазо» и по сей день звучат в эфире для миллионов радиослушателей. Нам особенно хотелось бы отметить Вашу работу по созданию репертуара для художественной самодеятельности — одноактных драм и комедий, широко известных народным театрам и драматическим кружкам страны.

К своему славному юбилею Вы пришли в полном расцвете творческих сил, только что завершив две новые пьесы — драму «Через огонь и смерть» — о солдатах Сталинграда и комедию-о рыбаках Каспия — «Приглашаем на уху!».

Желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и многих новых хороших пьес.

Поздравляя юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

РЕПЛИКА ЧИТАТЕЛЯ

ОХ, УЖ ЭТОТ АНГЛИЙСКИЙ...

Обращаю внимание на ошибку, которая, на мой взгляд, допущена при дублировании американского кинофильма, идущего сейчас под названием «Круг чистой воды». Наверняка сотни тысяч зрителей удивлены: ведь в фильме нет ничего, относящегося к какому-нибудь «кругу воды» или даже просто к чистой воде.

А дело, по-моему, объясняется просто. В действительности фильм называется «Король чистых вод». Эта метафора, поэтически характеризующая красивого водяного зверька — выдру, появляется в фильме только в самом конце, но зато повторяется [illegible] раза в словах [illegible], завершающей фильм, а потом в блокноте писателя как заглавие его новой книги. Король по-английски [illegible] «К» пишется более вычурно, чем у нас, с «петелькой». Невнимательный (или слабо знающий язык) человек может принять «К» за «К». Именно эту ошибку сделал, по-видимому, переводчик и вместо слова King (король) увидел Ring (кольцо, круг). Проявлено равнодушие к песне, к художественному смыслу произведения — и вот на экранах фильм с бессмысленным названием.

В. ШВАРЦ,
доцент Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ГЛАВНАЯ ТЕМА

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

На сто тридцать метров вознеслось над Парижем «Башни» только что отстроенного Международного центра, который включает в себя также и самый вместительный концертный зал французской столицы. Несколько дней назад, открывая этот громадный комплекс, премьер-министр Франции П. Мессмер сказал, что Международный центр призван способствовать повышению роли Франции и Парижа в деле международных обменов и сотрудничества.

Программа проведения здесь выставок, съездов, конференций, выступлений творческих коллективов заполнена уже на два года вперед. И символично, что честь художественного открытия парижского Международного центра предоставлена советскому ансамблю «Березка», который через неделю начинает здесь свои гастроли.

Во Франции уже сейчас чувствуется приближение крупного события — визите в Советский Союз президенте Французской Республики Жоржа Помпиду. Близка к правительству газета «Насьон» пишет, что в ходе переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом Ж. Помпиду будут затронуты не только вопросы двусторонних отношений, но и все крупные международные проблемы. Газета особенно подчеркивает, что эта новая встреча руководителей двух государств явится «подтверждением стремления Советского Союза и Франции придать их консультациям еще более регулярный характер».

В эти дни здесь особенно ясно отдают себе отчет в том, что ход событий последних лет показал правильность шагов, предпринятых в свое время Советским Союзом и Францией для установления отношений конструктивного сотрудничества, основанного на последовательном применении принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Это сотрудничество стало важным фактором международной жизни, оказывающим благоприятное воздействие на ход событий в Европе и во всем мире.

В нынешнем году, как известно, будет отмечаться 50-летие со времени установления дипломатических отношений между СССР и Францией. Приближение этой знаменательной годовщины ощущается здесь во всем.

Не так давно, например, французские телезрители имели возможность познакомиться с показанной по телевидению советской кинокартиной «Огненная дуга». Миллионы телезрителей увидели фильм, правдиво рассказывающий об одном из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. В обсуждении, состоявшемся после демонстрации фильма, приняли участие Маршал Советского Союза И. Баграмян, бывший командир эскадрильи «Нормандия—Неман» генерал авиации П. Пуйяд и другие. Тысячи телефонных звонков в телевизионную студию, где обсуждалась кинокартина, показали, какой огромный интерес испытывают французы к советской действительности, к героической истории нашей страны.

Недавно в Париже состоялась встреча президентского совета общества «Франция—СССР» с французскими и иностранными журналистами. Президент общества Г. Дассон заявил, что развитие сотрудничества Франции с Советским Союзом вносит большой вклад в укрепление разрядки в Европе и во всем мире, в разработку соглашения об обеспечении коллективной безопасности на нашем континенте. Президентский совет выразил надежду, что предстоящий визит президента Франции Ж. Помпиду в Советский Союз, его встречи и переговоры с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым откроют новые горизонты в развитии франко-советских отношений и будут способствовать их дальнейшему упрочению и углублению.

Олег ШИРОКОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ПАРИЖ. (По телефону)

ГОВОРИТ ТОВАРИЩ ЛУЧО

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

Мы печатаем сегодня несколько фрагментов из книги «27 часов с Кореалесом», опубликованной в Чили, когда «горилльы» и «мумии», поддерживаемые иностранным капиталом, еще только готовились к фашистскому перевороту.

Известный писатель и публицист Эдуардо Лабарка месяц за месяцем, начиная с сентября 1971 и кончая сентябрем 1972 года, двенадцать раз встречался и беседовал с Генеральным секретарем Коммунистической партии Чили Луисом Кореалесом и записывал эти беседы на пленку. Двадцать семь бобин — это двадцать семь часов, проведенных с товарищем Лучо, выдающимся деятелем чилийского и международного рабочего движения, несгибаемым борцом за счастье своего народа, обаятельным, душевным человеком. Сейчас Луис Корвалан сослан на остров Досон. Побоявшись устроить кровавую расправу над выдающимся сыном чилийского народа, палачи хунты бросили его вместе с другими прогрессивными деятелями за колючую проволоку концлагеря, мало чем отличающегося от гитлеровских концлагерей и явно рассчитанного на то, чтобы убить патриотов голодом, холодом и зверским обращением.

Советские писатели вместе со всем советским народом, со всеми честными людьми на земле гневно протестуют против кровавых злодеяний чилийской реакции, решительно требуют от хунты прекратить террор и преследования патриотов Чили, освободить Луиса Корвалана и других демократов.

Вопрос. Сколько лет вы в партии?

Ответ. Сорок лет. Я вступил в партию летом 1932 года.

Вопрос. Что вас привело в партию?

Ответ. Я вырос в бедной семье. Мой отец был рабочим-металлургом. Я с детства видел, как трудно живется рабочему человеку, и с ранних лет стал задумываться над тем, как изменить такое положение. Я был еще подростком, когда в Чили произошло восстание моряков, которое возглавил Марадона. Оно было подавлено, но оставило в моей душе глубокий след. Я стал искать ответ на вопрос, почему восстание потерпело поражение, и пришел к выводу, что моряки не имели четкой программы действий. Я стал читать книги по истории, по политэкономии, по философии. Постепенно я пришел к выводу, что нужна партия, которая бы объединила рабочих, крестьян, интеллигенцию, всех трудящихся, и повела их к социализму. Такой партией стала для меня Коммунистическая партия Чили.

Вопрос. Вас когда-нибудь арестовывали?

Ответ. Да, я сидел в тюрьме Антофагесты, в тюрьме политической полиции в Сантьяго, меня ссылали в Пизагуано и в Писагуа.

Вопрос. Вас пытали?

Ответ. Да, в политической полиции. Там меня обрабатывали иногда до трех часов утра.

Вопрос. А позднее вы не боялись, что вас могут опять арестовать и пытать?

Ответ. Я уже прошел через это, и в моей жизни никогда не были исключены ни аресты, ни пытки...

Вопрос. Где вы жили, находясь в подполье?

Ответ. В разных местах. В Сисterне и Кончели. Когда было возможно — вместе с женой и детьми. Некоторое время скрывался в домах товарищей, вдали от семьи. Это ее время самых тяжелых репрессий.

Вопрос. Какую работу вы выполняли тогда?

Ответ. Я был редактором «Сигло», а потом, в подполье, занимался пропагандой.

Вопрос. Если бы вы не посвятили себя политике, чем бы вы занялись?

Ответ. Две года я был учителем и десять лет — партийным журналистом. Мне трудно представить себя вне политики. Во всяком случае, наверное, занялся бы сельским хозяйством.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Пятьдесят шесть.

Вопрос. Вы чувствуете старость?

Ответ. Нет, не чувствую, хотя это не означает, что годы не дают о себе знать.

Вопрос. Не испытываете ли вы иногда усталости от политической деятельности?

Ответ. Нет. Но мне очень хотелось бы выбрать время, чтобы написать немного о том, что я видел и чему научился у жизни.

Вопрос. Члены вашей семьи одобряют вашу деятельность?

Ответ. Вне всякого сомнения. Весь мой дом — коммунистический. Коммунисты — все родственники, живущие со мной: мой восьмидесятивосьмилетний тесть, моя жена и три моих старших сына. Даже младшая дочь, десяти лет, и племяннице — за компартию.

Вопрос. Люди думают, что жизнь Генерального секретаря Коммунистической партии сплошь состоит из работы, поездок, встреч, совещаний, приемов, телефонных разговоров. Так ли это?

Ответ. Я веду обычный образ жизни, как все смертные. Во-первых, работа Центрального Комитета организована у нас таким образом, что не требует моего присутствия при рассмотрении всех проблем. Очень редко меня отвлекают по незначительным или второстепенным делам. А во-вторых, мне, откровенно говоря, нравится мой дом. Только очень важная причина может не позволить мне пообедать со своими. Я люблю проводить время с женой и ребятами. Большую часть своей работы я тоже делаю дома. Даже когда нужно с кем-то встретиться, просмотреть бумаги, отредактировать доклад или статью и особенно, когда нужно поразмыслить над возникшими проблемами...

Вопрос. Что вы скажете о Сальвадоре Альенде?

Ответ. Вклад Сальвадоре Альенде, президента республики, в развитие народного движения очень ценен. За долгие годы, по крайней мере лет за двадцать, Сальвадор Альенде проделал огромную работу по политическому воспитанию народных масс. В значительной мере политическая культура нашего народа приобреталась на слух, во время выступлений его лидеров. И в этом отношении Сальвадор Альенде особенно выделялся. В ходе всех избирательных кампаний, в которых он участвовал, — особенно во время президентских выборов, — да и все остальное время, по меньшей мере в течение двух десятилетий, он стремился разъяснить народным массам значение революционных перемен, необходимость революционных изменений, способных реально разрешить проблемы народа и всей страны.

Вопрос. Инфляция всегда несла в себе зародыш, причину крупных социальных потрясений — как революционных, так и переворотов фашистского типа. Для них часто исходным моментом служили экономические кризисы и периоды острой инфляции. Зарождение фашизма в Германии тоже ведь было связано с самой большой инфляцией, какую когда-либо переживала Европа...

Ответ. Действительно, революции, революционные изменения, революционные процессы не своем первом этапе были вынуждены преодолевать временные трудности того же характера, что переживаем и мы: «черный рынок», очереди, инфляцию.

Вопрос. Что вы думаете о фашистской опасности, о которой я упоминал?

Ответ. Я думаю, что фашистская опасность имеется, но в то же время я абсолютно уверен, что огромное большинство народе не склоняется в пользу фашизма.

Вопрос. Не кажется ли вам, что чилийская олигархия окезалась не такой агрессивной, как в других странах?

Ответ. Нет, мне не кажется, что чилийская олигархия и буржуазия проявили отсутствие агрессивности. Напротив: олигархия и буржуазия в Чили по отношению к народу всегда были агрессивны. Нет нужды вспоминать всю историю массовых убийств в стране — она широко известна. Но нашу Коммунистическую партию никто не может расколоть — ни снаружи, ни изнутри. В ответ на удары врага, как это уже бывало, она только еще теснее сплотит свои ряды...

Вопрос. Вы не раз бывали в Советском Союзе. Газета «Пренсе» во время вашей поездки на XXIV съезд КПСС подняла страшный шум. Она заявила, что вам, Генеральному секретарю партии, входящей в правительство, тем будут указывать, что нужно делать в Чили. В этой связи я хотел бы спросить: каковы отношение между Коммунистической партией Чили и Коммунистической партией Советского Союза?

Ответ. Прежде всего разделяемся с злокозненными инсинуациями. В самом деле, реакционная печать и радио распространяли эту чепуху. Даже самый недалекий человек поймет, что утверждать, будто я или кто-то другой ездит в Москву за инструкциями, — полнейший абсурд. Каждая коммунистическая партия сама определяет свою линию, иначе и быть не может. В этом убеждены все компартии, и в первую очередь КПСС. Обстановка в каждой стране своя. Никто ее не может знать лучше, чем тот, кто в ней живет. Основная линия нашей партии разработана не наших съездах. Это не противоречит тому, что мы, как всегда, поддерживаем прекрасные отношения с Коммунистической партией Советского Союза. Мы выступаем сплоченно, плечом к плечу, в решении главных задач, главных вопросов международного характера. Однако основная линия — это наша собственная линия... Всем этим я хочу сказать, что в наших контактах и в наших отношениях с КПСС или с какой-либо другой коммунистической партией социалистического или капиталистического лагеря царит принцип полной независимости партий, уважения разработанных ими линий, невмешательства во внутренние дела каждой из них.

Вопрос. Вас называют «советинчас»...

Ответ. Да, «советинчас», как говорят наши комсомольцы... Почему мы «советинчас»? В силу политических, классовых причин. Мы «минчас» страны, первой в мире совершившей победоносную социалистическую революцию, разрушившей Бастилию капитализма, открывшей новую эпоху, прошедшей через тысячи испытаний и ставшей несокрушимой опорой мировой революции. Мы «минчас» Советского Союза, который бился не на жизнь, а на смерть, потерял 20 миллионов человек в войне с фашизмом и стал главной силой, не позволившей нацистскому варварству простереть свою зловещую тень над всем миром...

Товарищ Луис Корвалан в гостях у советских моряков во время стоянки теплохода «Анатолий Луначарский» у берегов Чили.

---

* Inchas — по-испански «болельщики»; «советинчас» — «болельщики из Советы». — Ред.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

ОТ НАШИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

ФРГ-74: ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?

НАМ НЕ РАЗ доводилось бывать в ФРГ — стране, которая занимает одно из ведущих мест в жизни Европы. Мы были там, когда свежие ветры рассеивали грозные тучи «холодной войны», в ее поборник — партия Аденауэра ХДС/ХСС, отстреливаясь из всех видов политического оружия, очищала канцлерский дворец и боннские министерства. Мы находились в Бонне, когда решался вопрос: быть или не быть новой «восточной политике», быть или не быть ратифицированными Московскому и Варшавскому договорам, подписанным правительством Брандта с Советским Союзом и Польской Народной Республикой? Мы наблюдали события бурных ноябрьских дней 1972 года, когда на первых в истории ФРГ досрочных выборах в бундестаг большинство избирателей сказали решительное «да» политике разрядки и сотрудничества в Европе, нанеся поражение ХДС/ХСС. Барцелю и Штраусу, которые предприняли очередную попытку повернуть развитие вспять.

Поистине взбудоражили всю страну майские дни 1973 года, когда в Бонн прибыл с официальным визитом Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Это были дни триумфа политики разума, дни поражения сторонников «холодной войны». Тон на политической и общественной арене задавали те, кто стремился к добрососедским отношениям с Советским Союзом, ГДР и другими странами социалистического содружества.

И вот — февраль 1974 года. До очередных выборов в бундестаг еще два с лишним года. Расставлены внутриполитические и внешнеполитические вехи, определяющие фарватер развития страны. Более четко видны теперь и подводные камни, затрудняющие движение вперед. На этот раз мы приезжали в ФРГ в период политических будней, не ожидая никаких сенсаций.

Впрочем, что понимать под сенсацией?..

1. НЕОБЫЧНАЯ ЗАБАСТОВКА

Наши первые дни в ФРГ совпали с мощной забастовкой работников коммунальных и государственных предприятий и учреждений, городского и железнодорожного транспорта, связи, требовавших от властей повышения заработной платы и улучшения условий труда.

В Бонне холодный февральский ветер бил по ногам мусором и пылью неубранных улиц, город задыхался от отбросов. При входе в здание бундестага мы увидели плакат: «Здесь бастуют служащие». В Кёльнском аэропорту пассажиры сами тащили чемоданы к самолетам: рабочие сектора обслуживания бастовали.

В Мюнхене, едва приехав, мы почувствовали головную боль. Сопровождавший нас молодой человек легко объяснил, в чем дело: из-за забастовки остановились все виды общественного транспорта — метро, трамвай, автобус, резко увеличилось использование такси и других легковых автомашин в черте города, и в результате выхлопные газы в несколько раз повысили плотность смога над Мюнхеном. Вечерняя мюнхенская газета вышла в тот день с огромным заголовком: «Сегодня тревога: забастовка, отравляет мюнхенский воздух».

Забастовка в ФРГ — явление далеко не сенсационное. Уже давно развеяны мифы буржуазной пропаганды о государстве «всеобщего благоденствия», бесконфликтном «обществе потребителей и производителей». Борьба трудящихся против наступления монополий в последнее время не раз выливалась в открытые схватки между трудом и капиталом, в массовые и продолжительные забастовки.

И все же это была не обычная забастовка. Прежде всего потому, что в борьбу впервые в ФРГ вступили рабочие и служащие государственного сектора, земельных и общинных предприятий и учреждений, впервые образовался столь широкий забастовочный фронт. Оказалась парализованной часть правительственных учреждений, муниципалитетов. Министр внутренних дел Геншер, как нам сказали, принес на работу теплую одежду, ибо кабинет не отапливался: забастовал обслуживающий персонал электростанций и теплоцентралей. Не остался в стороне даже профсоюз полицейских. Многие чиновники, которые по своему статусу не имеют права на забастовку, в той или иной форме фактически поддержали бастующих. Зашаталось то, что власти всегда считали своей опорой.

Возглавлял борьбу крупнейший профсоюз общественных служб, коммунальников и транспортников, который объединяет работников более чем четырехсот профессий — от университетских профессоров и больничных медсестер до мусорщиков и трамвайщиков.

Неудивительна бурная реакция буржуазной и социал-демократической печати. В одной из газет была помещена такая карикатура: мыши (различные отраслевые профсоюзы) откусывали куски от металлической монеты — марки — и уносили их в свои норы. Комментаторы сетовали на «близорукость» профсоюзов, которые на «эгоистических побуждений», десять, подрывают экономику страны. Писали о серьезном конфликте между профсоюзами и социал-демократической партией, о том, что их традиционный союз находится в опасности.

Забастовка длилась три дня и окончилась компромиссным соглашением об увеличении заработной платы для более чем 2,2 миллиона рабочих и служащих государственных, земельных и коммунальных предприятий и учреждений на 11 процентов (первоначальное требование бастующих — 15 процентов). Первое впечатление — изысканная цифра. К тому же речь идет о категории работников, получающих относительно высокую заработную плату. Но это только первое впечатление.

Разные люди по-разному делали подсчеты, чтобы объяснить нам, что означает для трудящихся эти 11 процентов. Учитывая [illegible] на товары широкого потребления и продукты питания (в одном только 1973 году — 7,8 процента), повышение налогов, увеличение [illegible] на неизбежное страхование и ряд других мелочей. В одних случаях этот прирост трудящиеся не получали вовсе, в других — лишь частично компенсировали прибавки и лишь изредка [illegible] реальное повышение заработной платы. В одном случае — что они «не любят» [illegible] чтобы действительно [illegible] дорогизну и другие отрицательные факторы.

Во всяком случае, о реальном росте жизненного уровня не было и речи.

Кончились ли вместе с этой забастовкой социальные бои хотя бы на ближайшее время? Нет. Скоро в тарифные переговоры с предпринимателями вступит профсоюз металлистов в металлургов (свыше 2 миллионов членов). Снова начнется торг за каждые полпроцента надбавки к заработной плате. Не исключена массовая забастовка. А за металлистами и металлургами на очереди горняки, а там — химики, и так далее, и так далее.

2. БЕЗРАДОСТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

1974 год, как все предсказывают, будет тяжелым годом для ФРГ — впрочем, не тяжелее, чем для других стран Запада. Ожидается значительное снижение экономической конъюнктуры. Перспективы развития производства в этом году оценивают широкой амплитудой в семь процентов: от плюс 2 до минус 5. Многие говорили, что скорее всего надо ожидать стагнации, сохранения производства на прежнем уровне.

ФРГ — страна, практически мало знавшая, что такое безработица. Здесь и теперь более двух миллионов иностранных рабочих. Но в последние месяцы кривая безработицы заметно поползла вверх. Уже сейчас число не имеющих работы превышает 600 тысяч. По заявлению представителя боннского министерства труда, эта цифра может возрасти весной до 750 тысяч — 1 миллиона человек. Такого в ФРГ еще не было с тех пор, как она восстановила хозяйственные потери, причиненные войной.

Почти ежедневно печать сообщает о банкротстве различных фирм, о закрытии малых и средних предприятий, не выдержавших конкуренции с концернами. В результате сотни и тысячи людей оказываются на улице. Особенно тяжело сказывается безработица на жителях многочисленных маленьких городов, где есть всего-то одно-два предприятия и потому очень мало шансов «переустроить» свою судьбу, найти новую работу.

...«Штерн» в одном из своих последних номеров выносит на обложку броский заголовок: «Город [illegible] ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

С МЕСТА СОБЫТИЯ

КОГДА ЗАНАВЕС ОПУЩЕН...

...На Трафальгарской площади стучали молотки. Рабочие сколачивали многометровые гладко обструганные доски, обтягивали их материей, подводили к ним электрические провода. И вскоре у знаменитой колонны адмирала Нельсона весело голубым светом [illegible] разными голосами [illegible] телевизор, установленный на деревянной трибуне. Весь вечер в ночь с 28 февраля на 1 марта глядели на эту невообразимую сцену, с которой крупнейшие обозреватели и дикторы Би-би-си сообщали о том, как проходит голосование, кто в каких округах стал победителем...

На Трафальгарской площади в эту ночь разыгрывался финал трехнедельного спектакля под названием «Парламентские выборы».

Все три недели партийные лидеры колесили по стране, успевая за один день выступить на нескольких митингах в разных районах. Они обольстительно улыбались избирательницам, крепко пожимали руки избирателям, подбрасывали в воздух мальчишек. Свои роли эти опытные артисты играли профессионально.

Впрочем, так же профессионально участвовали в этом трехнедельном представлении и закулисные силы. Консерваторов, по традиции, поддерживал «большой бизнес», либералов — профсоюзы. У либералов не было такой мощной опоры, но не этот раз не «забывали» и о них.

По улицам курсировали оборудованные громкоговорителями автомобили, оглашавшие воздух лозунгами типа: «Только либералы выведут нас из тупика». Самые красивые манекенщицы фотографировались в бикини, на которых едва умещался призыв голосовать за тори. Не участников «парламентской гонки», как на скаковых лошадей, делались ставки: в общей сложности больше двух с половиной миллионов фунтов стерлингов было поставлено на возможных победителей.

Выборы, как известно, не принесли убедительной победы ни одной партии. Тори получили не несколько мест меньше, чем [illegible] основные соперники. Однако и либералы не [illegible] надежды на [illegible] Политическая обстановка в стране стала еще менее стабильной, а надежды англичан на перемены — еще слабее. Уже [illegible] с тем, что в недалеком будущем в Англии состоятся, возможно, новые выборы. А ведь выборы — весьма дорогостоящее занятие, и они отнюдь не способствуют борьбе с экономическим кризисом, переживаемым страной.

...Итак, занавес опустился. Погас голубой экран на Трафальгарской площади. Стройные манекенщицы уже несколько дней рекламируют новые товары. А зрители с недоумением и огорчением спрашивают друг друга: что же в конце концов дал Англии этот спектакль?

Михаил ОЗЕРОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ЛОНДОН. (По телефону)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

МНЕНИЕ КАНЦЛЕРА

Венский корреспондент лондонской газеты «Файнэншл таймс» сообщил о замечаниях, сделанных канцлером Австрии д-ром Крайским в беседе с ним по поводу антисоветской акции австрийского телевидения и журнала «Профиль», утверждавших, будто в 1968 году существовали «чрезвычайные планы оккупации части Австрии» странами Варшавского пакта. Этот бред исходил от бывшего чехословацкого генерала, предателя родины Шейны. Корреспондент «Файнэншл таймс» пишет:

«Из-за выбора времени и своего содержания заявление, сделанное канцлером Шейной австрийскому журналисту, произвело политическую сенсацию и подвергло австро-советские отношения неожиданной напряженности: телевизионная программа и серия журнальных статей совпали с празднованием 50-летней годовщины установления дипломатических отношений между Австрией и Советским Союзом... Тот факт, что австрийский журналист получил доступ к генералу Шейне в Вашингтоне, несмотря на тщательную охрану его американской секретной службой, по мнению многих, свидетельствует о том, что вся эта операция была задумана и организована ЦРУ...

Федеральный канцлер Австрии д-р Бруно Крайский сказал корреспонденту «Файнэншл таймс», что все это — «маневры, организованные сторонниками «холодной войны». Публикация будто бы существовавших чрезвычайных планов семь лет спустя была бы невозможной без определенных намерений, сказал он и добавил, что в противном случае вся эта операция была бы абсолютно бессмысленной.

Канцлер не исключает возможности того, что «определенные» американские службы могут быть заинтересованы в подрыве советско-австрийских отношений».

ТЕЛЕКС

ЦЕНЫ СКАЧУТ

Заместитель премьер-министра Турции объявил на пресс-конференции о решении правительства увеличить от 25 до 100 процентов цены на жидкое топливо, железо, сталь, цемент, бумагу, сахар, а также на хлопчатобумажные и шерстяные ткани и обувь.

ТАСС

ПЕЧАЛЬНЫЙ «РЕКОРД»

Последние статистические данные свидетельствуют о том, что в Италии на каждый миллион новорожденных 40 тысяч умирают в первую же неделю после появления на свет. По этим показателям Италия занимает второе место в Европе, уступая «пальму первенства» лишь Португалии.

«Унита» (ИТАЛИЯ)

МЕДАЛИ ЗА ТРУД

Иранское правительство учредило золотую, серебряную и бронзовую медали, которыми будут награждаться рабочие страны за трудовые успехи. Вместе с медалью выдается денежное вознаграждение.

ТАСС

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОСТА-РИКЕ

В Коста-Рике закончили свою работу первые курсы русского языка, организованные Институтом костариканско-советских связей. На торжественном вечере, устроенном по случаю окончания работы курсов, их выпускники показали короткие театральные постановки на русском языке.

ТАСС

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

В Ханое вышел в свет первый номер нового ежеквартального журнала, издаваемого Институтом искусств Министерства культуры ДРВ. Журнал называется «Вопросы искусства». Он будет освещать и анализировать вопросы театрального и изобразительного искусства, музыкальной жизни ДРВ.

ТАСС

Н. МАР,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ФРОСЯ

РАССКАЗ О ПОДВИГЕ, СОВЕРШЕННОМ КОЛХОЗНИКАМИ КАЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ефросинья Дмитриевна АНДРЮШИНА

Рис. В. КРАСНОВСКОГО

1. РАЗГОВОР С ФИЛИППОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ

— Следовательно, вы утверждаете, что это был подпольный колхоз?

— Да, именно подпольный. Ровно шесть лет, с декабря сорок первого по декабрь сорок третьего, существовал Зловодинский оккупированной фашистами деревне правил все колхозные законы и порядки. Разумеется, подполье есть подполье, и это прекрасно понимали Фрося и ее товарищи...

— А кто такая Фрося, и как называется эта деревня?

— Фрося Андрюшина — комсомолка, учительница, председатель подпольного колхоза в нашей калужской деревне Зловодка. Подпольный колхоз в Зловодке — часть нашей жизни на войне, и мрей — тоже. Приедете в Калугу, поговорим подробнее...

Увы, я опоздал. Через несколько дней после этого телефонного разговора мой собеседник Филипп Васильевич Аксенов неожиданно скончался. Мне так и не удалось его повидать, но о яркой жизни Аксенова теперь я кое-что знаю. Старый коммунист, он был командиром знаменитого Косеватско - Куйбышевского партизанского отряда, который осенью сорок первого года дал гитлеровцам свой первый бой у серебристо-зеленой стены знаменитого на калужской земле Раменного леса. Именно с ним, с Филиппом Васильевичем Аксеновым, и его боевым партизанским отрядом кровно связана эта более чем тридцатилетней давности история.

...Вот она стоит, в серебряных снегах и инее, деревня Зловодка, расположившаяся на калужской земле, можно сказать, в самом сердце России. Добротные дома, пики телеантенн, школа, тихие сады и вдруг — молодой богатырский дуб растет в одиночестве возле избы колхозницы Феклы Ивановны Тимошенковой. Дуб раскачивает ветвями, словно подзывает меня для неторопливой беседы.

И беседа началась в просторной горнице избы учительницы Екатерины Дмитриевны Бондориной. Здесь собрались ныне здравствующие создатели и рядовые подпольного колхоза, соратники Фроси — Ефросиньи Дмитриевны Андрюшиной. Всех их я должен назвать по имени-отчеству — Анна Николаевна Антишина, Александра Михайловна Дроздова, Мария Яковлевна Кретова, Елена Алексеевна Миркушева, Фекла Ивановна Тимошенкова, Прасковья Павловна Филимонова, Мария Дмитриевна Яшина, Василий Дмитриевич Тимошенков (некоторые участники тех героических дел, в частности Анастасия Михайловна Миркушева, Любовь Алексеевна Савчук и Евдокия Васильевна Филимонова, не смогли принять участие в нашей беседе, но подготовили свои письменные воспоминания). Они вглядываются в прошлое, вспоминают события давних лет и прежде всего, конечно, Фросю, председателя...

Судьба Ефросиньи Дмитриевны Андрюшиной с детских лет связана с этой деревней. Здесь поселился ее старший брат Андрей, в семье которого росли рано осиротевшие Фрося и маленький братишка Вася. Жена Андрея Дмитриевича добрейшая Фекла Ивановна заменила детям мать. По соседству, в селении Мокрое, Фрося закончила семилетку, потом — педучилище в калужском городке Кирове и вернулась снова в эти места учительницей. Вышла замуж, уехала к мужу, родила сына — Шурика. В июне сорок первого Фрося с сыном приехала погостить к брату и Фекле Ивановне. Началась война. Муж сообщил телеграммой, что уходит на фронт, брат тоже ушел на войну и погиб в первых сражениях. Фрося осталась с Феклой Ивановной: дороги были ей и эта теплая, обжитая изба, и старый стол, и давние фотографии в большой раме на стене...

Осенью фашисты прорвали фронт, черные машины с ревом сирен ворвались в Зловодку. Деревня сразу будто вымерла. Через два дня на улице был вывешен приказ фашистского коменданта: о всех коммунистах, комсомольцах, активистах и «прочих слугах большевистской власти» населению надлежит немедленно доложить в германский штаб, колхоз навсегда отменяется, хождение по улицам разрешается только до пяти вечера, оружие надлежит немедленно сдать, иначе «по велению рейха и фюрера» — расстрел, расстрел, расстрел...

Тогда, осенью сорок первого, в Зловодке, колхоза нет, скотные дворы опустели, часть хлебов убрать не успели, они поникшими стояли в поле. В окнах изб печально мерцали лампадки.

Мужчины во главе с коммунистом — агрономом Семеном Петровичем Минченковым ушли в Раменный лес, в отряд.

— Как теперь будем жить, Фросенька? — вечером спросила у золовки Фекла Ивановна.

— Посмотрим, время покажет.

Фрося стояла у окна и глядела в черную степь, за которой молчал посуровевший лес. Что сейчас происходит там, у Филимона Васильевича, в отряде?

2. ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Командир отряда вошел в штабную землянку, снял меховую ушанку со звездой и приказал вестовому вызвать Васю Тимошенкова. Через пять минут разведчик доложил о себе.

— Ты, Василий, кажется, родом из Зловодки? — спросил Филипп Васильевич.

— Можно сказать, с самого появления на свет божий, товарищ командир!

— Значит, деревню свою знаешь. Ну-ка, садись и расскажи мне о ней в подробностях, и прежде всего о людях.

Вася Тимошенков, курчавый семнадцатилетний комсомолец, говорил о том, какие замечательные труженики живут в Зловодке, как здорово работали они на колхозных полях, «спибая, считай, все районные премии». Но мужчины сейчас на фронте или в партизанах, а в деревне остались только немощные старики, дети, женщины. Ну вот, к примеру, учительница Фрося Андрюшина...

В штабной землянке в тот вечер шло долгое заседание. Отряду требовались люди — бойцы, разведчики, связные, медсестры. Отряд надо кормить, значит, необходима продовольственная база: Раменный лес и Зловодка рядом — рукой подать, несколько километров. Но еще важнее, по мнению командования, было воодушевить колхозников, подсказать им, как бороться с врагом. Фашисты рубят под корень колхозы — значит, в Зловодке следует создать подпольный колхоз. Конечно, это фантастически трудно. — в деревне стоит вражий гарнизон, немец жирует в избах, «новый порядок» устанавливает, а здесь, у него под носом, в полной тайне вдруг будет жить колхоз. Землю пусть дернай, как и прежде, общим клином, сеют и убирают сообща, оплата, как водится, по труду. Подпольный колхоз станет опорой отряда, будет его глазами и ушами, постоянным боевым резервом.

Командир Филипп Васильевич Аксенов и комиссар Василий Дмитриевич Иванов просили агронома Минченкова помочь будущим колхозникам организовать свою коллективную работу, составить памятку членов подпольного колхоза.

Первым ее пунктом была священная присяга каждого колхозника и в условиях фашистской оккупации хранить советские законы, беречь, как зеницу ока, колхоз и его добро, не допускать раздела земли. Документ определял основные цели и формы жизни подпольного колхоза, фиксировал постоянную готовность колхозников вступить в вооруженную борьбу с врагом.

— Ну, Василий, теперь бери эту бумагу и пробирайся к Фросе. Скажи ей: так и так, командование отряда полагает, что в Зловодке надо создать подпольный колхоз. Дело сложное, опасное, но очень нужное... Пусть Фрося соберет комсомолок, верных людей — надо выбрать правление колхоза, назначить бригадиров. Враг ни о чем даже догадываться не должен. Иди и передай все слово в слово Фросе и ее подругам. Через два дня возвратишься и доложишь.

Командир отряда строго козырнул, давая понять своему юному связному, что ему поручено не просто важное, а важнейшее государственное и политическое дело.

3. НАЧАЛО

Утром Фрося встретила на улице Настю Авдееву и шепнула подруге, чтобы в три часа все пришли к Фекле Ивановне.

— Чтобы бороться с фашистами за родную Советскую власть, мы создаем подпольный колхоз, который я предлагаю назвать «Ленинской искрой», — полушепотом говорила Фрося Андрюшина. Сюда, в избу Феклы Ивановны, задворками пробралась подруги Андрюшиной — Маша Яшина, Шура Дроздова, Лена и Настя Миркушевы, Настя Авдеева, Люба Савчук, Таня Сидоренкова, Дуся Филимонова... Впервые со дня оккупации собрались они вместе.

Ведут тихий разговор, едят суп и квашеную капусту. Все, как обычно, — только говорят шепотом. А на улице Фекла Ивановна и ее соседка Агафья Петровна Лукьянова стоят «на часах»...

— Будем и впредь жить по-советски, по-колхозному... Опасно нынче это? Очень! Но мы живем на своей советской земле и должны научиться бить врага. Голосую: кто за создание подпольного колхоза? Единогласно!

...К вечеру воспользовавшись темнотой, подруги поодиночке разошлись по своим домам. Фрося осталась одна на своем первом секретном заседании — и вижу коптилку в углу избы, девушку-комсомолку, примкнувшего к отряду Васильевича, Тимошенкова, Феклу Ивановну «в карауле» на пустынной улице, наконец Фросю. Подруги говорят, что она была умна, строга, сдержанна, что ее карие глаза излучали смелость и решимость, что в каждое слово она вкладывала душу, что свято верила в нашу победу. Именно по этой причине девушки избрали Фросю Андрюшину председателем правления подпольного колхоза, Марию Яшину — ее заместителем, избрали правление. Все избранные полушепотом произнесли слова колхозной присяги:

«Если я нарушу свою клятву, то пусть меня и мою семью постигнет суровая кара народа и партизан!»

— В Зловодке сейчас десять комсомольцев и много беспартийной молодежи. Надо в колхозе создать и подпольную комсомольскую организацию, и я предлагаю секретарем ее избрать Фросю, — сказал затем Тимошенков. И это предложение тоже приняли.

— А теперь, товарищи члены правления, за работу, — сказала Фрося. — Возьмем на заметку, вернее, на память, — никаких бумажек отныне никто, кроме меня, и то в исключительных случаях, писать не будет — то, что есть у нас, и принадлежит подпольному колхозу «Ленинская искра».

Все склонились над столом и начали считать. Хозяйство оказалось немалым: пашни более 300 гектаров, лошади, коровы, овцы, свиньи, сельхозинвентарь. У колхозников хранилось зерно — рожь, овес...

— На сегодня вроде все, — сказала Фрося. — Можешь теперь, Василий, доложить командованию отряда, что подпольный колхоз «Ленинская искра» создан и начал работать. Он и есть наша Советская власть! И отменить ее фашист, захватив на время Зловодку, не в силах!

4. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Всю осень колхоз жил и работал, как обычно, — землю не делили, лошадей, инвентарь тоже.

— Много раз фашисты собирали народ, уговаривая нас стать «самостоятельными хозяевами». — вспоминает член правления подпольного колхоза Александра Михайловна Дроздова. — Особенно упорствовал в этом офицер Рейнгольд — хорошо помню его. Он прямо говорил, что те, кто будет прилежно служить новой, то есть фашистской власти и помогать в борьбе с партизанами, тот сразу разбогатеет, станет «крепким ловцом». Но у нас эта приманка «не сработала», поэтому Рейнгольд потом жаловался, что «русский баба — совсем неграмотный...»

Тем временем Фрося и ее помощники взяли на учет все зерно, наладили уход за лошадьми, одним словом, втайне, умно вели колхозные дела, не забывая, конечно, помогать партизанскому отряду.

После разгрома гитлеровцев под Москвой фронт приблизился и этим местам и теперь проходил в восемнадцати километрах от Зловодки. В деревне появились новые гитлеровские вести. Фашисты потребовали, чтобы население Зловодки подготовило обоз с продовольствием для своих оголодавших солдат. Фрося немедленно и, разумеется, «невидимо», что уже становилось привычным, отправила в отряд связного. Аксенов сразу выслал засаду.

— Дело было так, — рассказывает колхозница Анна Николаевна Антишина. — В партизанской засаде находились наши люди из Зловодки — Мосеенков, Тимошенков, Иванцов, Филимонов, Минченков, Гавриков, Модых, Седан и другие односельчане — лихие парни. Партизаны пришли ночью. Фрося приказала мне встретить и накормить их, что я, конечно, с радостью сделала и решила не уходить домой. Думаю, если его ранят в бою — перевяжу, помогу; да и дочка моя, Нина, была у партизан разведчицей. Отряд Филиппа Васильевича мы все считали своим.

И вот утро, бой... Фашистов — двадцать девять голов. И почти всех их партизаны положили. Одного из чужаков в этом бою я взяла на вилы — было такое дело... У нас ранен оказался только Саня Мосеенков. Весь обоз с мукой, мясом, картошкой, фуражом и еще с двумя пулеметами, винтовками и боеприпасами впридачу (это оружие по приказу правления мы тайно подбирали вокруг деревни и прятали в надежном месте), да еще трофейные фашистские бумаги — все это отправили к Филиппу Васильевичу.

...Что произошло затем? Узнав о разгроме своего подразделения, фашистское командование прислало из Бетлицы в Зловодку новый отряд. Каратели расстреляли восемь крестьян и сожгли двадцать пять изб, некоторые колхозные постройки. Антишину заточили в тюрьму, пытали...

Фрося сказала друзьям, что колхоз должен помочь, и немедленно, семьям расстрелянных. Оставшихся без крова она быстро разместила по уцелевшим избам, для каждого нашла ободряющее слово.

Дело шло к весне — председатель с тревогой думала о первой посевной подпольного колхоза. Трудным будет это испытание — мужчин нет, машин нет, лошадей мало..

— Фашисты думали, что мы будем сеять для них, — вспоминает заместительница Фроси — Мария Дмитриевна Яшина. — Пусть себе думают... Семена уже были заготовлены и упрятаны в избах колхозников, часть — в других надежных укрытиях. Но как я где получше разместить посевной фонд, чтобы и немцам не досталось — нет среди нас агронома, знающего человека. «И я, девчата, тут ничем не помогу», — призналась Фрося. Что делать? Наш агроном Минченков был в отряде заместителем Ф. В. Аксенова. С большим трудом Фросе удалось «выбить» у фашистского коменданта пропуск на заготовку дров — и мы отправились на кордон лесника метрах от деревни Зловодка, была партизанской связной и через правление подпольного колхоза «Ленинская искра», с помощью его верных людей, должна была передавать в отряд Ф. В. Аксенова добытые данные о враге, — рассказывала нам связная М. Н. Демичева. — И тайне в этом колхозе были преданные, смелые, мужественные люди, что, право, даже и не знаю, как полнее охарактеризовать их. Вести колхозную жизнь под носом у фашистов, то есть сообща сеять, убирать и распределять, отправлять в лес, к партизанам, поставки, — это, конечно, очень трудно и опасно, но все это было именно так. Мы, партизанские связные, хорошо знаем это! Знаем, как в суровую пору войны колхозники в Зловодке создали подпольный колхоз, делали наше советское дело, которое никто и ничто не может порушить.

...Подготовка к весне шла полным ходом, и никто из гитлеровцев пока не догадывался, что здесь, в подполье, действует колхоз и им руководит Фрося, что у нее есть план весенне-полевых работ, даже создана ремонтная бригада, что невидимые нити колхозного уклада по-прежнему прочно соединяли наших людей.

— Но что-то они все-таки подозревали, особо тот самый Рейнгольд, — продолжала свой рассказ Мария Дмитриевна Яшина. — Он больше всех терзал Фросю разговорами. Однажды — это было при мне — Рейнгольд сказал «фрейлейн Фросе», что ей «больше никогда не увидеть былых Советов».

— Это почему же? — дерзко спросила она.

— Потому что Красная Армия разбита, остальные [illegible] будут расстреляны. И ты, между прочим, тоже...

— А Фрося так спокойно отвечает: «Умереть за Родину мне не страшно...» Я, признаться, испугалась. Благо, этого проклятого фашиста куда-то позвали... Чувствовали мы, что присматриваются они к нашему председателю.

5. ПЕРВАЯ ВЕСНА

— Весна сорок второго года выдалась ранней. Вышли мы в поле сеять, — теперь уже продолжает воспоминания Мария Яковлевна Кретова, тоже подпольщица и, как она выразилась, «тоже коренная колхозница». — Идем мы из деревни, на окраине стоит фашист-часовой. Считает нас — сколько выходит на работу... Ш. сглатывает [illegible] возвращается [illegible] — она считает. [illegible] на душе кошки скребут кругом — война, стрельба, дома ребятишки малые, у меня их было четверо, а Фрося говорит нам: «Поля — это тоже бой за Родину. Вот вернутся наши — каким хлебом встретим их?..» Перед войной трактор тащил сеялки. А сейчас и пахали, и боронили на себе. Все было. А сеяли вручную, из лукошка. И показали наши бабы, что не забыли дедовского умения. Несколько дней сеяли. Однажды немцы проверку учинили. Ходят один, помню, возле меня и бубнят:

— Давай-давай, матка... Лучше сей!

Думал, что для него всем.

— Сеяли мы и в Первомай. Накануне председательница шепнула девчатам, мол, завтра праздник — надо его отметить. Были мы в этот день в поле одни, без немцев. Гляжу — и себе не верю: сеяльщицы наши в алых косыночках работают...

— А ты помнишь, Маша, как в этот день самолет над нами летал? — перебивает подругу Елена Алексеевна Миркушева. — Фрося собрала нас всех в поле, поздравила с праздником, сказала, что мы работаем на победу. А в небе — откуда ни возьмись — наш самолет, крыльями машет, привет, мол, вам, товарищи бабы и девушки на Зловодки: не вешайте нос! Фрося поглядела в небо, и глаза ее были счастливыми!

...Командование отряда попросило правление колхоза помочь партизанам продовольствием. А фашистский гарнизон в Зловодке увеличился. Как говорит сейчас Мария Яковлевна Кретова, «на каждой из нас был фашистский глаз». Группе колхозников правление поручило это важное дело. Продукты тайно выделили в каждой избе, уложили в мешки. Но как незаметно доставить их Филиппу Васильевичу, в лес? Думали-думали и решили сначала на подводы погрузить мешки с харчами, на них — дерюгу и попрыть ее... навозом. Мешки вывезли в поле, спрятали, Фрося составила для отряда небольшую карту, на каком поле и где именно лежат мешки с продуктами и... еще два найденных колхозниками пулемета с боеприпасами. Фрося послала Елену Миркушеву в поле встретить партизан. Елена спряталась в... железной бочке, заночевала в пей и в точности выполнила приказ правления.

В конце июня 1942 года в районе станции Бетлица был тяжелый бой. Погибло много партизан, в том числе и некоторые колхозники из Зловодки. Фрося отправилась в Бетлицу к фашистскому командованию с просьбой разрешить по народным обычаям похоронить павших. Офицеры учинили ей длительный допрос,

Когда же фашисты предприняли очередное наступление на партизан, Аксенов срочно отправил связного. Фрося Андрюшина и ее подруга, член правления Анастасия Авдеева, незаметно выбрались из деревни, разыскали в поле фашистские телефонные линии и оборвали их. Именно в это время гитлеровские бронепоезда со стороны Ватина [illegible] открыли по партизанам. Но, [illegible] телефонистами, немецкие артиллеристы обрушили снаряды [illegible] своих солдат.

Ежедневно и ежечасно опасная боевая работа переплеталась с невидимой врагу трудовой жизнью колхоза. На всякий случай Фрося даже завела печати для документов (Фекла Ивановна Тимошенкова надеется найти эти печати), запаслась фашистскими пропусками, бланками и... паспортами. Хранился у Фроси и мешочек с колхозными деньгами.

...Хлеба наливались. Пришла пора уборки. Молотили вручную. И здесь же, на поле, в присутствии членов правления шло распределение хлеба. Ве[illegible] — по едокам — по [illegible] ных. Сколько заработал — столько получай, только скорее уноси и прячь. Отдельно колхоз выделил госпоставки, фонды для Красной Армии и партизан, семенные фонды. Все это временно хранилось у колхозников. Только партизанам после уборки колхоз передал 820 пудов зерна, 120 пудов мяса, 40 лошадей, 30 коров...

— Однажды к нам в избу пришел какой-то офицер и требует зерно, — вспоминает Фекла Ивановна. — Фрося сказала ему, что урожай плохой, сеяли вручную, уродилось немного, — вот и собрали очень мало: голодает деревня, пухнут дети... Фашист кричал: «Врешь ты, коммунистка! Мы все проверим, а тебя расстреляем». Ушел он из избы, а Фрося прижала к сыну своему Сашеньке, тяжело дышит и шепчет: «Гады проклятые! Все равно, Фекла Ивановна, Красная Армия свернет им голову — вот увидишь!» Лицо у нее бледное, глаза горят, и ни единой слезинки. Хотя, по-моему, она уже понимала, что беда за ней шагает...

6. ГИБЕЛЬ И — ПОБЕДА!

Это началось в первые дни июля 1942 года. Фашистское командование не сумело помешать переходу через линию фронта частей генералов П. Белова и А. Казанкина, возвращавшихся из рейда по вражеским тылам. По приказу командования отряда и председателя колхоза Е. Андрюшиной партизанские и колхозные проводники М. Миркушев, Н. Мосеенков, В. Тимошенков, И. Иванцов и другие встретили эти части за Раменным лесом и вели их более двадцати пяти километров через линию фронта. Взбешенные гитлеровцы обрушили удар на партизанский отряд. В том трудном бою пали наши люди, многие были пленены.

— Колхозников из Зловодки, преимущественно стариков, подростков и детей, фашисты выделили отдельно и вскоре расстреляли их скопом около деревни Нижний Студенец, — рассказывают партизаны Мария Никитична Хачева и Николай Захарович Мосеенков. — Десятки жителей Зловодки фашисты расстреляли у противотанкового, наполненного водой рва... Трупы было запрещено хоронить. Вскоре немцы арестовали еще одну группу наших колхозников и отправили их в тюрьму в городе Рославле. Страшное это было время. Мы всегда будем помнить и то, что оккупанты также убили члена правления колхоза Анастасию Авдееву, колхозную разведчицу Полину Минченкову, активистку Александру Гришакову... Фрося всячески поддерживала семьи погибших, пытаясь спасти тех, кто еще был жив, томился в Рославле за решеткой. Правление колхоза направило в Рославль Любу Савчук, которая жила здесь до войны.

— Последние два-три дня перед отъездом из Зловодки мы почти не разлучались с Фросей, — вспоминает Любовь Алексеевна Савчук. — В начале августа она с великим трудом добыла мне пропуск на въезд и жительство в Рославле. На телеге вместе с матерью и дочерью я отправилась туда и поселилась в бане, на мясокомбинате, куда тайком приходили связные из колхоза. В октябре нам удалось вырвать из гитлеровской тюрьмы наших товарищей — Сергея и Тихона Иванцовых... Именно в эти дни я узнала, что в Зловодке арестована Фрося, ее доставили в Рославльскую тюрьму и заточили в камеру смертников. Я носила ей передачи, а свидание — не разрешали. Гитлеровский офицер сказал мне:

— Андрюшина — величайший преступник, она злейший враг фюрера и рейха и за это будет казнена.

Ефросинья Дмитриевна Андрюшина гитлеровцы расстреляли 2 октября 1942 года глухой ночью в тюремном дворе.

— Около двух месяцев они еще терзали меня здесь, — продолжала Фекла Ивановна. — Долго я добиралась до дому. Вхожу в хату и глазам своим не верю: все мои ребятишки живы. И Фросин Шурик тоже. Пережили кое-как зиму, лето, и, как мечтала Фрося, Красная Армия пришла в Зловодку. Праздник-то какой! Исполнила я Фросин наказ: пошла в лес, выкопала дубок и посадила его возле избы. А дети наши выросли. Фросин сын, Шурик, институт закончил, на Алтае теперь живет, семьей обзавелся. Так что все мои ребята вышли в люди. И дуб Фросин поднялся и растет, — он будет долго жить на земле. А я нынче — на колхозной пенсии.

...А что же произошло с подпольным колхозом после гибели его бесстрашного председателя? Он продолжал жить и бороться до памятного здесь дня 9 сентября 1043 года, когда в Зловодку вступила Красная Армия. Председателем колхоза стала заместитель и друг Фроси — Мария Дмитриевна Яшина: надо было сеять и помогать соседям. Потом Мария Дмитриевна заболела, и на посту председателя ее заменил другой член правления подпольного колхоза и тоже верная подруга Фроси — Александра Михайловна Дроздова.

***

Из Зловодки я отправился в Калугу. Мне хотелось узнать, как здесь оценивают это событие тридцатилетней давности.

— Необыкновенна, полна глубокого патриотического смысла история подпольного колхоза «Ленинская искра» в оккупированной фашистами деревне Зловодка, — сказал мне Андрей Андреевич Кандренков, кандидат в члены Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Калужского обкома партии. — Комсомолка Ефросинья Андрюшина и ее достойные боевые товарищи совершили поистине героический подвиг, память о котором будет вечно жить в народе.

...Перед моим отъездом из Зловодки боевые друзья Фроси говорили мне, что в честь подпольного колхоза «Ленинская искра» и его председателя Е. Д. Андрюшиной они хотят посадить фруктовый сад, установить монумент, а рядом с ним — новый дубок. Тот, теперь уже могучий тридцатилетний дуб пусть растет возле избы Феклы Ивановны, а у памятника подымется другой, совсем юный дуб..

Как было бы хорошо все это сделать к великому дню Победы — 9 мая 1975 года!

ЗЛОВОДКА — КАЛУГА — МОСКВА
Январь—март 1974 г.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Поступающая в редакцию почта свидетельствует, что читатели с интересом встретили обсуждение этой проблемы и ждут продолжения дискуссии «Экономика и право». «Не опоздаю ли я, если теперь сяду за рассказ о трудных взаимоотношениях нашего брата хозяйственника с душой инструкцией» — спрашивает саратовский прораб Г. Вадюшкин. Ему и другим читателям, интересующимся тем же вопросом, мы отвечаем: не опоздаете — обсуждение только начинается, и в дальнейшем мы постараемся широко представить на страницах «ЛГ» почту нашей дискуссии.

Сегодня мы предоставляем слово академику В. Глушкову и доктору юридических наук, профессору Б. Никифорову. Как легко увидеть, точки зрения их полемичны, далеко не во всем совпадают. Что ж, дискуссии есть дискуссии...

Идея хорошая, но нужен совет юриста

Фото В. ЧЕМИШВИЛИ

ПОДСУДНА ЛИ БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

Беседа специального корреспондента «ЛГ» В. МОЕВА с академиком В. ГЛУШКОВЫМ

— Так вы говорите, Виктор Михайлович, что очерк Злобина «Этот младенец Амелян...» произвел на вас впечатление?

— И за другими публикациями в дискуссии «Экономика и право» я слежу с интересом. Хотел бы даже предостеречь от одной ошибки, в которую легко впасть, потому что выглядит она, как самая бесспорная истина. Досадно было бы, если бы разговор свелся к одной морали: нехорошо-де нарушать хозяйственные законоположения, надо их уважать, соблюдать и т. п. и т. д.

В нашей хозяйственной практике существует множество правил, положений, инструкций, регламентаций и т. п. И, к сожалению, среди них встречаются и устаревшие, и несогласованные друг с другом, да и просто неверные. Если такие несовершенные инструкции и положения соблюдать пунктуально, заботясь, как говорится, об их букве, а не о духе, — то это не пошло бы на пользу делу. В западном мире, как вы знаете, известна даже такая форма забастовок — «работа по правилам». Я не касаюсь тут социальной ее сути, хочу только сказать, что формальная работа «от» и «до», строго по инструкции, — действительно, один из верных способов затормозить дело.

— Что из этого следует? Могу представить себе оппонентов, от которых вам не поздоровится. Никакого, мол, уважения к инструкциям. Нарушай все подряд...

— Ну зачем же так? Когда говорят, что пунктуальное соблюдение всех параграфов не на пользу делу, то эта мысль верна лишь в той мере, в какой несовершенны существующие хозяйственные правила, ни больше ни меньше. Если бы все правила и положения о хозяйственной деятельности были безупречны и согласованы друг с другом, пунктуальное соблюдение их стало бы чистым благом, а нарушение — столь же явным злом. Но теперь бывает и наоборот, поскольку хозяйственное законодательство далеко от совершенства. Поэтому и мое предостережение. Согласитесь: требовать слепого уважения к любой инструкции куда легче, чем выявлять и устранять в них изъяны, заботиться о совершенствовании всего хозяйственного законодательства.

— Вот это бесспорно...

— В чем, на мой взгляд, самый распространенный недостаток различных хозяйственных регламентаций? В том, что некоторые из них изобилуют глобальными, так сказать, на всех чохом налагаемыми ограничениями. Так — правильно, здак — неправильно, то позволено, это запрещено. Кому, в каких условиях? А любому, в любых условиях — вот где семя многочисленных конфликтов, тех, о которых рассказывал Злобину его Иван Семенович, и многих других.

Ясно, что административные ограничения, о которых здесь речь, не с неба упали и родились не по чьему-то злому умыслу. Поводом для их появления служили те или иные злоупотребления. Стремясь их предотвратить в дальнейшем, хозяйственную деятельность оговаривают ограничениями, а с них и начинается... Учтите, что всякое ограничение уменьшает возможности управления...

— Как вы сказали?.. Уменьшает? Вот странно слышать! Легко понять, что ограничения связывают инициативу или затрудняют положение подчиненных, но — затрудняют управление? Мне кажется, что инструкции призваны помогать руководителю.

— «Связывают инициативу», «затрудняют работу», «ухудшают управление» — это же все одно и то же. Конечно, ухудшают, поскольку сужают поиск новых решений, заведомо обрезают различные их варианты.

Так что повторяю: ратуя за уважение к законоположениям, следует заботиться и о том, чтобы приводить их в соответствие с требованиями времени, жизни.

В этой связи хотелось бы высказать две мысли.

Первая. Не худо, конечно, провести своего рода кампанию по усовершенствованию хозяйственного законодательства. От нее уже была бы несомненная польза. Но еще надежнее было бы создать постоянную систему совершенствования этого законодательства, которая заботилась бы о нем регулярно, непрерывно. Именно систему, в которой постоянно работали бы квалифицированные специалисты.

В данном случае — как вообще в управлении. Оно тоже может быть лучше или хуже, в него тоже можно периодически вносить те или иные поправки, а самое лучшее — создать опять-таки постоянную систему совершенствования управления. Без нее надеяться на устойчивые успехи трудно.

Таково уж наше время: функция совершенствования того или иного дела — управления, законодательства и т. п. — становится настолько важной и сложной, что требует своего выделения в самостоятельную, специализированную организационно на весьма высоком уровне.

Вторая мысль — об ограничениях в хозяйственной жизни, которых мы касались. Сколько бы ни досадовали на приносимый ими ущерб, без таких ограничений обойтись тоже нельзя. А коли так, то следовало бы с большей тщательностью подходить к юридическим формулировкам подобных ограничений.

Конечно, проще всего отрубить всем разом: «Запрещается...» Но при надлежащей квалификации специалистов и после серьезного анализа проблемы можно было бы то же самое по существу ограничение выразить более гибко, сформулировать наподобие задачи, условия, алгоритма. Тогда, скажем, построенные вне сметы ясли, о которых говорил Иван Семенович, означали бы нарушение не всегда, не во всех случаях. Чтобы установить, провинился ли хозяйственник или отличился, потребовался бы разносторонний анализ его деятельности, побудительных мотивов, сопутствующих обстоятельств, конечных результатов. Конечно, формулировать ограничения и запреты таким образом несравненно труднее, но и эффективнее.

— А не запутаются ли инструкции окончательно?

— Конечно, инструкции, правила и положения станут сложнее. Но простота для них отнюдь не высший идеал. Другое дело, что регламентации должны быть недвусмысленны, непротиворечивы... А чтобы в сложностях разбираться, нужны серьезные юридические службы, причем автоматизированные. — дело это реальное. Зато хозяйственная практика много выиграет, если инструкция будет требовать оценки каждого действия не грубо формально: «нарушил — не нарушил», а на основе анализа ситуации.

Посудите сами. Даже в уголовном праве имеются такие понятия, как отягчающие или смягчающие вину обстоятельства. При анализе хозяйственной деятельности, мне кажется, они должны использоваться тем более широко, играть еще большую роль для конечных оценок. Ведь встречаются нарушения хозяйственных правил, за которые вообще не следует наказывать. Допустим, зафиксировано, что, нарушив инструкцию, руководитель в результате спас миллион рублей народных денег. Заслуживает ли он наказания при таком смягчающем обстоятельстве? Не думаю. Хотя несомненно является нарушителем.

— Во что же тогда превратился бы контроль за хозяйственной деятельностью? Сейчас он более или менее прост...

— Да, да, — теперь о контроле. На этот счет как участнику дискуссии мне хотелось бы выдвинуть одно предложение.

Видите ли... Многие прегрешения хозяйственников, которые называют участники обсуждения, которые они осуждают или оправдывают, — многие факты были выявлены службами финансового и юридического контроля. Они делают большое, полезное и — подчеркну — трудное дело. И если мне придется здесь покритиковать некоторые принципы контроля, то лишь в надежде сделать контроль за хозяйственной деятельностью еще эффективнее.

Скажем, в вашей же газете говорилось, что смета строительства Усть-Илимской ГЭС против действительной оказалась заниженной что-то на триста с лишним миллионов рублей, 300 миллионов!.. «Подсуден» ли подобный факт обычному контролю? Пожалуй, нет. Почему? Да потому, что всем своим острием этот контроль обращен против ошибок и злоупотреблений в хозяйственной деятельности. Есть сигнал о злоупотреблении — контролеры берутся за виновника мертвой хваткой. Нет злоупотреблений — контроль не видит для себя работы. Мне же кажется, что в современных условиях работников всех контрольных служб целесообразнее ориентировать не только на выявление ошибок, но и на преследование всех и всяких видов безынициативности, инертности, ничегонеделания. Понимаете разницу?

— Улавливаю. Продолжайте, пожалуйста.

— Сейчас тот, кто недостаточно деятелен, мало рискует привлечь внимание контроля. Не делает ничего, следовательно, ничего не нарушает, заведомо от служебных инспекций огражден. Вот что досадно. Вездельe выступает как броня. Чем больше человек работает, тем больше у него шансов хоть раз, да проштрафиться. А чем меньше работает, тем меньше, значит, рискует.

Вспомните, как Ивана Семеновича напугал интерес к нему со стороны контролеров — из исполкома, кажется? Он заранее ждал наказания за предпринимчивость...

— Предпринимчивость — дело звонкое, с ней издалека слышно. Да и нарушения, ошибки легче засечь, слух о них тоже сам бежит. А бездеятельность?.. Недаром мы и называем ее через «без» — какое-то сплошное отсутствие, вроде тени в пасмурный день. Где она? Как ее нащупать? За что уцепиться?

— Конечно, нужны сигналы из тех предприятий, организаций, где какой-либо руководитель бездействует, упускает возможную выгоду, откладывает в долгий ящик важное решение, противится техническому прогрессу и т. д. и т. п. Бездеятельность одного работника надо сделать зримой и даже материально чувствительной для его коллег, работников той же фирмы. Как этого добиться?

Мне кажется, можно было бы использовать некоторые состязательные механизмы. Я имею в виду не параллельную деятельность, а состязание за успехи в деятельности смежной и направленной к отличимым друг от друга целям. Тогда упущенные возможности будут как бы «высвечиваться» изнутри.

— Не совсем понимаю. Поясните, пожалуйста.

— Грубо говоря... Людей, ответственных за технический прогресс на заводе, я не стал бы, например, премировать за выполнение плана, и наоборот. Представьте это хотя бы на примере директора и главного инженера. Бывает ведь, что главный инженер предлагает какую-то техническую реконструкцию, а директор и слышать не хочет: план, план, план... И главный инженер нередко отступает — в частности и потому, что его благополучие тоже зависит от плана, а не от технического уровня производства. А нужно бы провести тут разницу — конечно, с чувством меры. Никто не предлагает противопоставлять интересы разных работников, но различать их — полезно. Некоторая состязательная напряженность в отношениях служила бы неплохим противоядием от бездействия, или во всяком случае оно стало бы легче обнаруживаться, разоблачать себя.

При этом, правда, важно еще одно условие. Стимулирование у нас зачастую не приносит ожидаемых результатов потому, что мы слишком пугаемся высоких вознаграждений. Почему-то всегда побеждает робкое правило: лучше через час по чайной ложке, лучше по рублю за всякий пустяк, чем один раз в год, чем за действительные достижения, но полной мерой! Из-за этого хозяйственники частенько не хотят рисковать. Накидывай в год «по проценту» ко всем показателям, и будет тебе ровно и верно бежать премия... А лучше, чтобы выгоднее было оторваться от такого «ползучего роста». Чтобы хозяйственник не боялся и на год, и на два расстаться с этими мелко нарезанными ломтиками премий, чтобы знал: провернет он техническую реконструкцию, перевооружит производство — и получит разом такую премию, какая у робкого соседа, не желающего идти на крупные перемены, и за три года не соберется. Если полное раскрытие резервов сейчас, сегодня вознаграждалось бы заметно выше, чем размеренное вовлечение их в дело, растянутое на несколько лет, мы смогли бы решить очень важные задачи. Во-первых, заинтересовать предприятия в напряженных планах, во-вторых, создать те условия, о которых говорилось на XXIV съезде партии: чтобы заводы не шарахались, а из рук рвали новинки техники и технологии.

Так я ответил бы в общих чертах. А говорить более обстоятельно, пожалуй, рано. Мы ведь толковали здесь о совершенствовании хозяйственного законодательства и контроля за хозяйственной деятельностью. И если бы высказанные положения вызвали интерес и поддержку, переместились бы из «теоретической», так сказать, в практическую плоскость, тогда можно было бы перейти к вопросам второго ряда: не что сделать, а как...

Профессор Б. НИКИФОРОВ

ЛОЖНО ПОНЯТЫЕ ИНТЕРЕСЫ...

В КОММЕНТАРИИ отдела экономики к очерку Анатолия Злобина «Этот младенец Ахелян...» («ЛГ», № 46, 1973) поставлены и в самом деле непростые вопросы: как быть руководителю, когда для того, чтобы сберечь материальные ценности или пустить в ход неиспользуемые резервы, он должен действовать вопреки устаревшей, но не отмененной и, значит, обязательной инструкции? Нарушить инструкцию, но спасти ценности, использовать резервы и, добавлю от себя, «за все за это» порой оказаться под судом по обвинению в должностном или хозяйственном преступлении? Идеть, экономия о детях сирот (это тоже от себя), соблюдать инструкцию, а там — пусть гибнет народное добро, резервы остаются втуне?

Не простые вопросы ответы тоже обычно бывают непростые, и, следовательно, даются «ответчику» не без труда. Должно быть, поэтому иной раз приходит в голову и такая удобная мысль: взять бы все такие вопросы, да и отнести их к числу хотя и печальных, но именно по этой причине нетипичных для нашей действительности! Но нет, вот вам крупный хозяйственник: Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР В. И. Тихомов по поводу очерка Анатолия Злобина удостоверяет, что все, что в нем написано, — вто жизнь, что ничего тут не преувеличено и что, более того, «проблемы эти все время усугубляются». Похоже, таким образом, что «непростые вопросы» не мы с вами для смеху, как говорится, задаем друг другу, а задает их нам сама жизнь, та самая «нетипичная действительность».

Итак, в наиболее обнаженном, я сказал бы, в несколько даже неприличном виде вопрос выглядит так: нарушить мешающий делу закон, сотворить таким путем благо и получить за это свою долю разнокалиберных неприятностей; или, напротив, «соблюсти», а там хоть трава не расти. Следует, однако, помнить, что та самая «трава» нередко все-таки прорастает и оборачивается часто немалой копеечкой, причем не в пользу каких-нибудь лиходеев, а единственно — в ущерб нашему с вами родному государству. Или, как писали в прошлом году «Известия»: «Стоят в Тикси на улице Морской два двухэтажных дома, в домах живут люди. Первый строило Приморское СМУ, местный подрядчик. Два года проволочек, семьдесят тысяч убытка. Второй построил студенческим отрядом: восемь месяцев, пятьдесят тысяч рублей в остатке». Во втором случае был, впрочем, и еще один «остаток»: руководитель строительства Людмила Щербина признана виновной в злоупотреблении служебным положением.

Сочтем ли мы вместе с оптимистами, что спорное есть часть бесспорного, или вместе с пессимистами, что бесспорное — это всего лишь часть спорного, очевидно одно: прежде чем (или для того, чтобы) плодотворно спорить, необходимо сначала договориться о бесспорном.

Бесспорным является здесь прежде всего то, что, как говорили еще римляне, «dura lex, sed lex» («суров закон, но это закон»). На общепонятном языке это означает: пока закон действует, его надо выполнять. Иными словами, выраженной в законе государственной воле не может противостоять никакая другая, и пока закон в установленном для этого порядке не отменен, никакие отступления от него, как бы и чем бы они ни мотивировались, недопустимы. Лицо, нарушившее закон, каким бы «целесообразным» это нарушение в конкретном случае ни представлялось, должно понести за это предусмотренную законом ответственность.

При этом... Рассказывают, что знаменитый русский дореволюционный адвокат Плевако, защищая попа, которого судили за кражу, не проронил в течение всего судебного разбирательства ни слова, хотя по ходу дела положение его подзащитного становилось все более тяжелым. Когда разбирательство закончилось, Плевако, обращаясь к присяжным, сказал: «Он не раз прощал вам ваши прегрешения. Простите и вы ему его грех». Вердикт присяжных был: «Не виновен».

Советскому уголовному процессу подобные иррационально-эмоциональные блестки не нужны и чужды. Если факт нарушения подсудимым уголовного закона доказан, суд не может оправдать его никакими ссылками на «целесообразность». Формула: «Иванов, виновный в злоупотреблении служебным положением, признан судом в предъявленном ему обвинении невиновным, поскольку он действовал по соображениям целесообразности», — с точки зрения советского уголовного процесса нелепа. Включающий такую формулу оправдательный приговор был бы немедленно опротестован прокурором и отменен вышестоящим судом.

«Позвольте, позвольте,— может сказать иной читатель, знакомый с Уголовным кодексом, — ведь наш закон предусматривает ситуации крайней необходимости, когда, совершая действие, формально подпадающее под признаки преступления, не несет за него ответственности, если иные действия были устранены другими средствами, а причиненный при этом вред был много значительнее, чем вред предотвращенный. И если уж оперировать ссылками на латинскую юридическую мудрость, то разве не ее правилом не предусмотрено, что «необходимость не признает законов»? Да, этому вполне можно доверять и то, что подобная ситуация возможна в сфере не только уголовного, но также административного и трудового права, которые — то и другое — для наших целей представляют не меньший интерес. Подумать только, такое простое решение, а какие широкие правовые перспективы оно перед нами открывает!

ПРЕДПОЧИТАЯ делить решения не на простые и сложные, а на правильные и неправильные, я, не скрою, обеспокоен здесь не только простотой ответа на непростой вопрос, но — как раз в первую очередь — этими самыми широкими перспективами. Спору нет, в отдельных случаях ссылки на состояние крайней необходимости могут быть в данных ситуациях вполне обоснованными, и судебная практика такие случаи знает. Но я опасаюсь, что, отправившись весело гулять по этой дорожке, мы рискуем обронить по пути саму идею законности, заменив ее, под имеем крайней необходимости, все той же целесообразностью. Заметьте — рассуждая юридически — при крайней необходимости подлежат сравнению два вреда, тогда как в интересующих нас случаях мы сравниваем вред и пользу, причем реальную пользу реальному делу с гипотетическим вредом, выразившимся в несоблюдении юридических норм. Что же касается еще более важного политического плана, то и здесь дело выглядит не очень благополучно: едва ли полезно ставить хозяйственника в необходимость систематически или хотя бы часто работать на грани крайней необходимости, ожидая вызова в следственные органы для доказывания того, что, например, ускорение ввода объекта в эксплуатацию или добытая деловой изворотливостью экономия материалов и денежных средств не во вред, а на пользу делу.

Далекий от мысли решать эту достаточно сложную проблему в газетной статье, я все же хочу поделиться с читателем некоторыми соображениями, памятуя, что развитие человеческой мысли обнаруживается не только в том, что сегодня мы уверены в чем-то, в чем не были уверены вчера, но и в том, что сегодня мы испытываем сомнения по поводу вещей, в которых вчера не сомневались.

Автор цитированной статьи в «Известиях», сообщив о втором «остатке» студенческого строительства и полностью воспроизведя ст. 170 УК РСФСР, содержащую определение злоупотребления властью или служебным положением («вопреки интересам службы», «из корыстной или иной личной заинтересованности», «причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан»), предлагает читателю самому решить: «Можно ли отнести вышесказанное к Людмиле Щербине?» Между тем ответить на этот вопрос «самому» не так уж легко, особенно если обратиться к тому, что об этом написано юристами.

В научно-практическом комментарии УК РСФСР, изданном в 1964 году (я беру эту книгу, чтобы никого не обидеть: она вышла под моей редакцией; впрочем, в других книгах написано примерно то же), говорится, что интересы службы нельзя понимать как узковедомственные, местнические интересы, противопоставляя их общегосударственным. Под видом заботы о подведомственном предприятии или учреждении нельзя идти на серьезные нарушения государственной дисциплины. Так, Верховный суд в 1959 году по одному из дел указал, что «незаконное использование государственных средств на служебные надобности должно квалифицироваться как злоупотребление служебным положением». Нарушение должностным лицом служебных обязанностей, злоупотребление предоставленными ему правами, отступление от требований закона и т. п. не могут быть оправданы никакими ссылками на «служебную необходимость», если только не имеется состояния крайней необходимости. Следовательно, «иная личная заинтересованность» ст. 170 может возникать на почве не только низменных и аморальных побуждений, «но также ложно понятых и неправильно осуществляемых интересов «своего» учреждения или предприятия». Что касается существенности вреда, то это — вопрос факта.

Я не хочу, не готов ставить это под сомнение. Поспевать за развитием науки не обязательно означает — сегодня отказываться от сказанного вчера. Но вот вернемся на минуту к рассказу В. Н. Тихонова, и да простит меня читатель за пространную цитату из него — уж очень выразительна картина!

«Помню, в Мирном мы ждали Выли получить энергопоезда. Но чтобы доставить их по Лене из Осетрова в Ленск, нужны были специальные баржи, причалы, а ничего этого у нас не было. Нашли специалистов, договорились с ними, и они в свой отпуск сделали проект крепления оборудования во время транспортировки по реке. Быстро и хорошо сделали. Не надо еще и погрузить энергопоезда, а это дело очень ответственное, лишь бы кому не доверишь, утопят. Опять ищем, кто бы мог взяться. Нашли хороший механик, долго работавший на Севере, человек с опытом и с головой. И тому же и время нашем располагает, поскольку на пенсии. Заключаем с ним трудовое соглашение, он три месяца возится, и благодаря этому энергопоезда доставлены на место в срок, работают, дают ток производству, идет добыча алмазов. Все хорошо? А знаете, чем кончилась эта история? Нам заявили, что заключать трудовое соглашение с пенсионером мы не имели права. У него забрали все полученные деньги, а с меня пять месяцев вычитали двадцать пять процентов зарплаты. И я заплатил, как миленький! Мне сказали: должны были не нарушать законодательство, а ждать, пока доставят энергопоезда на место — за транспортировку вы не отвечаете. А план пусть горит? И пусть страна, пусть лежит в земле?»

Быть может, самое интересное, что с виновниками этого драматического происшествия и в самом деле поступили правильно, по закону. Более того, по смыслу написанного в упомянутом комментарии к кодексу они, пожалуй, еще легко отделались.

И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ... Нормы уголовного закона, как бы хороши они ни были, создаются и издаются не для красоты, а для охраны жизненно важных коллективных и личных интересов. Поэтому правило здесь: если нарушена норма, значит, причинен вред соответствующему интересу, тот самый, который угрозой наказания стремился предотвратить законодатель. Общественно безвредных или тем более общественно полезных преступлений не существует, точно так же, как не бывает общественно опасных подвигов. Никому, должно быть, не придет в голову утверждать, например, что хотя норма уголовного закона, предусматривающая ответственность за убийство, изнасилование или хулиганство, была в конкретном случае нарушена, никакого вреда от этого не произошло. Однако среди норм уголовного права существуют такие — и их немало, — которые выступают как своего рода «конвоиры», охраняющие общественные отношения путем «взятия под охрану» других, не уголовно-правовых норм, например административных. Эти «подохранные», или, как их принято шире называть, подзаконные, нормы обычно издаются и изменяются в ведомственном порядке, имеют более конкретный характер и обладают — или должны обладать — особой чувствительностью к быстро меняющимся потребностям жизни. Если к ним применимо требование стабильности, то, несомненно, в гораздо меньшей степени, чем к нормам уголовного закона. Пожалуй, они должны быть стабильными в такой же — и не большей — мере, в какой стабильны регулируемые ими отношения. Как и другие правовые нормы, они обязательны к исполнению, и поэтому их отставание от потребностей развития общества может создавать недоразумения, подобные описанным выше. Если бы сегодня по соображениям «как бы чего не вышло» максимальная скорость движения автомобилей была определена в 25 км в час, ее превышение было бы наказуемым нарушением нормы, мешающей надлежащему использованию возможностей автомобиля и тем самым наносящей ущерб интересам общественного развития. Пересматривать статьи Уголовного кодекса о должностных и хозяйственных преступлениях нет необходимости. Но наново присмотреться к тому, как — и правильно ли — мы понимаем выраженную в них волю законодателя, очень и очень следует, а главное — «может быть, надо чаще пересматривать инструкции?» — так, не совсем уверенно и даже немного робко сказано в комментарии отдела экономики к очерку А. Злобина. Вот на этот вопрос следует ответить стократным «да». Разумеется, избегая и здесь вредной суматохи, но в то же время чутко прислушиваясь к требованиям жизни и помня, что не только жизнь определяет движение законодательства, но и законодательство определяет движение жизни. И когда в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу подчеркивается, что «нам нужно еще многое сделать для того, чтобы у нас не было отстающих предприятий и участков, чтобы работа всех трудовых коллективов была поднята на новый, более высокий уровень социалистического хозяйствования», то тем самым важная задача ставится и перед советским правом и правоприменительными органами. Советское право и те, кто проводит в жизнь его веления и запреты, должны своими средствами помогать «творческому подходу к работе, широкому развитию инициативы, повышению организованности и ответственности каждого коллектива, каждого работника». Материалы дискуссии, поднятой «Литературной газетой», свидетельствуют о том, что в этом направлении также предстоит многое сделать.

Хорошее настроение

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА, И. СВИРИДОВОЙ, Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО, В. ЯКОВСОНА

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Профессор А. КИТАЙГОРОДСКИЙ

...ПО КАНДИДАТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

20 февраля с. г. в «Дискуссионном клубе «ЛГ» была опубликована статья профессора А. Китайгородского «Защита диссертации... Нужна ли она?», в которой автор в заостренной, полемичной форме высказывает свое мнение по поводу существующей системы присуждения научных степеней... Разумеется, это не могло не вызвать разноречивой реакции читателей: одни поддерживают позицию ученого, другие спорят с ним. Публикуя вторую статью того же автора, содержащую также немало дискуссионных положений, мы надеемся, что обсуждение плюсов и минусов существующей системы защиты диссертаций поможет совершенствованию этой системы, послужит на пользу развитию нашей науки.

НА ГЛАЗАХ одного поколения наука изменила свое лицо. Научная деятельность перестала быть вольным творчеством одиночек и превратилась в производительную силу общества. Перемена фундаментальная! Но организационные формы науки оказались инертнее содержания. О некоторых застывших организационных формах, мешающих прогрессу науки, и идет речь во второй моей статье.

В первой статье («ЛГ», № 8, 1974) автор старался показать, что процедура защиты диссертаций является в подавляющем большинстве случаев скучной и ненужной формальностью. Как правило, благополучный исход защиты предрешен. Так что научные деятели — члены ученых советов — теряют время зря. Если бы еще существующая процедура защиты воздвигала непроходимые барьеры для людей, недостаточно подготовленных... Но и этого нет.

Пойдем дальше. Я хочу заронить в душу читателя сомнение в необходимости повышения зарплаты научному работнику по мере его восхождения по лестнице степеней и званий. Я не уверен в том, что всегда кандидат дороже «нестепененного» инженера, врача, педагога; я весьма скептически отношусь к утверждению, что всякий доктор наук стоит больше кандидата. Более того, мне кажется, что материальное поощрение научных работников за защиту диссертации не способствует прогрессу науки.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Как помнит читатель, в первой статье автор рассказал, как его герой Константин Петрович — заведующий лабораторией академического института — обсуждает со своими сотрудниками волнующую проблему: он хочет перевести лабораторию на новую, жгуче современную тематику.

Закончив вдохновенное описание научной и практической значимости этого направления работы, руководитель лаборатории обводит вопросительным взглядом своих ближайших помощников. Валентин Яковлевич говорит:

— Слов нет, дело стоящее, но какими силами мы будем выполнять эту работу?

Константин Петрович (после некоторого раздумья):

— Переведем Клаву, Володю... ну и Николай Сергеевич может изменить свое направление деятельности... В дирекцию обращусь, может, подбросят пару единичек.

— Единичек вам, шеф, не дадут. А что касается перевода на новую тематику Николая Сергеевича, или Клавы, или Володи... С какой радости они станут менять свои темы?

— Да ведь интересно и важно... В конце концов я заведую этой лабораторией или нет? — раздражаясь, отвечает Константин Петрович.

— Бесспорно, заведуете. Сейчас я вам их вызову, — ухмыляется Валентин Яковлевич. — Поговорите, и посмотрим, что из этого получится.

Валентин Яковлевич выходит. Возвращается минут через пять.

— Николая Сергеевича не смог найти. Возможно, у него заседание редколлегии стенгазеты либо он с этим — забыл фамилию — длинноволосым из оптической лаборатории полчасика после обеденного перерыва в шахматы играет. Есть у них такой обычай.

Константин Петрович хочет что-то сказать, но сдерживается.

Входит Клава — плотная женщина лет 30. Константин Петрович предлагает ей весть. Рассказывает про новую тему. Объясняет, как интересно работать в новой области науки и какие важные практические результаты могут быть получены. Закончив объяснения, он говорит:

— Я думаю, Клавдия Федоровна, вашу установку мы передадим соседям, а вы ознакомитесь с литературой и начнете монтировать новый прибор.

— Константин Петрович, это невозможно.

— Почему?

— Но ведь я уже четыре года провожу измерения. По плану, вами же составленному, мне осталось поработать еще с десятком веществ. Получились кривые — как раз такие, какие мы ожидали. Михаил Исидорович уже теорию сделал. Через полгода я сажусь писать диссертацию... Вы же не хотите, чтобы я всю жизнь просидела в младших, без степени!

— Но ведь новая работа очень важна. Если результат будет таким, как я его ожидаю, то это... то это... Это же событие! И вот представьте, вы защищаете блестящую диссертацию...

—...Во-первых, «если», а во-вторых, сколько времени это займет? Нет, Константин Петрович, нехорошо так со мной поступать. (Со слезами на глазах выходит.)

— Ноль—один не в вашу пользу, шеф, — фиксирует Валентин Яковлевич.

Входит широкоплечий черноволосый мужчина сангвинического типа, лет сорока пяти. Это Николай Сергеевич — старший научный сотрудник, кандидат наук.

— Здравствуйте, Константин Петрович. Надеюсь — хорошо съездили? А я тут в библиотеке последние журналы просматривал. Вы мне выговорили!

Константин Петрович берет лист бумаги и карандаш, пишет формулы, чертит схемы и еще раз объясняет замечательность новых идей. Николай Сергеевич слушает довольно равнодушно. По его лицу ясно, что он понимает, к чему разговор.

— Очень интересно, Константин Петрович. Надо вам с Валентином Яковлевичем подумать, кого бы на эту работу поставить.

— А вы бы не хотели?

— Я?.. Ну что вы, Константин Петрович! — с нанигранным изумлением восклицает Николай Сергеевич. — Сколько лет занимаюсь своим делом! В моем возрасте менять направление работы! Ну, да вы шутите. Сейчас я вам очередную статью принесу не подпись.

— Звать Володю? — не без ехидства спрашивает Валентин Яковлевич.

— Не надо... Но что же делать?

— Можно, конечно, взять целевых аспирантов... предложения были.

— Да ведь кандидатура-то серенькая.

— Это уж точно. Но работать они по 10—12 часов будут. Степень им нужна позарез. А теоретическую часть Михаил Исидорович напишет.

Константин Петрович барабанит пальцами по столу. Долгое молчание нарушает Валентин Яковлевич:

— Послушайте, шеф, у меня есть идея. Вы знаете, Юрченко может согласиться; уйти. Молодой доктор наук. Перспектив у него здесь нет. Диссертацию защитил с трудом. Характер у него не дай бог. Со всеми перессорился. Да и личные дела... Ну, ну, не хмуритесь, а не собираетесь сплетничать. Но если вы ему дадите хорошую рекомендацию, он, возможно, уйдет на Москвы. Я с ним поговорю. А если выгорит, мы за его ставку двух молодых людей возьмем.

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ НЕПОСВЯЩЕННЫХ

Как правило, руководители лабораторий любят науку и преданы своему делу. Но чтобы быть хорошим заведующим лабораторией, этого качества мало. Наш герой — плохой руководитель. Он взял на работу Николая Сергеевича, Клаву и Володю, для которых главное в науке — получение степени. Многие из них удается остаться в штате института после защиты. Если они науку не любят, тогда их заботит лишь одно — сохранить направленность своей деятельности (в этом случае не надо учиться новому, не надо думать, не нужно проводить бессонные ночи, ломая голову над решением каверзных задач). Поэтому, когда Константину Петровичу необходимо перебросить работников с устоявшейся темы на новую, перспективную, он не в состоянии этого сделать. И тогда любящий науку, но беспринципный Константин Петрович привлекает к новым делам других Николаев Сергеевичей, Володь и Клав.

***

Конечно, у хороших руководителей дело обстоит не так. Но человек слаб, и наш Константин Петрович не редкость. Поэтому было бы весьма полезно принять простое решение: не платить за звания и степени дополнительных денег. В этом случае паршивенькая поговорка «ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан» потеряла бы смысл, работники вроде Николая Сергеевича обходили бы научные лаборатории стороной.

Чем же, с точки зрения автора этих строк, должна определяться заработная плата научного работника? По-моему, лишь объемом работы и ответственностью за порученное дело. Достаточно установить четыре разных оклада, ибо, по сути дела, в науке есть четыре должности (я не говорю о техническом персонале): младший научный сотрудник, то есть достаточно грамотный работник, который может действовать, получая от старшего товарища каждую неделю или месяц задание — куда идти дальше. Старший научный сотрудник, который руководит группой в 5—10 работников, не нуждается в конкретных советах, получает от шефа лишь общие указания и самостоятельно печатает свои научные статьи. Руководитель лаборатории — научный шеф — выбирает проблему и орудия, нужные для ее разработки. И, наконец, есть должность директора института, в обязанности которого входит разумно поставленный контроль за работой лабораторий, согласование научных интересов руководителей лабораторий с задачами государственного масштаба, а также обеспечение сотрудников аппаратурой, помещением, техническим обслуживанием. Впрочем, разговор об организации работы исследовательских учреждений у нас еще впереди.

Вернемся к проблемам степеней и званий. Если снять прибавки к зарплате, то будет ли работник стремиться получить звание или степень? Будет. Кроме материального стимула, существует еще честолюбие. Английские академики семи пятят за то, что являются членами своей академии. Так что существенная часть (конечно, не сто процентов) деятелей науки, движимая здоровым честолюбием и естественным ходом своей работы, будет защищать диссертации.

Остается ответить на вопрос: зачем нужны звания и степени?

Создается впечатление, что лишь для одной цели. При конкурсе на замещение той или иной должности наличие степени или звания является плюсом. Во многих случаях директору учреждения, ученому совету легче отобрать наилучшего кандидата.

Во многих случаях... Но не во всех. Степень и звание сами по себе не всегда являются решающим козырем.

Судите сами.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Заседание ученого совета высшего учебного заведения, расположенного далеко от столицы.

Выступает председатель конкурсной комиссии:

— Товарищи, надо сказать, что мы попали в очень тяжелое положение. Как вы знаете, речь идет о замещении вакантной должности заведующего кафедрой физики. Для вас не секрет, что мы хотели провести на эту должность Сергея Петровича — опытного преподавателя, работающего в нашем вузе уже третий десяток лет. Сергей Петрович замечательный педагог, студенты его любят. Лекции его пользуются таким успехом, что даже преподаватели соседних с нами школ посещают их регулярно. Но кроме заявления Сергея Петровича, поступило еще одно. От доктора физико-математических наук Юрченко. Он ученик нашего знаменитого физика Константина Петровича, который дает ему самую горячую рекомендацию.

— Зачитайте, — просит кто-то из ученого совета.

— Товарищи, я прочитаю лишь концовку. «Тов. Юрченко способный ученый, много сделавший для учения о преломлении света в кристаллах. Его перу принадлежит свыше тридцати научных работ».

— А насчет его умения лекции читать в рекомендации что-нибудь сказано? Может, он заикается, — раздается вопрос.

— Насчет педагогических способностей тов. Юрченко ничего не сказано. Но из анкеты видно, что лекции ему читать не приходилось.

— Товарищи! Я, конечно, очень уважаю нашего Сергея Петровича. Но какое может быть сравнение! У Сергея Петровича степени нет, а тут доктор наук, — говорит один член ученого совета.

Ему возражает второй:

— Ну и хоть сто раз доктор. А может, он, кроме своих кристаллов, больше ничего и не знает! Сергей Петрович человек широкий, а Юрченко узкий специалист...

— Товарищи, но будем спорить. Переходим к голосованию, — несколько нервно обрывает дискуссию председатель.

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ НЕПОСВЯЩЕННЫХ

Ученый совет действительно попал в трудное положение. Формально Юрченко, так сказать, на три головы выше Сергея Петровича. А по существу... Собственно говоря, чем поможет глубокое знание преломления света в кристаллах, когда доктор наук начнет преподавать студентам законы механики, теорию относительности и учение о строении атомного ядра? Честно скажем — ничем не поможет. Конечно, может статься, что Юрченко человек широкий... а может, и нет.

Так что мы сталкиваемся еще с одной трудностью, кесающейся проблемы степеней и званий.

Когда речь идет о профилирующих кафедрах, тех, которые готовят специалистов по счетно-решающим устройствам или по молекулярной биологии, тогда, слов нет, руководитель кафедры и доценты должны быть прежде всего хорошими учеными в своей области. Если бы доктор наук Юрченко претендовал на должность профессора по кафедре физики кристаллов, то его преимущества перед не имеющим степени Сергеем Петровичем были бы очевидны. Но если речь идет о таких предметах, как математика, физика, механика, сопромат, иностранный язык и т. д. и т. п., то здесь на первом месте опыт и широта знаний, а не аскал в узкую область науки.

Два доседных последствия возникают из-за того, что формальные требования, предъявляемые к общим и профилирующим кафедрам, одинаковы. Во-первых, доцентские и профессорские места зачастую занимаются бездарными и узко знающими предмет лекторами. И второе — ассистенты, желающие стать доцентами, мобилизуют все свои силы (и ловкость) для того, чтобы состряпать хоть какую-либо диссертацию. Пусть серенькую, пусть плохонькую (про которую говорят: двадцать минут позора, зато потом двадцать лет спокойной жизни), но все же работу, за которую дадут степень кандидата наук. Никому не нужны эти вымученные диссертации! Руководители таких работ поэтому выбирают для ассистентов «диссертабельные» темы, то есть такие, которые будут выполнены без осечки. А ведь ясно, что если результат научной работы можно предвидеть заранее, то, значит, такую работу просто незачем было ставить.

***

Что же делать? Критиковать легче, чем выставлять конструктивные предложения. Мне кажется, что человек, желающий занять должность доценте, должен сдать строгий экзамен... тяжелый экзамен, на подготовку которого придется затратить два-три года и который будет приниматься специальными комиссиями. Проявя широту знаний, покажи свои педагогические способности—и становись доцентом. Потрудись несколько лет, и твои же товарищи по работе смогут судить, стоит ли избрать тебя на должность профессора.

Прошу понять меня правильно: мое статья не проект нового положения о степенях и званиях, присваиваемых научным работникам и преподавателям высших учебных заведений. Я хотел лишь обратить внимание на то, что в ряде областей научной и педагогической деятельности существующая система является помехой прогрессу науки и высшего образования. Раз так, то надо задуматься о ее изменении.

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА ТУРИСТОВ

В. ВОРОНКОВ, председатель исполкома Сочинского горсовета

СОЧИ — не только всесоюзная здравница. Один из уникальных уголков земли, город и его окрестности обладают всем тем, что предопределяет широкое развитие здесь туризма. Только сил, чтобы развивать эту важную отрасль хозяйства, у города мало. Ему нужна помощь.

Два года назад в Сочи был создан городской Совет по туризму. Но него возложили решение сложных и разнообразных вопросов организации туристско-экскурсионного обслуживания. В 1973 году учреждения совета приняли на путевках около четверти миллиона путешественников. Экскурсоводы Сочинского бюро путешествий и экскурсий ознакомили с достопримечательными местами курорта более двух миллионов человек. Но это только начало работы. Исполком совета при участии представителей президиума Совета по туризму и экскурсиям разработал перспективный план развития новой отрасли курортного хозяйства на 1973—1980 годы. Основное внимание уделено развитию материальной базы туризма, улучшению и расширению сервиса. К концу девятой пятилетки объем туристско-экскурсионных услуг превысит [illegible] в год, а к 1980 году эта цифра возрастет [illegible].

Для того чтобы [illegible] нам необходима действенная помощь ВЦСПС. В первую очередь — в области капитального строительства.

Материально-техническая база туристических организаций в Сочи совершенно недостаточна. А темпы строительства новых туристических комплексов слишком медленны.

Надо сказать, что выделяемые капитальные вложения не концентрируются на пусковых объектах. Много лет готовилась проектная документация на строительство туристической гостиницы в районе «Светлана». Стройка эта была начата в 1972 году, однако сейчас из-за недостатка выделяемых капитальных вложений строители с объекта ушли. Всего в прошлом году здесь было освоено только 9 (девять!) тысяч рублей при сметной стоимости объекта почти две с половиной миллиона.

Недостаточно средств выделяется на капитальный ремонт турбаз. Для этого следовало бы создать в Сочи хозрасчетный ремонтно-строительный участок. Отстает у нас и развитие сезонного туризма. Мы имеем [illegible] базы, рассчитанные на туристические [illegible] круглогодичную работу.

Ежегодно на Сочи-Мацестинский курорт приезжают несколько тысяч самодеятельных туристов. Это большие любители природы и путешествий, но им, увы, не гарантированы ни ночлег, ни питание, ни туристическое обслуживание.

Бродят по курорту молодые люди с огромными рюкзаками за спиной, им не нужна благоустроенная гостиница, предел их мечтаний — площадка, где можно было бы разбить палатку, камеры хранения для рюкзака и немного горячей воды. Все это должен обеспечить городской клуб туристов, но сил и средств у него нет: обслуживанием сотен тысяч самодеятельных туристов занимаются... всегда два штатных работника.

Центральному совету по туризму и экскурсиям следует срочно решать вопросы, связанные с созданием материально-технической базы для обслуживания людей без путевок. Это должны быть простейшие сооружения: площадки для палаток, умывальники, приюты с минимальными коммунально-бытовыми услугами, такими, как гелиодуш, камера хранения, несколько газовых плит. Если этого не будет, самодеятельные туристы и в самом деле превратятся в «дикарей» и нанесут курорту немалый ущерб.

Заповедные сочинские уголки представляют большой интерес не только для советских туристов. Самое пристальное внимание мы уделяем и развитию иностранного туризма. К их услугам комфортабельные гостиницы «Интурист», «Жемчужина», перед очередь высотной гостиницы «Жемчужина», санатории, пансионаты и турбазы. В нынешнем году, когда войдет в строй 2-я очередь «Жемчужины», город сможет дополнительно принять свыше двух тысяч иностранных гостей.

Сделано немало. И снова та же проблема: далеко не все задуманное по силам местным организациям.

Мы, например, считаем, что большим стимулом для дополнительного привлечения иностранных туристов явилось бы решение вопроса об отчислении городу определенного процента от сумм, полученных курортом за год. Эти средства можно было бы направить на дальнейшее благоустройство курорта.

В настоящее время внутренним и зарубежным туризмом занимаются различные министерства и ведомства. Не удивите..не, что многие вопросы не могут быть в должной степени увязаны.

Решение всех этих вопросов — совершенно необходимое предпосылке дальнейшего развития и внедрения туризма в нашей стране.

МНЕНИЯ

НАУКА. ЗВАНИЯ И СТИМУЛЫ

МОРАЛЬ. ТРИ НОВЕЛЛЫ О СТА РУБЛЯХ

НЕОЖИДАННЫЕ

— Как бы вы истратили лишние сто рублей!—на этот вопрос было предложено ответить трем женщинам — представительницам различных профессий: врачу-стоматологу Римме Ивановне ТАПИНСКОЙ, работнице радиозавода Наталье КОНОНОВОЙ, преподавателю ВГИКа Павле Дмитриевне ВОЛКОВОЙ. Никто из собеседниц не согласился, что в семейном бюджете могут быть «лишние» сто рублей. Все три женщины, не сговариваясь, заявили, что денег лишних вообще не бывает: всегда найдется, на что еще нужно потратить. Поэтому пришлось изменить вопрос: НЕОЖИДАННЫЕ ДЕНЬГИ. ИТАК, ЧТО ВЫ БЫ СДЕЛАЛИ, ЕСЛИ ВЫ ВЫИГРАЛИ СТО РУБЛЕЙ В ЛОТЕРЕЮ!..

ФЛЕЙТА

Отвечает Римма Ивановна ТАПИНСКАЯ

Я купила бы своему старшему сыну флейту. Или виолончель младшему. Это давнее желание нашей семьи, мы его все равно осуществим. Просто неожиданные сто рублей несколько ускорили бы эту покупку.

Музыка — это то, что всех нас объединяет. Хотя по профессии мы не музыканты. Я — врач-стоматолог, муж — хирург. Дети учатся в обычной средней школе, а по вечерам — в музыкальной. Вероятно, музыка не будет их основной специальностью, во всяком случае, мы с мужем не ориентируем их на это. Когда они вырастут, то сами решат, кем им быть. Почему же я все-таки мечтаю, что бы в семье были флейта и виолончель?

...С детства я очень любила музыку, но мне не удавалось ею заняться. Началась война, и мы с мамой попали в эвакуацию в Джамбул. Навсегда запомнила, что там в школе, где я училась, в спортивном зале стоял рояль. Я так мечтала прикоснуться к клавишам, но рояль всегда был закрыт на замок. В конце войны мы вернулись в Москву. Дом наш погиб при бомбежке, и мы сняли маленькую комнатку в первом этаже низенького домишки на окраине Москвы. Это были годы, когда буханка хлеба стоила сто рублей, но мама все равно откладывала деньги, чтобы купить мне инструмент. Не удалось: женщина, у которой мы снимали комнату, не разрешила нам приобрести рояль. «Он продавит пол!» — сказала она.

Потом я закончила стоматологический институт и уехала работать в Якутию. Там вышла замуж, мужу передалась моя страсть к музыке. Все вечера мы проводили у приемника, слушая симфонические концерты. Мы решили с первой же нашей зарплаты откладывать деньги на покупку рояля. А мама в Москве отмечалась в очереди, потому что тогда очень было трудно купить музыкальный инструмент. Первое, что мы сделали, когда вернулись в Москву, — купили все-таки рояль. Какое было счастье!

Очень быстро пройдя с учительницей начальный курс, я стала играть Глинку и Чайковского, Дебюсси и Массне. Приходя с работы, я сразу же бросалась к роялю. И до поздней ночи окуналась в мир музыки. Казалось, что мой ребенок, которого я носила тогда под сердцем, затихал, когда я играла. То же самое было и потом, когда я ждала второго ребенка. Не поэтому ли у обоих моих сыновей абсолютный слух и страстная любовь к музыке? С раннего детства дети не могли жить без музыки. У нас стало семейной традицией собираться по воскресеньям с друзьями, такими же любителями, как и мы, и играть квартеты, квинтеты. Но самое любимое наше времяпрепровождение — игра трио: я и сыновья (сегодня они играют на «каленных» инструментах). Главный музыкальный критик и благодарный слушатель — папа.

Музыка, ставшая постоянным спутником нашей се-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Зорий БААЯН

ПОЧЕМУ В БОЛЬНИЦУ?

«ЯДО САМОГО министра дойду!» Эта грозная фраза — своеобразный вызов. Сказавший ее убежден, что своего он непременно добьется. И действительно, не такое это уж трудное дело — «добраться до министра». Благо у него есть приемные дни.

Я сижу в кабинете министра здравоохранения Армянской ССР З. М. Нариманова. Министру не позавидуешь. Один за другим заходят к нему люди. Меня интересовали, однако, только те, кто приходил с просьбой помочь поместить человека в больницу.

Немолодая женщина, страдающая остеохондрозом, просила устроить ее на стационарное лечение в Институт физиотерапии. Сын, вычитав где-то, что многие «сердечные лекарства» рекомендуется применять только под контролем врача, просил госпитализировать отца, перенесшего два инфаркта. Сердитая женщина, предварительно разбранив всех медиков, требовала немедленно положить в больницу пожилую мать, которая больна холециститом «на протяжении всей жизни».

Министру некогда всякий раз разбираться, почему того или иного пациента лечащие врачи не направляют в больницу. Не остается ничего иного, как дать команду госпитализировать. Посетитель уходит сияющим: он нашел правду! Я сидел чуть поодаль и хотел себе представить: а если бы министр отказал? Такое представить себе было невозможно. К нему пришли как к «самому-самому главному врачу», пришли как к государственному деятелю.

Когда последний посетитель ушел, я спросил Захария Михайловича:

— Почему они приходят с таким вопросом к вам?

— Психология, — ответил министр. И тут же добавил: — Психологическая настроенность, неведомо откуда взявшаяся у многих людей: мол, лечиться нужно только в больнице, а в поликлинику — приходи... за больничным листом, когда у тебя грипп.

Спустя некоторое время я посетил в больнице ту самую пожилую женщину, которая была госпитализирована не без помощи бойкой дочери и протекции министра. Диагноз — «Обостренне хронического холецистита». Справился у лечащего врача. Обострения-то нет, но иначе писать нельзя. Иначе вто уже амбулаторный больной.

Пожилая женщина лежала в палате на десять мест. У всех — разные диагнозы. Молодые и пожилые. Одни любят спать при открытой форточке, другие боятся свежего воздуха. Один с удовольствием слушают музыку, другие нервничают — требуют выключить радио. Моя знакомая чувствовала себя неважно. Ее в палате раздражало все. И вто пагубно влияло на основное заболевание.

— Не лучше ли было бы вам лечиться дома? — спросил я ее. — Ведь все равно операция вам не рекомендована.

Она удивилась: с таким трудом добилась стационара! Дочь до самого министра дошла, и вдруг врач спрашивает: не лучше ли лечиться дома?

— А больницы для чего? — ответила она вопросом.

В самом деле, не странно ли, что врач предлагает пациентке, находящейся в больнице, лечиться дома? Трехкомнатная квартира, хорошее питание, прекрасный уход, и самое главное — привычный стереотип, ставший с годами частицей жизни. Не правда ли, идеальные условия для лечения? Их не создашь ни в какой палате. Почему врачу самому не явиться домой к больному? Почему сестре нельзя проделать многие процедуры на квартире?

Думается, что настало время пересмотреть наше отношение к стационару.

Предвидя возражения, скажу сразу: речь идет не о том, чтобы в связи с улучшением жилищно-бытовых условий населения всех больных лечить на дому. Есть статистические показатели — они-то и дают пищу для размышлений.

Было выяснено, что из 100 больных, находящихся на излечении в стационаре, 10 нуждаются в интенсивном уходе, 50 — в уходе средней интенсивности, 20 — в уточнении диагноза и терапевтическом лечении, которое можно проводить амбулаторно, и 20 — в восстановительной терапии, которую нужно проводить в поликлинических условиях и дома. Таким образом, 40 процентов не очень нуждаются в пребывании на больничной койке. Много вто или мало — 40 процентов? По данным Всемирной организации здравоохранения, в развитых странах ежегодно 150—200 человек из каждой тысячи проходят лечение в больницах.

После тщательного сбора анамнеза, дифференциальной диагностики, лабораторных анализов поставлен и уточнен основной диагноз, сделаны назначения, и врач на очередном ежедневном обходе осматривает уже, так сказать, «ясного» больного просто так». Потом в ординаторской он делает запись в истории болезни. Стандартные фразы и обороты. Закон требует от врача делать вти «обязательные» записи. С какого-то времени больной остро не нуждается в строгом больничном режиме. И тем не менее лежит.

В США срок пребывания больного на койке составляет 8 дней, в странах Европы — 10, у нас — 20. Да, это, бесспорно, гуманнее. Но часто ничуть не выгоднее ни для того, кто «перележивается», ни для того, кто действительно нуждается в стационарном лечении.

Больному стало легче. Прошли боли. Спала температура. После этого идет длительная полоса приема таблеток, порошков, витаминов и даже подчас индифферентных пилюль, несущих психотерапевтическую нагрузку («Надо же хоть что-то дать больному»). Через некоторое время этот режим (измерение температуры, прием пищи и лекарств, сон и бодрствование по часам) становится для него тягостным. Кто-то в палате громко храпит, кто-то стонет. Бездеятельность, отсутствие привычной обстановки, адинамия («Ляжешь сюда здоровым и то заболеешь») — все это постепенно вновь ухудшает состояние здоровья на фоне кажущегося улучшения.

И еще: много людей умирают в больницах. Умирают они чаще всего на глазах у больных — соседей по палате. Известно, что ни один врач не может привыкнуть к смерти. Какой бы он ни был «суровый реалист», для него смерть — это всегда трагедия. А каково же больным, которые уже, хотят того или нет, страдают мнительностью и в подобных ситуациях склонны делать сравнения, проводить параллели! Знакомый клиницист мне рассказывал, как на следующий день после тяжелой и мучительной смерти одного больного у всех его пациентов, находившихся рядом и переживших это событие, резко ухудшилось состояние здоровья. Почти у всех поднялось кровяное давление. Вся палата не ела в течение трех дней. У двух больных, готовящихся к выписке, вновь началось обострение. То есть, по сути дела, весь труд врача пошел насмарку. Теперь, вновь начав лечение, он невольно должен увеличить курсовую дозу лекарств, что само по себе небезразлично для организма.

Нерациональное использование коек и слаборазвитая поликлиническая служба в одинаковой степени пожирают дорогое время врача и тем самым сказываются отрицательно на эффективности лечения. В больнице не только некогда, но и попросту негде врачу и больному поговорить по душам. Да-да, по душам. Речь идет об очень тонком, интимном диалоге.

Как-то я зашел к приятелю, который выписался из больницы, где он находился месяц с лишним. Он был очень доволен лечением, чувствовал себя превосходно. Но по-прежнему его продолжал беспокоить другой недуг: геморрой... Выяснилось, что врач и не знал об этом. У больного просто не было возможности — рядом соседи — раскрыться и рассказать о столь прозаичном диагнозе. Конечно, в идеале от внимания врача ничего не должно ускользнуть. Но в жизни действует другая формула: «Дитя не плачет — мать не разумеет».

В году у нас вместе с выходными и праздниками более 110 нерабочих дней. У медицины, конечно, нет выходных, но у врача они есть. Значит, почти треть всего времени пребывания на больничной койке пациенты не видят своих лечащих врачей. И ничего ведь страшного не происходит. Все назначения выполняются. Дежурная служба находится начеку. Ничего страшного не происходит и тогда, когда из-за «неудачного» сочетания праздников и выходных больные три, а то и четыре дня не видят своих лечащих врачей. Обходы дежурных врачей в «красные дни» практически ничего не меняют в схеме «ведения» больного. Дежурный врач утром на «пятиминутке» докладывает только о тяжелых, о вновь поступивших и о тех, у кого температура выше субфебрильной. Это составляет 7—10 процентов больных. Остальные — это 90—93 процента, то есть примерно этак сорок миллионов человек ежегодно. И половина из них, как было сказано выше, при хорошо налаженной амбулаторной службе могла бы успешно лечиться в поликлиниках и на дому!

У врачей, надо сказать, часто возникают горячие споры по поводу обоснованности госпитализации. Слишком часто больные необоснованно направляются в стационары.

По количеству больничных коек мы давно уже перегнали все страны мира. Но поговорим о другом. Хорошо известно, что абсолютное число больных, прежде чем попасть в стационары, проходят лечение в поликлиниках. Значит, в больницу попадают те, которых не смогла вылечить поликлиника. Но неужели так плохо работают наши поликлинические врачи? Ничего подобного. Обратимся к статистике. В нашей стране каждый гражданин в среднем 8 раз в году обращается в поликлинику. Это очень мало. Во многих странах Европы эта цифра доходит до 30, а в США — до 35.

В чем же дело? Попробуем разобраться. Итак, всего восемь обращений в год. Но поликлиника — это не только прием больных и их лечение. Вызовы на дом, патронаж, диспансерное наблюдение, лечение на дому, десятки вопросов, связанных с профилактикой прикрепленного района, — все это тоже поликлиника. А поликлиник у нас еще недостает. Наши больницы, по сути дела, зачастую выполняют и функции амбулаторий. Это невыгодно населению и слишком дорого обходится государству. Мы всегда с гордостью говорим о нашей бесплатной медицине — великом завоевании Октября. Бесплатна она для каждого из нас, но не для государства. Об этом порой забывают. Миллионы рублей тратятся зря из-за того, что десятки миллионов людей необоснованно госпитализируются. И это еще не все. Люди в два-три раза дольше положенного времени занимают больничные койки. Прячем если бы это хоть приносило пользу больным! В брошюре «Управление здравоохранением в США» приводятся в качестве примера расходы одного пациента, который находился в больнице 13 дней. Меня это заинтересовало потому, что у нас именно на столько дней срок пребывания в стационаре больше, чем в США. Пациент за тринадцать дней заплатил 390 долларов, кроме этого, за срочность медицинской помощи — 68 долларов, за операцию — 65, анестезию — 35, за анестезирующие средства — 10, за лабораторные исследования — 74,5, за рентген — 45, перевязки — 37,62, медикаменты — 74,1 и за переливание крови два раза — 60 долларов. Итого лечение обошлось в 856,22 доллара.

Мы не случайно взяли этот пример: он максимально приближается к средним показателям — 800—900 долларов обходится лечение в больнице.

Если даже допустить, что все наши больные госпитализируются обоснованно, то необоснованно длительное пребывание в больнице требует дополнительных расходов в размере более трехсот миллионов рублей. Я позволил себе сделать такое произвольное и грубое сравнение доллара и рубля. И вот почему. «За переливание крови два раза — 60 долларов». У нас бы это государству обошлось дороже. Мы говорим о том, что цены на лекарства у нас символические. Но они символические для населения. А для государства стоят огромных средств.

Вот к чему приводит практика, когда стационары вынуждены на себя брать функции поликлиник. Наверное, не случайно «средний американец», склонный к расчетливости, в четыре раза чаще нашего обращается в поликлинику. Так выгоднее не только карману, но и здоровью. Ведь в больницу попадают не от хорошей жизни, а больше всего от конкретных осложнений и обострений запущенных болезней.

Мы уже сейчас готовы в короткие сроки усилить амбулаторную службу и соответственно организовать эффективное лечение определенного контингента больных на дому. По количеству врачей США только в 2002 году на каждые 10 тысяч населения будут иметь столько врачей, сколько у нас их было десять лет назад. Уже сейчас у нас в 2,5 раза больше врачей, чем в Англии. Нет у нас недостатка в медицинской технике и в аппаратуре. Что же касается улучшения жилищно-бытовых условий населения, то всему миру известны наши успехи и наши перспективы в этом плане.

Сейчас во многих развитых странах расширяют амбулаторную сеть за счет сокращения больничных коек. В одном из реферативных сборников Министерства здравоохранения СССР говорится о том, как правительство Англии предусматривает сокращение общего числа коек в больницах с 475 000 до 249 320. Такое мероприятие, говорится в сборнике, будет осуществлено благодаря усовершенствованию методов диагностики и терапии, что приведет к сокращению сроков лечения и появлению новых видов оказания медицинской помощи (расширение сети амбулаторий, развитие помощи на дому).

Организация «новых видов оказания медицинской помощи» потребует усилить службу так называемого среднего звена. Практически все назначения, все процедуры делает и отпускает медицинская сестра. В связи с переходом «на домашнее лечение» определенного контингента больных нагрузка сестры резко возрастет. По-видимому, придется в средних школах научить девочек, как делать уколы, ставить банки, давать порошки и таблетки, начертить температурную кривую. Всему этому необходимо учиться, ведь каждая выпускница школы — это будущая мать, хозяйка дома.

Ни один врач не вылечил ни одного больного. Врач только помогает организму справиться с недугом. Говорят, эта мысль принадлежит Гиппократу. И она верна. Недаром рядом со словом «вылечить» мы часто ставим другое, не менее прекрасное слово — «выходить». Многие пациенты с благодарностью вспоминают не только своего лечащего врача или палатную сестру, но и добрую, ласковую няню, которая, как говорят сами больные, их выходила. А нянь так мало! Впрочем, «Литературная газета» об этом уже писала.

Всякий раз, когда у ворот наших больниц я вижу толпы посетителей с авоськами в руках, мне в голову приходит неизменная мысль: вот они, поистине распрекрасные няни с высшим, средним и начальным образованием. Сколько их, распрекрасных нянь, ежедневно по всей стране снует по базарам и магазинам, снует с волнением, спешкой и трепетом в поисках злополучных апельсинов (потому что прямо-таки стало модой приносить их больным) и других деликатесов. Кто-то из близких попал в больницу — весь дом парализован. Дополнительные расходы (медицина у нас бесплатная), потеря уймы времени (в том числе нередко и рабочего), хлопоты, волнения. И никуда ведь не денешься от этого. Все это исходит из сущности, из человечности самого человека, который ради благополучия родного готов на любые жертвы. Эти качества человека прекрасны. Но не слишком ли мы эксплуатируем их, забывая, что дополнительные хлопоты, дополнительные волнения подтачивают и его здоровье? Каждый «лишний» день пребывания пациента в больнице — это дополнительные хлопоты для родных и близких, многие из которых вполне могли бы у себя дома заменить самую распрекрасную няню. Дома всегда хорошо. Дома и стены помогают.

...В тот день, когда закончился приемный день министра, мы много говорили с З. М. Нариманом о перспективах развития амбулаторной сети, об организации новых видов оказания медицинской помощи; я спросил его, не будет ли слишком хлопотным для здравоохранения, если, скажем, многих больных придется лечить на дому. «Если это полезно больным, — ответил министр, — то о каких хлопотах может идти речь?»

На высоте
Фото Г. КОПОСОВА

АЛЬБОМЫ

Волгоград. Город-герой. «Советская Россия», 1973. Ц. 4 р.
Цветной фотоальбом, содержит около 150 фотоиллюстраций. Текст на англ., франц. и нем. языках.

Рахманов И. Московские вори. «Московский рабочий», 1972. Ц. 7 р. 36 к.
Красочный фотоальбом. Подарочное издание.

Советский театр 1963—1973. Издательство ВТО, 1973. Ц. 3 р. 85 к.
Фотоальбом. Сцены и фрагменты из лучших постановок ведущих театров страны за последнее десятилетие.

Ульяновск — родина В. И. Ленина. «Прогресс», 1973. Ц. 1 р. 93 к.
Красочный фотоальбом. Текст на русск., англ., франц., нем. и испанск. языках.

Ф. Энгельс. Начало пути. «Изобразительное искусство», 1972. Ц. 5 р. 22 к.
Альбом посвящен молодым годам Ф. Энгельса, его юности, началу революционной деятельности.

По местам жизни и деятельности К. Маркса. Акварели и рисунки Фредерика Лонге. «Изобразительное искусство», Ц. 1 р. 98 к.

Магазин № 93 «Книга — почтой» высылает наложенным платежом (без предварительной оплаты).

Заказы направляйте по адресу: 117168, Москва, ул. Кржижановского, 14.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. МНЕНИЯ

ПОМОЩЬ НА ДОМУ

ДЕНЬГИ

ЛЮДИ И ВЕЩИ

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ...

Ответ Натальи КОНОНОВОЙ

Мне б вдруг сто рублей! Я бы тут же отдала их в счет долга за свою злополучную свадьбу.

Нет! Вы, пожалуйста, не подумайте, что у нас с Вадимом плохая семья! Мы чудесно живем, у нас сынишка! Оба мы работаем на одном радиозаводе. И холодильник, и телевизор, и стиральная машина — все у нас есть. Только вот не можем до сих пор с долгами за свадьбу рассчитаться!

Мы тогда наодалживали больше тысячи рублей. Если бы вернуть время — мы, продолжается в наших детях и будет, я чувствую, всегда жить в детях их детей...

лучше бы в жилищный кооператив вступили, а то живем пока в коммунальной квартире. Или в отпуск поехали бы — круиз вокруг Европы. Воспоминаний на всю жизнь хватило бы...

А тогда мы поступили глупо, потому что хотели, чтобы все было «как у людей» и «не хуже других».

И зачем я шила это длинное белое платье? Конечно, традиция. Все подруги выходили замуж, все в белых длинных до полу платьях.

А чем я хуже других?

Мама, правда, робко посоветовала: «Может быть, сошьем не длинное, чтобы ты могла его и потом носить и всегда вспоминать свой главный праздник в жизни». Так нет же, мы в Вадимом решили — обязательно белое и длинное до полу.

Все подруги шили в ателье, хотя в магазине для новобрачных продавались прекрасные платья. И я пошла в ателье, стояла в очереди, толкалась на примерках. Платье получилось гораздо дороже по сравнению с готовым, но уж никак не лучше.

Но чем я хуже других?

Всего только один раз я и надела ато платье. Потом его сдала в комиссионный, где был полный завал таких же точно, один раз надетых и ненужных свадебных платьев. Их не покупали.

Мое платье провисело там (оцененное меньше, чем вполцены) месяц или два. Я его забрала, и теперь оно где-то валяется на антресолях.

...Свадьбу отмечали в кафе «Хрустальное» на Кутузовском проспекте. Можно было бы, конечно, и дома отметить, хоть и коммунальная квартира, но комната большая. Но как же можно дома, если одна подруга отмечала в ресторане, другая — в кафе...

Чем я хуже других?

Пригласили на свадьбу шестьдесят человек, у одной подруги было семьдесят, у другой — еще больше.

Чем я хуже других?

В тот памятный вечер в кафе «Хрустальное» отмечали еще две свадьбы. И многие гости с тех свадеб попадали почему-то на нашу свадьбу, а наши гости веселились на соседних. Дело в том, что мои родители и родители Вадима пригласили на нашу свадьбу многих своих друзей и сослуживцев, которые нас в лицо-то даже не знали. Знали только, что надо прийти на второй этаж в кафе «Хрустальное». Вот они и кричали «горько» другим невесте и жениху. К концу вечера, во избежание недоразумений, сообща решили слить воедино все три свадьбы.

Самое интересное, что из тех шестидесяти человек, которые гудяли на нашей свадьбе, мы с Вадимом знаем не более двадцати пяти, близко дружим с десятью-двенадцатью. А те остальные люди, которые провозглашали тосты за наше счастье, вероятно, и не узнают нас в лицо, если доведется нам встретиться с ними на улице.

Всеобщее веселье подходило к концу, и тут какие-то тетушки из гостей вынули целлофановые мешочки и стали аккуратненько сгребать в них с блюд куски осетрины, икру и прочее, что осталось. Наше с Вадимом настроение было испорчено. Он думал, что это мои родственники, и делал вид, что не замечает, а я думала, что это его родня, и тоже старалась не обращать внимания. Больше мы никогда не видели этих предусмотрительных старушенций. Впрочем, поделом нам: свадебный стол стоил почти тысячу рублей. Съесть и половину того, что было поставлено, невозможно.

Но чем мы хуже других?

Вы скажете, это такой обычай — на свадьбу приглашать огромное количество народа. Но это обычай старины, когда люди жили в тесном общении друг с другом в маленьких городках или деревнях, где все друг друга знают. И нужно было приглашать всех соседей, чтобы никто не обиделся... А сегодня для чего все это? Мы часто с Вадимом вспоминаем: «Какая пошлость, когда малознакомые люди кричат «горько» и при всех целуешься». Ведь тогда нам чужие люди кричали «горько». Вот нам теперь и горько; в отпуск не съездили — раздаем долги...

КУКЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА

Ответы Паолы Дмитриевны ВОЛКОВОЙ

Я очень люблю путешествовать. И вот во время одной поездки в маленьком старом среднерусском городке мне рассказали удивительную историю об «одном чудаке».

Он был художником, поэтом, писателем, родом из тех мест. Поселившись перед войной в родной деревне, Ефим Чистяков — так звали того «чудака» — создал свой кукольный театр. Сам смастерил куклы, сам писал пьесы и давал представления односельчанам. Мы с мужем нашли это село. К тому времени Ефим Чистяков три года, как умер. Но старый овин, где устроил он театр, сохранился. Сохранились и куклы. Сделанные из обожженной глины, с на редкость выразительными лицами, куклы были героями его пьес. Причем каждый персонаж всегда имел свое амплуа.

Крестьяне-старики бережно хранили реликвии, оставшиеся после смерти Ефима Чистякова. Они показали мне большие живописные полотна со сценами и обрядами из народной жизни. Но, пожалуй, самым замечательным во всей этой коллекции были портреты односельчан, нарисованные Ефимом Чистяковым цветными карандашами и акварелью. Я тогда очень просила крестьян продать какой-нибудь из портретов или куклы, но они ни за что не хотели расставаться с произведениями своего талантливого односельчанина...

Быть может, вы обратили внимание на то, что люди, когда думают о деньгах, часто предполагают какое-нибудь утилитарное их употребление. Впрочем, это, наверное, естественно: деньги утилитарны по своей природе, символ будничности и обыденности. На деньги покупают то, во что одеваются, что едят, на что садятся...

С утилитарной точки зрения, разумно будет купить на эти неожиданные случайные сто рублей крепленовый костюм или японский зонтик и мохеровую кофту. Но крепленовый костюм выйдет из моды, японский зонтик сломается, а мохеровая кофта после одной-двух химчисток потеряет вид. И забудется эта единовременная радость. Можно и совсем бессмысленно истратить вот такие неожиданные сто рублей — например, крепко напиться, но это сомнительное удовольствие обязательно будет потом сопровождаться головной болью и некоторой горечью по поводу зря потерянных денег. Можно внести такие деньги на сберкнижку или купить лишнюю безделушку в дом, но все это сольется с общим количеством денег и общими тратами, и опять-таки забудется...

Я думаю, что когда в семье появляются вот такие неожиданные сто рублей, то люди должны позволить себе роскошь раскрепоститься от утилитаризма и купить предмет «вечного счастья». Когда мы говорим о таком предмете, мысли наши непременно обращены к искусству. Потому что искусство по своей сути бескорыстно! Потому что оно исключает потребительское отношение — это не то, что можно съесть или положить в карман. Только неутилитарная вещь подлинно духовна. В жизни обязательно должны быть неутилитарные поступки. Приобретение произведений искусства всегда связано с формированием именно духовных потребностей в семье.

Настоящая семья — это союз единомышленников. Но это единомыслие не в том, что все вместе сидят по вечерам и смотрят телевизор, — это общее механическое «убивание» времени. А совместное «убивание» времени не формирует общих потребностей. И единомышленники — это не те, кто прочитал вместе книгу и обсудил ее. Нет!

Мне кажется, что формирование духовных потребностей связано с настоящим обновлением интересов в семье. Сегодня — это общий интерес к путешествиям, завтра мы занимаемся слайдами, послезавтра мы — кинолюбители... Потом это надоедает, и люди переключаются на поэзию или начинают ходить в театр... Потребности формируются из общих отношений в семье, когда «духовная пища» всем интересна и всем жизненно важна, может быть, гораздо важнее, чем туго набитый холодильник.

Когда все есть в шкафу и туго набит холодильник — это еще не означает общих потребностей семьи, это только означает общий стол и общий хороший внешний вид. И вто еще вовсе не означает, что сложилась семья. Семья формируется из более глубоких, более сложных, а не только повседневных отношений.

Роскошь раскрепощения от повседневности, от никогда не прекращающихся утилитарных забот — это и есть самая прекрасная роскошь. Купить, например, картину (не обязательно известного художника — просто хорошую картину) — самая радостная трата денег...

Идут годы, и меня не покидает чувство беспокойства: что же стало с наследием Чистякова? Крестьяне, те еще больше состарились, некоторых нет в живых, в деревне все изменилось, и может быть, драгоценные произведения истинного народного искусства пропали или утрачены...

Если бы я выиграла сто рублей, то непременно сразу же поехала бы в это село, оно довольно далеко. Я собрала бы все работы Чистякова и устроила бы выставку. Но, думается мне, я и так доберусь до этого села и осуществлю свой замысел. И выставка Ефима Чистякова будет сюрпризом для всех ценителей народного искусства. Я не открою пока адреса того села: у неутилитарных потребностей и желаний тоже ведь могут быть свои секреты.

ФРГ-74: ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 5-Я СТР.

становится безработным». Журнал повествует о трагедии вестфальского городка Метелена, где закрылась текстильная фабрика — единственная сфера приложения сил: «других рабочих мест в городе нет». Причины банкротства? Общий застой в текстильной промышленности (по признанию того же «Штерна», 1973 год был для этой отрасли самым плохим за все послевоенное время), растущие цены на сырье, конкуренция дешевых импортных товаров, трудности со сбытом и т. д.

Так или иначе, существовавшая почти 200 лет фирма заявила о своем банкротстве, а персоналу фабрики без всякого предварительного уведомления были «подсунуты под дверь» письма, извещавшие об увольнении. Банкротство ткацкой фабрики означало для городка примерно то же самое, что для такого крупного промышленного центра, как Эссен, означало бы банкротство концерна Круппа. Теперь, как пишет журнал, жителям Метелена «приходится долго вертеть в руках каждый пфенниг, прежде чем истратить его».

Большинство уволенных рабочих не имеют никаких перспектив, а решиться на переезд в другой город очень непросто, семьи в Метелене многодетные...

Жертвами безработицы станут, разумеется, и иностранные рабочие, которые сосредоточены главным образом в крупных городах. Правительство уже отдало распоряжение не заключать контрактов и не приглашать новых иностранных рабочих. Это лишь первая мера. Опыт кризисных 1966—1967 годов говорит о том, что за ней может последовать массовое увольнение иностранцев.

Ожидается и дальнейший рост цен. Поговаривают о том, что для обозначения в процентах этого роста в 1974 году потребуются уже двузначные числа. Одни лишь нефтяные концерны намерены путем повышения цен вышибить за год 18—20 миллиардов марок дополнительных прибылей. Напомним, что цены на бензин и другие нефтепродукты и без того были взвинчены в ходе нефтяного кризиса прошлого года. Кстати, почти повсюду в жилых и служебных помещениях температура теперь в среднем на четыре градуса ниже, чем в былые времена, — цены на жидкое топливо возросли в три раза.

От нефтяных концернов не отстанут и другие. Не намерен оставаться в стороне и государственный сектор: намечается повышение оплаты за проезд по железной дороге, увеличение почтовых сборов, удорожание коммунальных услуг.

Итак, снижение экономической конъюнктуры, сокращение рабочих мест и безработица, рост цен и еще большая инфляция — вот то, о чем говорили почти все наши собеседники, оценивая перспективы 1974 года.

Ну, а как это отразится на расстановке политических сил в стране?

3. СДПГ: «ВЕТЕР ДУЕТ В ЛИЦО»

Вначале — «посторонние» свидетельства. Анализируя внутриполитическое положение в ФРГ, французская газета «Эко» на днях писала: «Полтора года спустя после выборов Западная Германия переживает тяжелый период, последствия которого трудно предвидеть». «Эко» подчеркивала, что усиление социальной борьбы в стране ослабляет правительство и может привести к новым выборам. Другая французская газета — «Орор» — пошла еще дальше, заявив в той же связи: «Жалуясь на то, что его бросили либеральные друзья и профсоюзы, Вилли Брандт намерен уйти».

Когда в Гамбурге мы беседовали с редакторами обычно хорошо информированного еженедельника «Шпигель», один из них нам тоже сказал о слухах по поводу возможной отставки В. Брандта с поста канцлера. А потом «Шпигель» разразился целой статьей на эту тему под заголовком «Вилли Брандт: «Вы все бросили меня одного».

По мнению автора статьи, бросили В. Брандта прежде всего профсоюзы. Возник уже знакомый мотив: трудящиеся и их профессиональные организации своими чрезмерными требованиями мешают СДПГ спокойно управлять государством и его экономикой. Перед лицом все возрастающих трудностей оставляют Брандта, по сведениям «Шпигеля», и его сподвижники по партии. Журнал приводит слова одного из членов кабинета: «Одна оговорка, и он уйдет в отставку». Называли даже возможного преемника — Хельмута Шмидта, заместителя председателя СДПГ и министра финансов нынешнего правительства.

Эти предположения были немедленно официально опровергнуты в Бонне. Конечно, можно предполагать в данном случае и продуманную диверсию справа. Руководитель ведомства федерального канцлера, выступая с опровержением, прямо упрекнул издателя «Шпигеля» Р. Аугштайна, что тот вместе со Шпрингером участвует в кампании против Брандта с целью торпедировать деятельность бонинской коалиции.

Но само появление подобных слухов — это прежде всего плод общего обострения политической борьбы в ФРГ. И если отбросить доводы тех, кто намеренно сгущает краски, то все же нельзя не согласиться с выводом, который мы не раз здесь слышали: «Ветер сейчас дует СДПГ в лицо», а не в спину, как полтора года назад.

Социал-демократы открыто говорят, что для их партии и правительства Брандта наступают трудные времена. С приходом к власти этого правительства у населения ФРГ возникли иллюзии и даже надежды на то, что социал-либеральная коалиция в состоянии и готова изменить внутриполитическое и экономическое положение в пользу широких трудящихся масс, добиться стабильного развития хозяйства. И вот теперь все большее число простых людей начинает понимать, что для улучшения их материального положения надо кое-что взять из прибылей монополий, ущемить интересы концернов. Но это пока табу в ФРГ, как и в других капиталистических странах.

Один молодой социал-демократ с горечью говорил нам, что его партия бессильна, ибо связана рамками данной системы. Выйти за эти рамки и провести коренные общественные преобразования означало бы для социал-демократов, по его мнению, перепрыгнуть через самих себя.

Для судьбы многих европейских социал-демократических партий характерны взлеты и падения. Трудящиеся массы, накопив достаточный заряд недовольства буржуазными партиями, голосуют за социал-демократов, но затем разочаровываются в них. Это и используют правые, чтобы спихнуть социал-демократов с министерских кресел и отправить снова в оппозицию.

Случится ли в ближайшее время что-либо подобное в ФРГ, покажет будущее.

Федеративная республика стоит сейчас на пороге серии выборов в ландтаги и коммунальные органы власти. Разумеется, у земель и общин есть свои проблемы, которые и окажут решающее воздействие на результаты выборов. Но забывать полностью федеральные дела не приходится. Во внутриполитической и экономической сферах они часто переплетаются с местными заботами.

В Гамбурге накануне выборов практически все, с кем мы встречались, нам прямо говорили: социал-демократы потеряют значительную часть избирателей, а в результате — и традиционное абсолютное большинство в парламенте «вольного ганзейского города». 3 марта избиратели Гамбурга оправдали эти пессимистические прогнозы. Если на прошлых выборах, в [illegible] (соответственно 70 и 56 мандатов). ХДС получил 40,6 процента голосов (в 1970 году — 32,8) и 51 мандат (вместо 41), свободные демократы — 10,9 процента (на прошлых выборах — [illegible] и 13 мандатов вместо 9). Естественно, [illegible] ставить эти результаты крупную, даже решающую победу. Это, конечно, не так, ибо большинство в гамбургском парламенте сохраняют СДПГ и СвДП.

4. КТО ОСТАНЕТСЯ В ВЫИГРЫШЕ?

Много разговоров ведется вокруг партнера СДПГ по правительственной коалиции — Свободной демократической партии. Правые не раз предпринимали попытки оторвать ее от «старшего брата». Это означало бы конец для правительства Брандта, создало бы новую политическую обстановку.

В бундестаге мы беседовали с заместителем председателя фракции свободных демократов К. Шпицмюллером. Он без всяких сомнений говорит о верности его партии коалиционным обязательствам и решительно высказывается против каких-либо спекуляций по этому поводу.

— Но все же у вас есть какие-то расхождения с партнером по коалиции? — спрашиваем мы.

— Разумеется, есть, главным образом по внутренним делам. СДПГ в ряде вопросов хочет неоправданно забежать вперед, а мы играем роль стабилизатора или, если хотите, тормоза.

— А что произойдет в партии, когда ее председатель В. Шеель займет пост президента республики?

— Об этом лучше бы поговорить после избрания Шееля на президентский пост в мае, — отвечает К. Шпицмюллер. — Ведь все может быть, хотя это избрание и представляется вполне обеспеченным. Пост председателя скорее всего займет теперешний заместитель Шееля, министр внутренних дел Геншер. Это опытный политический деятель, который с первых же дней создания коалиции активно сотрудничает в правительстве. Я уверен, он будет продолжать линию Шееля. Поэтому надежды кое-кого на смену курса нашей партии беспочвенны...

Нам говорили о том, что вес СвДП в стране сейчас [illegible] Средние слои населения, [illegible] имеющие твердых политических убеждений, видит в ней некую золотую середину. Успехи правительства, особенно во внешнеполитической области, избиратели рассматривают как достижение обеих коалиционных партий. А [illegible] во внутренней и экономической политике — это их дело (социал-демократов. Ведь они же — старший партнер) и в конечном счете ответчик за все.

Несмотря на трудности, которые несет стране 1974 год, руководство свободных демократов с хорошим настроением смотрит вперед, ожидая при всех обстоятельствах прироста голосов избирателей на предстоящих земельных и коммунальных выборах. А когда это произойдет да когда к тому же В. Шеель станет президентом, СвДП будет чувствовать себя, видимо, еще более уверенно.

Ну, а что некогда всемогущие ХДС/ХСС, вот уже пятый год пребывающие в оппозиции?

«Шпигель» назвал эти партии «уставшими отрядами». Он же привел высказывание одного из видных руководителей ХДС: «Меч оппозиции затупился». Так ли это?

Пожалуй, нет. Оппозиционные партии ведут в бундестаге непрерывные атаки на правительство. Их печать подвергает нападкам любые мероприятия, исходящие от правительственных учреждений. Они предпринимают экономический маневр и вообще развал всей жизни в ФРГ, если социал-демократы и впредь будут управлять страной. Курс на возвращение к власти остается главным во всей деятельности ХДС/ХСС.

И все же создается впечатление, что оппозиция не закончила залечивания ран после тяжелого поражения на последних выборах в бундестаг. Еще не приняли достаточно определенных очертаний программные установки партий. Пока они занимаются лишь критикой всего и вся. Но этого недостаточно, нужно дать избирателю что-то конструктивное, хотя критика в условиях серьезных затруднений и в лагере противника тоже приносит известный успех. И вот неудавшийся кандидат в канцлеры и бывший лидер оппозиции Р. Барцель поучает новое руководство ХДС: «Нужна лучшая альтернатива, критика на базе лучшей программы. Нельзя долго поживаться на ошибки других».

А новое руководство ХДС и ее совместителя с ХСС парламентской фракции тем временем тщательно готовит [illegible] для решительного броска против правительства. Время у них есть. Вполне [illegible] следует сосредоточиться в провинции, несколько разведя бои на земельных и коммунальных выборах.

В условиях буржуазного парламентаризма большую роль играет личная популярность лидеров партий. Р. Барцель [illegible] завоевать популярность частыми выступлениями на публике, позированием перед фото- и кинокамерами, афишированием встреч с ведущими иностранными деятелями. Но он не преуспел в этом деле. Американский «Тайм» писал в свое время: «Ни один политический деятель в послевоенной истории Западной Германии не сумел так быстро подняться и при этом обрести так мало почитателей, как Райнер Барцель».

Х. Коль, новый председатель ХДС, кажется, идет иным путем. Он исподволь укрепляет свои политические позиции, проявляя заметную сдержанность во время публичных выступлений. До избрания председателем партии он занимался главным образом делами земли Рейнланд-Пфальц, премьер-министром которой он был и остается по сей день. Недавно он побывал в Соединенных Штатах, где вел переговоры с ведущими государственными деятелями. Поездка прошла без особого ажиотажа, как ато обычно было у Р. Барцеля. Теперешний лидер ХДС постепенно накапливает политический капитал, ожидая своего часа.

Несколько иначе действует председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге К. Карстенс. Он часто выступает во время парламентских заседаний, резко критикует любые шаги правительства по осуществлению «восточной политики», то есть по наполнению конкретной жизнью договоров ФРГ с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Внешняя политика — это «конек» Карстенса. В шестидесятые годы он был статс-секретарем министерства иностранных дел в правительствах, руководимых ХДС, и с тех пор считается профессионалом во внешнеполитической сфере. Но в других вопросах, особенно в экономических, как отмечает печать, он еще малосведущ. К тому же он новичок в парламентских баталиях, так как избран в бундестаг впервые в 1972 году.

Не увядает злой гений Штрауса. Он по-прежнему сует нос во все уголки политики, пытаясь навязать свои ультрареакционные взгляды. Но не прошли ли времена Штрауса? Вместе со своими коллегами из ХДС он уже дважды был бит на парламентских выборах. Да и вся внутриполитическая и внешнеполитическая обстановка требует трезвости и политической выдержки, чего никогда не было у шумного баварца.

5. ГКП ПРЕДЛАГАЕТ АЛЬТЕРНАТИВУ

Мы — в Дюссельдорфе, на Принц-Георг-штрассе, в правлении Германской коммунистической партии. Председатель ГКП Г. Мис, его заместитель Г. Готье, другие товарищи не скрывают своей озабоченности в связи с обострением обстановки в стране.

— Правительство социал-демократов и свободных демократов, — говорит Г. Мис, — показало в эти дни и недели, что оно не на стороне трудящихся. Оно лишь выступает с призывами к экономии, а в ответ на справедливые требования трудящихся их запугивают угрозой безработицы и прогрессирующей инфляции.

ГКП выдвигает четкую программу преодоления наступающих кризисных явлений, программу подъема экономики.

— Судите сами, — говорят наши собеседники. — Чтобы содействовать дальнейшему росту производства, необходимо принять меры к повышению покупательной способности широких масс населения. Для этого нужно повысить теперешнюю заработную плату рабочих и служащих на 15—18 процентов. Экономически это вполне оправданно. Но одновременно надо приостановить действие тех факторов, которые практически сводят на нет повышение заработной платы, то есть рост налогов и в первую очередь неудержимое повышение цен на товары широкого потребления и продукты питания.

Конечно, чтобы осуществить это, правительство надо взять часть прибылей у крупного капитала. Есть и другие источники. ГКП давно уже требует сокращения на 15 процентов военных расходов. Это значительные средства, и они весьма способствовали бы стабилизации экономики и повышению жизненного уровня населения.

Коммунисты отлично понимают, что коренные болезни капитализма неизлечимы. Его противоречия могут быть устранены лишь путем замены этого строя новой общественной формацией. Но они не забывают, что трудящиеся пока живут в условиях данного общества. Предложения коммунистов рассчитаны на реализацию сегодня. Они разработаны с учетом теперешних, а не завтрашних возможностей.

Трезвость и реализм коммунистов привлекают к ГКП внимание все новых и новых групп трудящихся. Позиции Германской коммунистической партии укрепляются, а ее влияние на рабочих и служащих заметно растет, и это жизненная примета нашего времени, характерная черта сегодняшнего дня.

Проявят ли — и в какой мере проявят — реализм те, кто располагает экономической и политической властью? От ответа на этот вопрос и зависит, в каком направлении пойдет развитие ФРГ в ближайшем будущем.

В. ЕЖОВ,
В. СЫРОКОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Разгон демонстрации рабочих-иммигрантов на заводах Форда в Кёльне
Фото из журнала «Штерн»

Демонстрация бастующих работников коммунальных учреждений в порту ФРГ
Фото АДН—ТАСС

КИТАЙ СЕГОДНЯ

БОРЬБА НАРАСТАЕТ

Новая политическая кампания, развернувшаяся сейчас в Китае, естественно, напоминает зарубежных наблюдателей на аналогию в событиями 1966 — 1969 годов. Сходство лозунгов, шумные демонстрации «критики со стороны масс», политическая истерия в печати — все это напоминает дни минувшие. В то же время обозреватели отмечают, что нынешняя кампания отличается большей завуалированностью как в отношении конкретных целей, которые ставят перед собой ее организаторы, так и по расстановке сил за нуждами «критики Линь Бяо и Конфуция». Одно представляется очевидным: нынешняя шумиха используется для запугивания тех, кто не согласен с маоистами, для дальнейшего разжигания антисоветизма, нагнетания военного психоза, оправдания низкого жизненного уровня масс.

Заслуживают особого внимания высказывания тех наблюдателей, которые отмечают, что причина нынешних событий в Китае — серьезные трудности, возникшие в стране, трудности экономические и политические. Они и должны были заставить руководителей маоистского толка продолжать тянуть страну по рельсам своей авантюристической политики, не имеющей ничего общего ни с социализмом, ни с национальными интересами Китая и китайского народа.

Еще в прошлом году из Китая стали поступать сведения о начинающейся новой «чистке». В последнее время число таких фактов возросло, они становятся все более очевидными. Борьба между «прагматиками» и «левыми» в китайской партийной и государственной верхушке давно уже является объектом комментариев как во внутренней, так и в зарубежной печати.

Вспышки «революционного пафоса» — не случайное явление. Газета «Жэньминь жибао» призвала к расширению и углублению начавшейся кампании, к тому, чтобы 95 процентов кадров и масс активно включились в разоблачение Линь Бяо и Конфуция. Может быть, именно среди оставшихся 5 процентов следует искать возможные жертвы новой «культурной революции». Сам факт их упоминания свидетельствует о готовящейся над ними расправе. Сравнительно большой процент «врагов» красноречиво говорит о наличии внутрипартийных разногласий и борьбы, что, как правило, также приводит к чисткам в партийном и государственном аппарате, называемым в Пекине «исправлением стиля работы» или «культурными революциями».

Без сомнения, близкое будущее даст ответы на многие вопросы. Однако совершенно ясно, что в настоящее время в Китае разгорелась ожесточенная борьба между группировкой «прагматиков» во главе с Чжоу Энь-лаем и так называемыми «левыми радикалами». Независимо от того, кто победит, вряд ли можно ожидать чего-то действительно принципиально нового как во внутренней политике, так и в международной деятельности пекинского руководства. По всему видно, что, как и до сих пор, периодическая «чистка» призвана укрепить позиции Мао и отсечь ветви, угрожающие «чистоте идей председателя», то есть восстановить доходящий до абсурда централизм, который столь необходим для проведения антисоветской и антикоммунистической политики маоизма.

«Работническо дело»
(БОЛГАРИЯ)

«АБСОЛЮТНОЕ НЕРАВНОВЕСИЕ»

«Посредством большого беспорядка достигается порядок на земле. Это должно повторяться раз в каждые семь или восемь лет. Тогда черти и демоны сами по себе появляются на свет. В силу своей классовой сущности они неизбежно выходят на передний план».

Так говорил великий кормчий Мао Цзе-дун в 1966 году, а начал «культурной революции».

Созрел ли Китай снова для «культурной революции»? Истек ли срок короткой передышки? Началась ли уже вторая «культурная революция», хотя еще не залечены раны первой?

Передовая статья в «Жэньминь жибао» от 2 февраля прозвучала, как выстрел из стартового пистолета, как приказ к народной войне «против ревизионизма». Речь идет о том, чтобы «привести в движение народные массы», критику обоих мертвых классовых врагов, Линь Бяо и Конфуция, «связать с нынешней борьбой двух линий, продолжить революцию и воспротивиться возврату к прошлому».

Интеллектуалам предложено в кратчайший срок исправить свои ложные взгляды и вернуться на «верный революционный путь».

В разных университетах — в Пекине, Шанхае и Кантоне — только что начавшийся учебный процесс, по-видимому, вновь дезорганизован. Студенты заняты «антиревизионистскими собраниями» и выпуском дацзыбао. В Шанхае и его окрестностях организованы специальные чтения и «усиленные революционные курсы», которыми были охвачены с декабря прошлого года 200 000 молодых людей.

«Критика Линь Бяо и Конфуция» заполонила все газеты и радиопередачи. Научные институты и типографии лихорадочно подбирают и печатают пропагандистский материал, «разоблачающий» обоих «контрреволюционеров».

Массовая истерия распространяется нарастающими темпами. Созываются гигантских масштабов «митинги мобилизации». В городе Чанша, провинция Кунань, на «критику со стороны масс» собралось 100 000 человек. В радиопередаче из провинции Сычуань содержался призыв к созданию специальных отрядов, которые предназначаются для «развертывания неутихающей и всеохватывающей борьбы».

Однако новая «народная война» Мао не повсюду развертывается гладко. Пропагандисты наталкиваются на серьезную трудность: массы при всем желании не в состоянии читать трудный классический текст Конфуция. И нет ничего удивительного, если раздаются вопросы: что общего имеет этот Конфуций с классовой борьбой, где, когда и каким образом произошло его братание с Линь Бяо? И вообще: не лучше ли предоставить это все академикам? Судя по сообщениям из провинции Хубэй, некие неназванные люди «болтали», будто является ошибкой «столь примитивным образом сопоставлять высказывания Линь Бяо и Конфуция». Радиокомментатор в Сиане, провинция Шэньси, обрушился на «некоторых товарищей», которые утверждают, «будто производство пострадает оттого, что массы принимают участие в борьбе». Партийным функционерам категорически запрещено тормозить или останавливать «движение».

Новое внутрикитайское бурление, безусловно, имеет много общего с событиями 1965 — 1966 годов, когда началась «культурная революция». В 1966 году Мао выдвинул лозунг: «Бунт — дело правое». Лозунг сегодня: «Плыть против течения — принцип марксизма-ленинизма». Как и тогда, твердят о «борьбе двух линий». Снова «враги», которых следует «разоблачить», отделяются от «друзей», которые должны дать заверения в верности и доказательства лояльности.

Однако, несмотря на одинаковое декоративное оформление, продолжающаяся вот уже несколько месяцев кампания в ряде существенных моментов отличается от прошлой. Во-первых, она не выходит из стадии «боя с тенью» (точнее, с двумя тенями). Конечно, удары по прошедшему и давно прошедшему целят в настоящее. Но до сих пор не названо ни одного имени, не уточнено, кто же должен стать жертвой чисток.

Начало «культурной революции» протекало иначе. Неприметная статья будущего члена Политбюро Яо Вэнь-юаня, появившаяся 10 ноября 1965 года в одной шанхайской газете, совершенно точно определила объект атаки. Она была облечена в форму рецензии, где подвергалась критике пьеса У Ханя, заместителя [illegible]ского мэра. Эта пьеса, [illegible]валась в рецензии, вовсе «не благоухающий цветок», но «ядовитое растение». А за У Ханем, как всем было известно, стояли мэр Пекина Пын Чжэнь и ряд других партийных работников, которые в 1966 году были низвергнуты и «вычищены».

Правда, летом 1973 года первые толчки были замечены опять-таки в области культуры. Раздались те же слова предупреждения, адресованные деятелям я функционерам искусства: «не выдавать ядовитые травы за благоуханные цветы». Однако решающее различие состоит в том, что конкретные адресаты не были указаны.

Во-вторых, до сих пор не появилось сравнимой с хунвэйбинами организации, которая стала бы воплощением «культурно-революционной» воинственности. Барабаны второй «культурной революции» слышны, но еще не видны.

В-третьих, пока не похоже, чтобы армия уже была готова, как это имело место в 1966 году, выступить в качестве движущей силы «культурной революции». С момента свержения Линь Бяо отсутствует центральная, ведущая фигура. С ног до головы прочищенная, лишенная былой уверенности в себе, армия скорее отступает, чем наступает.

Тем не менее «леворадикальные» силы все более и более ставит под вопрос политику, проводившуюся после 1969 года. Эти силы, к которым принадлежит жена Мао Цзе-дуна — Цзян Цин, шанхайская группа — Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юань, а также У Дэ и Кан Шэн, скорее, чем это ожидалось, сумели напрячь свои мускулы. Левая фракция развернула свои знамена и направилась из Шанхая в наступательный поход. Дойдет ли она до Пекина — покажет будущее. Хотя она достаточно сильна, чтобы обострить внутриполитическую обстановку, но ей не хватает сил для решающего прыжка к власти. Препятствием на ее пути стоит главный пекинский администратор и распорядитель Чжоу Энь-лай.

Правда, последние раунды не прошли для Чжоу бесследно. Кампания за возобновление наступления нанесла определенный ущерб его влиянию...

Но Чжоу сидит в одной лодке с Мао, в руках которого находится кормило и который неизменно держит курс на бурное море. Принцип «большого беспорядка» стал высшей государственной мудростью этого двуликого Януса, утверждающего, что «неравновесие длительно и абсолютно, равновесие ограничено во времени и относительно». Именно из подобных «оригинальностей» состоит его «китайский путь к коммунизму».

Не предпринимает ли 80-летний председатель ныне последнюю попытку — при помощи радикального силового номера воздвигнуть «революционный памятник» самому себе?

«Цайт» (ФРГ)

Ивэн ХАНТЕР,
американский писатель

Интервью

Рассказ

Романы и рассказы известного американского писателя Ивэна Хантера не раз публиковались на русском языке. Тонкий психолог и признанный мастер короткого рассказа, Ивэн Хантер успешно продолжает реалистическую традицию в американской литературе. «Дело по обвинению», «Запоздалый успех» и другие произведения писателя поднимают тему судьбы искусства в мире бизнеса.

Рассказ, который мы предлагаем вниманию читателей, взят из сборника «Семь рассказов» (1972). Циничный практицизм, ведущий к преступлению, — вот единственный «художественный» и моральный критерий для тех, кто использует искусство исключительно в целях наживы.

— Сэр, со времени несчастного случая на Сардинии вы отказывались давать интервью...

— Мне этот цирк ни к чему. Мое дело создавать кинофильмы, а не сенсации для прессы.

— Не вы ли назвали его призвать, что этот несчастный случай способствовал доходности фильма,

— Я не отвечаю за болезненное любопытство американской публики.

— А за то, что произошло в Сардинии, вы отвечаете?

— На Сардинии. Это остров.

— На Сардинии, если угодно.

— Я отвечаю только за то, что ставил фильм. Все, что произошло помимо этого, произошло совершенно случайно.

— Но все-таки вы были там, когда это произошло.

— Я был там.

— Следовательно...

— Я не хочу об этом говорить.

— Присутствовавшие там актеры и техники многое рассказали об этом несчастном случае. Не хотели бы вы что-нибудь опровергнуть или исправить? Дать верный отчет о происшедшем?

— Отчетом и является мой фильм. Мои фильмы — мои мемуары. Все остальное — вздор. Актеры — это вьючные животные, техники, домашняя прислуга. Опровергать или исправлять их высказывания — бессмысленная трата времени.

— Если я правильно вас понял...

— Вряд ли.

— Почему вы так говорите?

— Просто потому, что меня никогда и никого еще не интервьюировал точно, и у меня нет оснований полагать, что ваш журнал составит исключение.

— Почему же вы в таком случае согласились дать интервью?

— Потому что я хотел рассказать о своем будущем фильме. Сегодня вечером у меня состоится встреча с одним нью-йоркским драматургом. Он должен представить мне окончательный вариант сценария, над которым мы долго и упорно трудились. Я почти уверен, что этот вариант отвечает моим требованиям. Заглядывая вперед, могу сказать, что в таком случае это интервью должно появиться в печати незадолго до окончания фильма и его выпуска на экран. По крайней мере, я надеюсь, что все пойдет по графику.

— Можно ли узнать, кто этот драматург?

— Я полагал, что вы хотите сюда, чтобы беседовать со мной.

— Да, конечно, но...

— Я неоднократно замечал, что когда Отто Премингер, Альфред Хичкок, Дэвид Лин или хотя бы кто-нибудь из модных действий «новой волны» дают интервью, они говорят только о себе и никогда не упоминают ни о ком другом. Это единственная хорошая черта, которую они сумели в кинопроизводстве.

— Похоже, что вы мало кого из кинорежиссеров высоко ставите.

— Я ценю некоторых.

— Может быть, вы их назовете?

— Я высоко ставлю Гриффита, Де Миля, Эйзенштейна, некоторых других.

— Почему именно их?

— Они все умерли.

— А из живущих кинорежиссеров вы никого из цените?

— Никого.

— Никого? Кажется странным, что человек, известный своей щедростью, так скуп на похвалу по отношению к другим, признанным мастерам кино.

— Да.

— Что сие?

— Да, это может показаться странным. Явное противоречие в характере. Но факт остается фактом: в каждом из живущих кинорежиссеров я вижу угрозу, вызов и конкурента. В мире имеется определенное число киноэкранов и тысячи фильмов, конкурирующих между собой, чтобы занять эти экраны. Если на последний фильм ужасов Хичкока выстраивается очередь, то уже нет шансов на то, чтобы стояла очередь на мой фильм. Я стараюсь добиться того, чтобы на каждую мою картину стояла очередь на тротуаре. И меня раздражает успех любого фильма, кроме моего собственного.

— Все же у вас бывали значительные неудачи.

— Неудачи никогда не бывают значительными. Кроме того, я ни один из моих фильмов не считаю неудачным.

— Вы имеете в виду неудачу с точки зрения художественной или коммерческой?

— В плане художественном у меня никогда не было неудач. Некоторые мои картины не имели большого кассового успеха, но таких было немного.

— Некоторые рецензенты утверждали, что успех фильма объясняется исключительно скандалом по поводу несчастного случая на Сардинии. Вы в этом не согласны?

— Я задам вопрос вам, молодой человек. Предположим, что с несчастным случаем на Сардинии был бы связан фильм под названием «Девушка с побережья встречает Ангелов Ада» или другая подобная же макулатура. Как вы думаете, эта добавочная известность обеспечила бы успех такой картины?

— Может быть, и нет. Но учитывая ваше имя и имя кинозвезды...

— Вы могли бы ограничиться моим именем. К моим фильмам кинозвезды не имеют никакого отношения. Я мог бы ввести в фильм дрессированного тюленя, и публика пошла бы смотреть фильм. Я мог бы ввести в фильм вас, и публика пошла бы смотреть.

— Вы не считаете создание фильма результатом совместных усилий?

— Разумеется, нет. Я указываю сценаристу, что мне нужно, и он делает то, что мне нужно. Я указываю оператору, что мне требуется, и он делает то, что требуется. Я указываю актеру, куда направить камеру и какой мизансцен поставить. Я указываю актерам, как им двигаться и как произносить свои реплики. Это, по-вашему, совместные усилия? К тому же меня оскорбляет слово «сотрудничество».

— Почему?

— Потому что оно означает безуспешную попытку. Вы пытаетесь что-то сделать и потерпели неудачу.

— Вы боитесь неудач?

— Я их не выношу.

— Вы считаете сардинский фильм удачным? С точки зрения художественности?

— Я уже говорил об этом.

— Да, но многие критики находили, что монтаж фильма был плачевным. Что эпизоды, снятые до несчастного случая, были по кускам вставлены...

— Прежде всего, как только критики начинают рассуждать о монтаже, ракурсах и других специальных предметах, я немедленно засыпаю. Они не имеют ни малейшего представления о том, как делаются фильмы. Ведь в чем заключается единственное достоинство кинокритика? В том, что он посмотрел кучу фильмов, точка. По-моему, это квалифицирует его не как знатока кино, а как эксперта по жареной кукурузе, которую грызут в зале.

— Во всяком случае вы были очень сновавы, когда монтировали последнюю часть ленты?

— В каком отношении скован?

— В отношении метража, который требовался, чтобы сделать фильм законченным целым.

— Мой фильм был законченным целым. Само собой понятно, что я не мог включить материал, которого не было. Актриса утонула. Это был совершившийся факт. Мы не сняли оставшуюся часть фильма так, как мы первоначально планировали. Мы не могли этого сделать. Но необходимые изменения были внесены в сценарий тут же, на месте, — вернее, в Риме. Я вылетел в Рим, чтобы договориться с итальянским сценаристом, который выполнил требуемую работу.

— Его имя не упоминается в титрах фильма.

— Он просил снять его. Я выполнил его желание.

— Но на фоне борьбы.

— Никакой борьбы не было.

— Ходили слухи, что вы его ударили.

— Глупости.

— На Виа Венето.

— Я выпил стакан кампари с содой возле ресторана Донин — это единственный акт насилия, который я когда-либо совершил на Виа Венето.

— Тем не менее газеты...

— Римская пресса славится своей неточностью. В сущности, во всей Италии нет ни одной приличной газеты.

— Но сэр, ведь был же у вас какой-то спор с вашим сценаристом. Не может быть, чтобы все сообщения об этом...

— У нас был крупный разговор.

— По какому поводу?

— О господи, неужели надо опять жевать эту жвачку? Это же скука смертная! Ну, ладно, ладно. По его утверждению, он согласился на эту работу, не имея ни малейшего представления о масштабах скандала, вызванного смертью актрисы. Он заявил, что не хочет связывать свое доброе итальянское имя — до того как я его нанял, этот жалкий ханжа написал всего один сценарий, итальянский вестерн с второстепенным американским телеактером в главной роли, — не хочет связывать свое доброе имя с картиной, над которой нависла хотя бы тень подозрения. Таковы были его слова. Но смысл был прямо противоположный. Вот почему я противился его идиотским уловкам.

— Прямо противоположный смысл? Что вы хотите сказать?

— Я чувствовал, что он не столько стремится избежать этой злосчастной известности, сколько пытается нажить на ней капитал. Его игра была совершенно понятной. Ублюдок несчастный! Я-то думал, что он будет горд тем, что его имя появится в одной из моих картин! В конце концов я уступил. Для полной ясности могу добавить, что он не вернул мне те пять тысяч долларов в неделю, которые я заплатил ему за его переписку на машинке. Очевидно, над моими деньгами «тень подозрения» не нависла.

— «Переписка на машинке», вы сказали?

— Переписка на машинке. Все изменения, необходимые для приспособления сценария к... для создания приемлемой концовки, принадлежали мне.

— Для приспособления сценария к смерти актрисы?

— Для объяснения отсутствия героини в оставшейся части фильма. Мне не хотелось бы обсуждать этот злополучный вопрос. Откровенно говоря, я нахожу обсуждение таких вещей отвратительным. В конце концов девушка действительно утонула. Она в самом деле умерла. Это объективный факт. Но мы не должны упускать из виду другой объективный факт. Как бы жестоко это ни прозвучало — а я отдаю себе полный отчет в том, что такое высказывание не вызовет симпатий публики, — но мы уже из расходовали на этот фильм три миллиона долларов. А вы, несомненно, знаете, что бывали случаи, когда ведущие актеры заболевали и умирали во время съемок. Насколько мне известно, подобные случаи никогда не влекли за собой прекращения съемок. Я не знаю также ни одного случая, когда фильм не вышел бы на экран единственно из-за смерти ведущего актера. Однако именно этого требовали от меня сразу же после смерти актрисы и вплоть до выпуска фильма на экран.

— Вам не нравилось бестактным демонстрировать этот фильм?

— Конечно, нет. С актрисой произошел несчастный случай. Она утонула. В этом никто не был виноват. Если бы при прыжке через пропасть погиб дублер-наездник, разве поднялась бы такая свистопляска? Смею думать, что нет.

— Но согласитесь, что обстоятельства ее гибели...

— Она утонула совершенно случайно. Мы снимали на мелком месте.

— Данные о глубине места съемки колеблются от десяти до сорока футов. Ни то, ни другое нельзя назвать мелким местом.

— Вода была ей по пояс. А она была высокого роста. Пять футов семь дюймов, по-моему. Или восемь. Я не помню точно.

— Так как же она утонула, сэр?

— Не имею ни малейшего представления.

— Но вы ведь были при этом?

— Да, я был на съемочной барже.

— Что же произошло?

— Я вижу, что мы должны покончить с этим раз и навсегда. Я бы предпочел обсуждать настоящее или будущее, но, по-видимому, нам придется сначала до тошноты пережевывать прошлое.

— Как хотите, сэр.

— Я хотел бы, чтобы этого несчастного случая никогда не было, вот чего я хотел бы, сэр! Я хотел бы также, чтобы меня не дергали без конца из-за этого несчастного случая! Итальянские следственные органы установили, что смерть была совершенно случайной. То, что достаточно убедительно для итальянского суда, достаточно убедительно для меня, черт возьми! Но удовлетворить потребность американцев в сплетнях поистине невозможно. За каждым несчастным случаем или происшествием, пусть самым невинным и безобидным, американская публика непременно ищет заговор, козни, преступную тайну. Но это же абсурд! Неужели вы думаете, что кто-нибудь из нас хотел, чтобы девушка утонула? Я уже говорил вам, сколько денег мы истратили на эту картину до несчастного случая. По моим подсчетам, отсрочка окончания съемки, необходимость переделок, введение второй актрисы для завершения картины обошлись по меньшей мере в миллион долларов сверх намеченной сметы. Никто не хотел этой смерти хотя бы из чисто деловых соображений.

— И все-таки это случилось.

— Это случилось.

— Как?

— Точная последовательность событий мне неясна до сих пор.

— Ваш ассистент...

— Да.

— ...показал на следствии...

— Да, да.

— ...что актриса просила не заставлять ее плавать.

— В то утро была очень холодная вода. Мы ничего не могли с этим поделать. Это — объективный факт. Освещение было прекрасное, и мы приготовились к съемке. Знаете, актеры — как дети. Если бы я позволил ей задартачиться и не входить в воду, то в другой раз она отказалась бы пройтись по лужайке.

— Автор первоначального сценария утверждает, что сцена, которую вы снимали в то утро...

— Эта сцена была нововведением? Сцена в воде?

— Возможно, что да. Я не помню. Если, как утверждает наш голливудский писака, ее не было в первоначальном сценарии, значит, она была добавлена потом. Да, логически рассуждая, эта сцена должна быть нововведением.

— Когда она была добавлена к сценарию?

— Не помню. Идеи новых сцен иногда возникают у меня накануне съемки. В таких случаях я собираю технический персонал, указываю, что мне понадобится, и наутро все готово. Если вводится дополнительный диалог, то я забочусь о том, чтобы у актеров был на руках новый текст, и заставляю их выучить его за ночь. Если добавочного диалога нет...

— А в этой сцене был добавочный диалог?

— Нет. Просто актриса должна была проплыть от моторки до пристани...

— Как вы поступаете в таком случае? Когда в новой сцене нет диалога?

— В таком случае я отвожу актера в сторону и объясняю ему сцену. Ее суть. Это была чрезвычайно простая сцена. Ей надо было только нырнуть с борта лодки и доплыть до пристани.

— Нырнуть на мелком месте?

— Ну, не настолько там мелко, чтобы удариться о дно, если вы это имеете в виду.

— Тогда, может быть, сведения о глубине...

— Глубина — не проблема для любого умеющего плавать.

— А она умела плавать?

— Конечно, умела. Не думаете же вы, что я разрешил бы ей играть сцену в воде...

— Я хотел спросить, хорошо ли она плавала.

— Удовлетворительно. Она не была ни Элеонорой Холмс, ни Эстер Уильямс, но для этой роли и не требовалась олимпийская чемпионка. Она плавала удовлетворительно.

— Когда вы объяснили ей суть сцены?

— Кажется, утром. Если память мне не изменяет. Да, по-моему, эта идея возникла у меня накануне вечером. Я созвал нужных людей и сказал им, что мне потребуется на следующее утро. А тогда я объяснил сцену ей. По крайней мере таков мой обычный метод.

— Вы объяснили ей, что она должна нырнуть с борта лодки и приплыть к пристани?

— Это все, что от нее требовалось.

— Она согласилась?

— Ну, конечно. Это был ее первый фильм. Разумеется, она согласилась. О ее несогласии не могло быть и речи. Когда я открыл ее, она была манекенщицей в молодежном журнале мод, демонстрировала мини-юбки и тому подобное. Этот фильм значил для нее все. Подумайте, в какой круг я ее ввел! Знаете, сколько мы заплатили ее партнеру — исполнителю главной роли? Меня это до сих пор бесит.

— Правда ли, что после гибели девушки он угрожал отказаться от дальнейшего участия в съемках?

— Он раструбил об этом в бесчисленных публикациях по всему земному шару. Удивляюсь, что он не поместил объявление об этом на луне, но я думаю, что как раз в данный момент он обратился с соответствующим ходатайством в НАСА.

— Но он ХОТЕЛ отказаться от съемок?

— Хотел. Я, разумеется, не мог этого допустить. Да и контракт этого не позволял. У актера иногда возникает иллюзия, будто он нечто большее, чем вьючное животное. Но киностудия — мощный пресс, расплющивающий каждого, кто когда-либо видел свое гигантское лицо, идиотски ухмыляющееся с экрана. Самомнение актера порой вырастает до масштабов экранного изображения... Отказаться от съемок? Да я бы ободрал его как липку! Отсудил бы последние ботинки.

— Почему он хотел уйти?

— У нас с самого начала были столкновения. Я считаю, что он просто искал повод, чтобы уйти, и воспользовался смертью девушки как удобным предлогом.

— Какого рода столкновения были у вас?

— Я полагаю, что репутация джентльмена, о коем идет речь, не нуждается в комментариях. Она достаточно разрекламирована даже в самых строгих журналах для семейного чтения.

— Значит, это правда, что между ним и девушкой завязался роман?

— Я еще ни разу не вел съемки, во время которой не завязался бы роман между актрисой и ее партнером. Это неизбежная деталь кинопроизводства.

— Это было деталью съемок данного фильма?

— К несчастью, да.

— Почему вы говорите «к несчастью»?

— Перед девушкой открывалась блестящая карьера. Я не хотел, чтобы она попала в положение, которое... Я не хотел, чтобы она оказалась в столь уязвимом положении.

— Уязвимом?

— Итальянская пресса с величайшим удовольствием связала бы ее имя с этим человеком. Я неоднократно предостерегал ее против него. Ведь мы потратили уйму денег на ее обучение. Актер становится звездой в одно прекрасное утро, но этому прекрасному утру предшествуют долгие дни подготовки.

— Она приняла во внимание ваши предостережения?

— Она была очень молода.

— Это означает?..

— Девятнадцать, очень молода.

— Сообщения об этом романе, разумеется, ПОЯВИЛИСЬ в печати. Несмотря на ваши усилия.

— Да, несмотря на это.

— ДА?

— Молодые легко влюбляются. И все же я предостерегал ее. До самого конца я предостерегал ее. Накануне того дня, когда она утонула, в отеле был устроен большой прием в мою честь. Мы просмотрели отснятый материал и были очень довольны. Я более чем когда-либо был убежден, что девушку ожидает потрясающий успех. Что я открыл актрису, которая должна была стать выдающейся фигурой современного кино. Она обладала... она обладала удивительным свойством... Это почти невозможно объяснить неспециалисту. Дело в том, что бывают люди совершенно бесцветные, вялые, неинтересные, пока их не снимешь. А экран внезапно озаряется поистине ослепляющей жизненной силой. Этим качеством она обладала. И я вновь сказал ей об этом в тот вечер. Я отвел ее в сторонку, мы тихонько пили вдвоем, и я напомнил ей, кем она была — никому неизвестной манекенщицей молодежного журнала мод — и кем она наверняка станет после выхода фильма. Я умолял ее не разрушать все это ради глупого флирта со своим партнером. На приеме присутствовала пресса, это было целое событие. Да. Все это, по-видимому, уже не имеет значения. Она умерла. Она утонула на следующий день.

— Что произошло на вечере?

— Им удалось сфотографировать ее. Там есть крытая галерея, ведущая из главного здания в башню, которая стоит над гаванью. Эти подонки сфотографировали их вдвоем в несколько, ну, скажем, в несколько компрометирующем виде. Я набросился на одного из фоторепортеров — хотел вырвать у него камеру...

— Это были те самые фотографии, которые впоследствии были опубликованы? После несчастного случая?

— Да, да. Я, конечно, знал уже тогда. Я сразу же понял, что раз мне не удалось отнять у них камеры, то карьера ее кончена. Все, что я сделал, весь мой труд, все старания — и все это ради нее, ради того, чтобы сделать ее звездой, выдающейся личностью, — все это оказалось напрасным. Я увел ее в ее комнату. Я сурово выбранил ее и напомнил, что ее выход в гриме назначен на шесть часов утра.

— Что произошло на следующее утро?

— Она явилась на съемочную баржу в гриме и в костюме в восемь часов. Она была в купальном халате поверх бикини. Был очень холодный день.

— Вела она себя как-нибудь странно?

— Странно? Не понимаю, что вы имеете в виду. Она казалась очень удрученной, и у нее было для этого достаточно оснований. Она сидела одна и ни с кем не разговаривала. Но в общем выглядела она совершенно нормально.

— Между вами не было враждебности?

— Нет, нет. Может быть, некоторое отчуждение. В конце концов я был в ярости прошлой ночью и резко бранил ее. Но я профессионал, и мне нужно было снять сцену. Насколько я помню, я был вежлив и дружелюбен. Когда я увидел, что ей холодно, я даже предложил ей свой термос.

— Ваш термос?

— Да. С чаем. На натурных съемках никто не умеет заваривать чай по моему вкусу, так что я сам завариваю его и ношу с собой термос. Этот чай я предложил ей. Термос с чаем, который я заварил у себя в номере, перед тем как пошел на съемку.

— И она взяла его?

— С благодарностью. Она дрожала от холода. Дул пронизывающий ветер; по-моему, начинался мистраль. Пока она пила чай, я объяснил ей сцену. Мы одни сидели на корме, все остальные были впереди, хлопотали, готовясь к съемке.

— Говорила она о том, что произошло накануне?

— Ни слова. Да я и не ожидал, что она станет говорить об этом. Она только жаловалась, что чай очень горький. Я проследил за тем, чтобы она выпила все до капли.

— Зачем?

— Зачем? Я уже говорил вам. В тот день было необычайно холодно. Я не мог допустить, чтобы она подхватила какую-нибудь простуду.

— Сэр... не было ли какой-нибудь ДРУГОЙ причины, почему вы предложили ей чай и проследили, чтобы она выпила все до последней капли?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я только повторяю то, что сказали люди, находившиеся на барже.

— А именно? Что же они сказали?

— Что когда девушка лежала на съемку, она была пьяна, что вы старались ее протрезвить, и что она все еще была пьяной, когда прыгнула в воду.

— Чушь! У меня на съемках никто не пьет. Даже если бы я работал с Ником Фнлдсом, я не позволил бы ему пить. А я высоко ценил и уважал его. Для актера он был очень порядочным человеком.

— Тем не менее ходят упорные слухи, что девушка была пьяной, когда перешла с баржи в моторку.

— Она была абсолютно трезвой. Хотел бы я знать, как возникают подобные слухи! Девушка выпила чай и сидела рядом со мной три часа. У нас были неполадки с цветом моторной лодки. Мне не понравилось, как получается зеленый цвет на носу, и я велел его перекрасить. Из-за этого подготовка к съемке заняла больше времени, чем мы рассчитывали. Я боялся, что станет облачно и нам придется перейти в павильон. Суть, однако, в том, что все это время возле нас не было ни души. Так как же мог кто-нибудь знать, была девушка пьяной или нет! А она не была пьяной, за это я ручаюсь.

— Они говорят, сэр...

— Они, они — кто такие, черт возьми, они?

— Те, кто был на барже. Они утверждают, что, когда она прошла вперед, чтобы спуститься в лодку, она нетвердо держалась на ногах. Они утверждают, что у нее были остекленелые глаза...

— Вздор!

— Что когда они спросили, нельзя ли отложить съемку...

— Все вздор!

— У нее был слабый, какой-то безликий голос.

— Как единственный свидетель, который находился рядом с актрисой с того момента, когда она явилась на баржу, и до той минуты, когда она через три с половиной часа сошла в лодку, я твердо и определенно заявляю, что все это время она была в здравом уме и твердой памяти и полностью владела всеми чувствами. Она не хотела входить в воду, потому что было холодно. Но это было объективное явление природы, а я не мог регулировать температуру воды или воздуха. Я не мог также — рискуя потерять освещение — отложить съемку, когда все, включая проклятую лодку, было, наконец, готово.

— И она прыгнула в воду? Как ей было приказано?

— Да. Она должна была проплыть небольшое расстояние под водой, а затем вынырнуть и плыть дальше. Таков был мой план этой сцены. Она нырнула, камеры включились, мы... Никто из нас сначала не заметил, что она слишком долго не появляется на поверхности. Когда же мы это поняли, было слишком поздно. Он, разумеется, тут же бросился вслед за ней...

— Он?

— Ее партнер. Исполнитель главной роли. Продемонстрировал свое геройство. Обыграл свою мужественность. Когда он ее вытащил, она была мертва.

— Что явилось причиной смерти? Судороги? Подводное течение?

— Не имею ни малейшего представления. Бывают несчастные случаи. Что еще я могу сказать? Этот случай был особенно несчастным, и я сожалею, что он произошел. Но прошлое есть прошлое, и если постоянно о нем думать, то можно потерять из виду настоящее. Я не склонен предаваться воспоминаниям. Жить прошлым — значит остановиться. Я смотрю вперед, а в таком случае будущее не грозит неожиданностями. Приятно сознавать, например, что к тому времени, когда это интервью появится в печати, я буду монтировать фильм, который еще не начал снимать. В рутине есть свой смысл. В ней сохраняется та подлинная, неподдельная реальность, которой так часто недостает в производстве кинофильмов.

— Этот новый фильм, сэр...

— Я уж думал, вы никогда о нем не спросите.

— О чем этот фильм?

— Я никогда не говорю о теме или сюжете картины. Если бы я мог втиснуть ее содержание в три или четыре фразы, то зачем бы я стал тратить долгие месяцы на съемки?

— Что вы МОЖЕТЕ рассказать о вашем новом фильме, сэр?

— Могу сказать, что действие его происходит в Югославии и что я намерен в полной мере использовать кинематографически выигрышные очертания побережья Адриатики. Я могу сказать, что это история любви непревзойденной красоты и что я нашел необычайно талантливую актрису для главной роли, никогда еще не снимавшуюся в кино. Она играла в небольшом театре в Ла Синьеха, когда я совершенно случайно открыл ее. Я немедленно провел пробу, и результаты оказались ошеломляющими. Эта актриса обладает такой трепетной жизненностью, которая заставляет совершенно забыть о технических средствах, о кинопроекторе и экране. Это невероятно, это почти сверхъестественно! Я работаю с ней уже около шести месяцев. Она необыкновенно восприимчива — редкое сочетание таланта и ослепительной красоты. Было бы глупо строить предположения о ее будущем, особенно учитывая теперешний климат Голливуда и неустойчивое положение кинопромышленности в целом. Но если эта девушка будет стараться, если она будет работать так же упорно, как работала до сих пор, если у нее будут соответствующие роли и надлежащее руководство — а я намерен в полной мере предоставить ей и то, и другое, — в таком случае ее безусловно ожидает блестящая карьера.

— Не хотите ли вы что-нибудь сказать о будущем кинонскусства вообще?

— Я не люблю общих мест — предпочитаю говорить конкретно. Я убежден, что до тех пор, пока есть люди, посвятившие себя искусству создания хороших кинофильмов — а я имею в виду не порнографию, которая выдает себя за искусство, и не патологию, выдающую себя за юмор, — пока есть люди, готовые приносить жертвы ради того, чтобы публика могла смотреть подлинно художественные фильмы, киноискусство будет жить. И я рассчитываю на долговечность.

— Благодарю вас, сэр.

Перевела
М. ГОРДЫШЕВСКАЯ

Как стало известно из [illegible] источников, [illegible] сегодня-завтра, а [illegible] послезавтра — [illegible] ский день. В этой свя[illegible] и по этому поводу администрация «Клуба ДС» немцо, кроме ш[illegible] гек, поздравляет все[illegible] нам, жен, дочерей, се[illegible] гар и тещ и желает и[illegible] успехов в труде и сч[illegible] стья в личной жизни.

Примите, дорогие, м[illegible] ши уверения!

Мерси боку!

МУЖ

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ

С. АШМАРИН (СВЕРДЛОВСК)

В последнее время администрация «Клуба ДС», как и администрация других изданий, вплотную примкнула к бесчисленной когорте социологов. Широко распространено мнение, что о мужчинах мы знаем все, а о женщинах — почти все. Не составляет также большой загадки и институт жен. А что мы знаем о мужьях? Ничего мы не знаем о мужьях! Красиво ли это?.. И вот, задавшись целью распутать этот клубок, администрация вооружилась самой современной методологией — путем нехитрого опроса отдельных ветчников, составляющих актив клуба 12 стульев», выяснила: годятся ли они в мужья-74? Администрация призывает всех своих симпатичных читательниц дать достойный ответ на этот справедливый вопрос. Заранее благодарим всех симпатичных за внимание...

ЧТО ВАМ НРАВИТСЯ В ВАШЕЙ ЖЕНЕ!

Туфли, которые я ей купил в день свадьбы.

Арк. АРКАНОВ

Ее муж.

А. ХАИТ

На этот вопрос я потратил уже 33 года...

М. СЕМЕНОВ

ЧТО ВЫ ЕЙ ЗАВТРА КУПИТЕ!

Я же сказал, что в день свадьбы уже купил ей туфли.

Арк. АРКАНОВ

У меня нет фантазии. Хорошо бы купить ей обыкновенную норковую шубу.

Вл. ВЛАДИН

Завтра вечером, к счастью, магазины будут закрыты.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ

Можно очень многое на купить. Ну, и не надо.

А. РАЙКИН

Что-то с памятью моей стало...

А. ИВАНОВ

ПОЧЕМУ НА ВАШУ ЖЕНУ ВСЕГДА ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ!

Потому что она ходит в чудесных туфлях, которые я ей купил в день свадьбы.

Арк. АРКАНОВ

Это ясно. Потому что она не ваша жена, а чужая.

А. ХАИТ

ВЫ ЖЕНИЛИСЬ ПО ЛЮБВИ ИЛИ!..

Сначала по любви, а после того, как купил ей туфли, уже было неудобно...

Арк. АРКАНОВ

Конечно, по любви. Если бы у меня тогда было чувство юмора, о какой любви могла идти речь?

А. ХАИТ

Из присущего мне чувства скромности разрешите не отвечать на этот вопрос.

М. СЕМЕНОВ

Экономические соображения тогда еще не приходили мне в голову.

А. РАЙКИН

ЕСЛИ БЫ ВЫ ВСТРЕТИЛИ ВАШУ ЖЕНУ СЕГОДНЯ НА УЛИЦЕ, ВЫ БЫ ОБРАТИЛИ НА НЕЕ ВНИМАНИЕ!

Еще бы, разве у кого-нибудь есть такие туфли!..

Арк. АРКАНОВ

Боюсь отвечать, потому что моя жене тоже читает «Литературную газету».

А. ХАИТ

Конечно. И крикнул бы ей: — Дорогуша, я борщ сварила!

М. СЕМЕНОВ

С ЧЕМ ВЫ ВАМ ХОТЕЛОСЬ СРАВНИТЬ ВАШУ ЖЕНУ!

Такие туфли даже сравнить не с чем.

Арк. АРКАНОВ

С термоядерной реакцией! Изредка управляемой.

М. СЕМЕНОВ

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ЖЕНСКОМУ ФУТБОЛУ!

Я вообще-то не против, но туфли жалко.

Арк. АРКАНОВ

С большим подозрением. Не могу поверить, чтобы одиннадцать женщин согласились выйти на поле одинаково одетыми.

А. ХАИТ

ЕСЛИ БЫ ВЫ БЫЛИ ЖЕНЩИНОЙ!..

Если бы я был женщиной, я бы сама носила такие туфли.

Арк. АРКАНОВ

Отнесся бы к этому как к величайшему несчастью.

А. РАЙКИН

Я б на девал поцелуе без любви.

Гр. ГОРИН

Свидов

МАРЬЯ ИВАНОВНА

С ТАРИННО-утра в магазине царила праздничная обстановка. Продавцы мыли полы, протирали окна, скобляли прилавки. Уже целую неделю ходили упорные слухи, что Марья Ивановна приедет именно сегодня.

В директорском кабинете собралось все руководство гастронома. На столе, несмотря на декабрь, стояли прекрасные чайные розы. С заданием дирекции (разведка, как всегда, доложила точно) кассирша Вера справилась отлично!

У всех было приподнятое настроение, хотя и чувствовалась некоторая нервозность, которая обычно присутствует у всех радушных хозяев. Сам директор, взволнованно поглядывая на часы, придирчиво расспрашивал своего зама.

— Да вы не волнуйтесь, — успокаивал заместитель. — Вроде порядок полный. Чистота, и все блестит. Наглядную агитацию обновили. Итоги конкурса филателистов подвели.

Неожиданно в кабинет ворвался мясник Конкин.

— Идет, идет она! — истошно закричал он.

Директор глянул в зеркало, поправил галстук и пригладил прическу.

— Тебя что, в ОБХСС вызывают! Орешь на весь магазин,— рассердился он на Конкина.

В кабинете наступила тишина.

В дверях показалась женщина неопределенного возраста, лет пятидесяти, с ярко некрашеными губами морковного цвета.

Она каким поздоровалась. Собравшиеся хором ответили:

— Здрасьте, Марья Ивановна!

— Итак, Иван Петрович, — начала Борзова, — магазин я осмотрела. В общем впечатление неплохое. Санитарные нормы соблюдены, чисто, общественная работа прощупывается.

Директор благодарно сиял глазами.

— Только вот как обстоят дела с досугом работников! Каков премиальный фонд! Часто ли и на каком уровне проводятся мероприятия, связанные с проводами на пенсию, чествованием юбиляров? Меня все это очень интересует, — сказала Марья Ивановна, доставая из сумки записную книжку.

Директор отвечал четко, как прилежный школьник заученный урок.

Борзова кивала и записывала.

— Ну что же, Иван Петрович, пожалуй, все ясно. Должна отметить, что ваш магазин один из лучших в районе. Думаю, что мы найдем с вами нужный рабочий контакт и будем ладить.

Она успокаивающе погляде[illegible] на стол, [illegible] бумаги.

— Здесь все! Да, еще не забудьте график самообслуживания по уборке помещений составить. Ив у вас только по праздникам убираются? — Марья Ивановна шутливо погрозила пальчиком и направилась к выходу.

— Через недельку загляну, — кинула она на прощанье и захлопнула дверь.

Все, радуясь, как дети, бросились качать директора. А он, счастливый и гордый, взял оставленный Борзовой лист бумаги и торжественно, как диктор телевидения, зачитал самое главное: «Прошу меня освободить от уборщицей».

Н. МАКАРОВ

ЛЮБОВЬ

С НЕКОТОРЫХ пор стал я замечать, что люблю сразу двух женщин. Одна из них полненькая и брюнетка, а вторая худенькая и блондинка. Обе на нашем предприятии работают и тоже меня любят. Обе такие милые, симпатичные. Причем такая особенность: когда я с одной, меня тянет к другой. Я и жениться ни на одной из них не стал, чтобы не обидеть вторую. Вот они сидят сейчас напротив меня, мои любимые. Сидят грустные, расстроенные. Нашлись все-таки доброжелатели. Сообщили их родителям. И теперь хочешь не хочешь, надо ответ держать перед общественностью, то есть перед товарищеским судом. И вот спрашивает меня председатель:

— Объясните нам, как это у вас так получается?

— Я их люблю, — отвечаю я.

— Обеих сразу?

— Обеих.

— Но так ведь не бывает.

— Я сам так раньше думал, а оказалось, что бывает. Имею я право любить сразу двух?

— Право это вы имеете, но вот пользоваться этим правом не имеете никакого права. Как же это так, — пытается он разобраться,—ведь одна из них наверное, красивее, а другая, может быть, умнее.

— Нет, — говорю я, — они обе красавицы, вы посмотрите, одна такая худенькая и очень милая, а вторая такая полненькая и очень симпатичная. И насчет ума: вы зря сказали, обе они умницы и рукодельницы.

Тут, я чувствую, одной половине зала нравится одна, а другой половине — другая. А на моей стороне — никого, потому что это каждый так захочет, на две семьи жить. А нельзя.

— Ну хорошо, — говорит председатель, — ведь наверняка с одной из них вам лучше, чем с другой.

— Понимаете, — отвечаю я, — тут такая особенность. Когда я с одной, меня тянет к другой.

— Ну и шли бы к другой.

— Я и шел, а меня приду, так все снова.

— Но у них же характеры разные, может быть, одна сварливая, а другая болтливая

— Ну что вы, они не такие. Одна из них очень веселая и певунья, а вторая тихая такая и математику знает. И обе прекрасные хозяйки. Конечно, и у них недостатки есть. Но ведь и я, если разобраться, не такой уж подарок.

— Вы не подарок — это точно. Вы еще их обманываете.

— Обманываю. Но только потому, что не хочу их огорчать. А теперь обманывать не буду.

— Теперь! — возмутился председатель. — Неужели вы думаете, что они станут продолжать дружить? Теперь уж они наверняка вас бросят.

— Нет, — говорит блондинка, — я его люблю и ни за что не брошу, потому что он хороший.

— И я, — говорит брюнетка, — ни за что с ним не расстанусь, ведь он ни в чем не виноват.

— В таком случае, — говорит мне председатель, — вы сами должны какую-нибудь из них выбрать, и все!

— А какую? — спрашиваю я и вижу, что одной половине зала нравится блондинка, а второй — брюнетка. А мне обе нравятся. Не могу я одну выбрать! Я по второй скучать буду!

Председатель видит такое дело и говорит:

— Ну хорошо, а что вы будете делать, если родятся дети? Учтите, вам не удастся от алиментов отмотаться.

— Я не буду платить алиментов.

— Ах вот в чем дело! — обрадовался председатель. — Ну, это [illegible]. Ведь я их люблю и буду отдавать им всю свою зарплату, 60 одной и 60 другой.

После этих слов, я вижу, в зале некоторые за платками потянулись. Председатель в растерянности, не знает, что делать, и всем становится необыкновенно жалко меня.

А потом председатель спрашивает:

— А как же вы сами-то жить будете, если отдадите всю свою зарплату?

И тут вперед выходит из зала красивая женщина, шатенка, не полная и не худая, и говорит:

— Об этом не беспокойтесь, он будет жить у меня, ведь мы любим друг друга.

ФРАЗЫ

● *Берегите [illegible] листов! Не [illegible] графи[illegible]!*

[illegible] это [illegible]

[illegible] женщине [illegible]

[illegible] регда [illegible] Да[illegible] ется [illegible]

Г. явлинский

● *Все мужчины одинаковы, только зарплата у них разная.*

А. ДРШАВСКИЙ ТАГАНРОГ

● *Женщины умнее мужчин, потому что они знают меньше, а понимают больше.*

Дм. СТИВЕНС

Евг. САЗОНОВ

ТРИ ДЕВИЦЫ

В связи с замечательным праздником всех женщин и девушек рука моя невольно потянулась к семейному альбому. Чего в нем только нет! Сколько их там, этих, в сущности, [illegible]. Мне ведь только познакомиться — и они сразу дарят мне свои фотки... Как сейчас помню одну из встреч с Мерилин Монро, или как я [illegible] называл — Мэрией. «Хо[illegible] создать образ современ[illegible]цы», — по секрету шеп[illegible]ла она мне. Бриджитт Б[illegible] до познакомилась со м[illegible] случайно. Я ей помог [illegible]пасть в Дом кино на п[illegible]смотр нового фильма С[illegible]гея Герасимова. Ну а Д[illegible]на Лоллобриджида узна[illegible] меня на одном из феше[illegible]бельных пляжей Клязь[illegible]ского водохранилища. [illegible] сразу попросила машис[illegible] для нее сценарий «Х[illegible] любовь и фантазия». П[illegible]лось ей мягко отказать[illegible]. Гляжу я на эти три фо[illegible]графии и невольно думаю[illegible] босоногом детстве звезд [illegible]рового экрана, вынужд[illegible]ных продавать свой та[illegible]

разным продюсерам... Эти три в будущем знаменитые девчушки, которых я, несмотря ни на что, глубоко уважаю, став миллионершами, узнали почем фунт лиха. В детстве все дети одинаковы. И только став взрослыми, дети начинают отличаться друг от друга. Я люблю все одинаковое. Поэтому сегодня мои поздравления всем детям, которые рано или поздно станут женщинами.

В. ПЕСКОВ

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Александр ИВАНОВ

Н. ЯВОРСКОЙ

В лесах души

А кто гулял-погуливал
в лесах моей души?
Беспечный все покуривал
да спичек не тушил.

(Мора ЯВОРСКАЯ)

Хочу-брожу, мечтаю,
мой ли в том вина!
В душе моей покурено,
посуда не сдана...

Леса души запущены,
не слышно песнь птиц,
немеряны недюжинные,
сиротушка от них.

Знать,
кто-то шел-похаживал
и выбросил, спешил,
окурок незагашенный...
Горит теперь душа.
Признаться ведь
не зачется,
ты, сдюжит, не смешно:
в тех нужно убеждена
мне вовне — две души!

Г. БАРДИН

БЕРЕГИТЕ ЖЕНЩИН

— ТЫ СГУБИЛ МОЮ МОЛОДОСТЬ! — кричала она ему.

Он не возражал.

— ГДЕ МОЯ БЫЛА КРАСОТА? ГДЕ? — спрашивала она его.

Он не знал.

— НА КОГО Я СТАЛА ПОХОЖА? НА КОГО?

Ему не хотелось подбирать сравнения.

— ТЫ ПОСМОТРИ НА МОЮ ФИГУРУ! — требовала она.

Он не стал смотреть.

— ИЗ-ЗА КОГО ЭТИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ МОРЩИНЫ? ИЗ-ЗА КОГО? — добивалась она.

Он скромно пожал плечами.

— КОМУ Я ТАКАЯ НУЖНА? КОМУ?

Он не мог назвать подходящую кандидатуру.

— О, КАК ПРАВА ВЫЛА МОЯ МАМА!

Ну, про тещу он и слушать не хотел.

— Я НЕ НАХОЖУ СЕБЕ МЕСТА ОТ СТЫДА!

Он находил.

— КТО МНЕ ПОВЕРИТ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ ОДНОГОДКИ? КТО?

Он верил. Раз ему 136 значит, и ей столько же.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ЧАСТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В №№ 2, 5 и 7.

Пришелец Глоус прилетает на Землю с планеты Рюм и остается жить в колхозе, там нам он полюбил простую женщину Дашу. Глоус похож на ее бывшего мужа Ефима Тишкина. С планеты Рюм прилетают за Глоусом два высших бессмертных существа: Лур и Мерзук. По ошибке они хватают не Глоуса, а Тишкина. Оказавшись на планете Рюм, Тишкин знакомится с бывшей супругой Лура.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Евгений ШАТЬКО

ПРИШЕЛЕЦ-73

Часть восьмая

Лур перестал топтать пиджак Тишкина и проговорил отчаянным голосом:

— Я не могу без Эйлурии! Но с ней я тоже не могу, Фима! Как меня раздирают противоречия!

Эйлурия пренебрежительно фыркнула:

— Они его раздирают пятьсот лет! Пойдемте, сестры. Мы скоро увидимся, Ефимушка.

Эйлурия вышла, сердито выплыли бадные невидимки.

Лур ссутулился, за синюю голову, заскрипел зубами.

— Извините, Тишкин, но я раздваиваюсь, — и вдруг начал разделяться на два половинки.

— Погодм, погодм! — закричал Тишкин, стаскивая с себя ремень.

Он завел ремень Луру за спину и начал стягивать президента в плечах.

— Ты уж извини, Лур Иваныч, я тебя на последнюю дырку затянул. Как оно, полегче?

— Разрывает, — простонал Лур. — Рвет.

— Погодм, я сщас тебя намертво укреплю, — Тишкин поставил Лура к стене и начал двигать на него серванг. Он притиснул президента к стене и сказал:

— Ты с Лукерьей-то поаккуратнее... Мним ай подарид бы, какой-нито букет. На чулок-сапог разорился бы с получки. А то зодит она у тобя в сандаликах, роено пацененок.

Лур задумчиво спросил:

— Как вы проникли в тайну женской психики?..

— Проникнешь... — вздохнул Тишкин. — Ежели десять лет с ними на ферме покрутишься. Спать же нет-нет да Моруа возьмешь, «Письма к незнакомке», почитаешь вместе с бабами. Вслух. После дойки.

Лур благодарно пожал Тишкину руку и попросил:

— Отодвигай мебель, Фима. Вроде пронесло фазу.

Отодвигая сервант, Тишкин сочувственно заметил:

— Я тоже как в свою фазу вступаю, Дементе почище твоей Лукерьи мне зоряку мылит.

— Тоже раздваиваетесь? — спросил Лур с любопытством.

— Сам-то не очень... А вот предметы — точно. Эх, Лур Иваныч, подай бы ты сигнал Дарье на своего ящика! Что я, мол, об ей тоскую.

— О, это для меня семечки! — обрадованно воскликнул Лур, достал из-под мантии длинный синий ящик управления планетой и поставил его на стол.

— Я вообще-то виртуоз,— сказал он известно, сев перед клавиатурой и прикрыв глаза, будто Ван Клиберн.

— Валяй, ездерь,— подбодрил его Тишкин.

...Площадь гудела от нестройных ликующих криков. Над узкими улицами в небе реял портрет женщины в косынке, сотканный из разноцветных телефонных проводов. Это была увеличенная, шесть километров на девять, фотография, которую Тишкин подарил Эйлурии. Лур радостно воскликнул:

— О звезда моя вечерняя! Марзук оборвал его:

— Какая звезда! Это Дашка, которая трахнула вас вилами.

— Я сохранил этот ее жест в своем сердце,— сказал Лур с нежностью.

А на площадь вступила колонна женщин в брюках.

— Это марш материнства и младенчества,—сказал Марзук.

—Какая у них платформа? — спросил Лур с беспокойством.

Марзук с тихим отчаянием воскликнул:

— Платформы нету! Ищут. А достать в обувном невозможно. Вот и кидаются на людей.

Лур сказал:

— Вон как мода их скрутила!

Вдруг из переулка вышел рюмянин, который тащил старую детскую колясочку на трех колесах.

— Стойте! — властно закричал Марзук. — Приблизьтесь.

Рюмянин подошел, втянув голову в плечи.

— Где вы взяли эту допотопную коляску? — грозно спросил Марзук.

— На чердаке. По заданию Союза возрождения женщин.

— Зачем?

— Возить этого, который пищит.

— Любезный, у нас триста лет нет деторождения! — скрипуче пояснил Марзук.— Вы бессмертны. И живете вместо своих детей! Возить некого.

— Пока некого, — вздохнул рюмянин. — А вскорости...

— Никаких вскорости! — возразил Марзук. — Рюмянин, у которого появится младенец, автоматически становится смертным. Зарубите это на своем синем носу, жалкий подкаблучник.

Марзук повернулся к Луру и схватился за ящик!

— Лур, заклинаю вас! Усыпило всех этих одичавших женщин, иначе они устроят нам демографический взрыв. Опять пеленки, анализы, уколы, свинка, ау-уа! Дети не поймут нас, ведь нам по тысяче лет. Опять борьба с тещами, стрессы, бытовые травмы, болезни, полная явно!

Лур схватился ее голову и объявил сонным, тающим голосом:

— Я сейчас раздвоюсь, коллеги.

Рюмянин пустился бежать.

Мерзук достал ядовито-желтый пузырек с распылителем.

— Вы узнаете, что я сделаю из этого похитителя колясок!

Тишкин повернулся к роботу Весе:

— Ты давай бери Лура и ходу со мной, железный!

...Рюмянин взятил колясочку в подъезд доме.

На последнем этаже рюмянин вышел из лифта, — Мерзук стоял на площадке, держа наготове пузырек.

— Говорю, где и кто пищит? — спросил он, отвинчивая пробку. — А то растворю на месте.

И тут лесая дверь на площадке открылась. Эйлурия и сестры-невидимки схватили рюмянина вместе с коляской. Мерзук метнулся за ними, но его голову защемило дверью. Он подергал голову и грустно сказал Эйлурии:

— Кранты. Отхимичил.

Тогда Эйлурия взяла его за уши и втащила в квартиру вместе с мантией.

А на площадку, отдуваясь, поднялись Тишкин с ящиком и верный Вася с Луром на спине.

— Все сто этажей проверили, — сказал Тишкин, вытирая мокрый лоб. — Больше им деться некуда.

— По теории вероятностей они за одной из четырех дверей, — пробормотал Лур. — Оставьте вычислять. Поставь меня, Вася.

Вася поставил президента на пол. Тот пошевелил губами, посчитал, разбежался и ударил плечом в дверь против лифта.

— Гляди, опять раздвоишься, — озабоченно проговорил Тишкин, удерживая Лура за мантию. — Ящик-то не что, голова! Берись, ребята.

Втроем они взяли ящик, как таран, раскачали и ударили в дверь. Дверь выстояла. Тогда Тишкин вздохнул поглубже и хрипло затянул:

— Эх, дубинушке, ухнем. Лур и Вася подхватили:

— Эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет...

От третьего удара дверь рухнула. За нею открылась голубая пустота, куда они с разбегу и вывалились вместе с ящиком...

Часть девятая

В субботу вечером Даша и Глоус пришли к бригадиру Семену Грызлову посмотреть фигурное катание по цветному телевизору...

Вдруг в новом телевизоре начались помехи, появились смутные высоченные дома, толпы людей в хитонах.

На экране появились... Тишкин.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 [Ci[illegible] Москва, [illegible] Цветной бульвар, 30. Телефон для справок 295-30-00 доп. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).

Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАЙОРОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТВАРДОВСКИЙ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01014 Типография «Литературной газеты»: Москва К-61, Цветной бульвар, 30 Зак. 313 ИНДЕКС 80087